

АИША

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ МУХАММЕДА

Набия Эбботт

Ассистент-профессор исламоведения

Восточный институт

Чикагский университет

Чикаго, 1942

Mamepu

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мухаммед - молящийся и умащенный благовониями пророк ислама - открыто любил женщин и, в свою очередь, обладал для них немалой притягательностью. Он, несомненно, принадлежал к числу тех великих людей, которым выпадает счастье завоевать и сохранить деятельную поддержку и безраздельную преданность умных и любящих женщин, во многом способствующих их успеху и радости жизни. Из нескольких жен Мухаммеда две - Хадиджа и Аиша - могли дать ему в этом отношении больше, чем все остальные.

Курайшиты издавна господствовали в Мекке. Во времена Мухаммеда наиболее знатными и могущественными ветвями племени были Бану Умайя и Бану Махзум. Однако будущий пророк Аравии происходил из тогда еще сравнительно незаметного рода Бану Хашим. Рано осиротев, Мухаммед некоторое время воспитывался у деда, а затем у не слишком состоятельного дяди по отцу, Абу Талиба. Поэтому ему рано пришлось заняться обычным для человека делом - самому зарабатывать на жизнь. Лишь когда красивый и мечтательный юноша тронул сердце своей более старшей, но зажиточной работодательницы - вдовы Хадиджи, - у него появилась возможность отдаться своим мечтам. Брак с Хадиджей избавил его от материальных забот и дал досуг для духовных размышлений. Вместе с тем он принес ему твердую веру и деятельную преданность умной и воодушевленной женщины. Она стала его первой последовательницей и неизменно поддерживала его перед лицом решительного и мучительного сопротивления. В ответ она заняла в его сердце место, которого впоследствии не смогла отнять ни одна женщина. Ее смерть стала одним из самых тяжелых ударов, выпавших на долю отвергнутого мекканского пророка.

Хиджра, или переселение Мухаммеда в Медину в 622 году н. э., стала первым шагом к окончательному успеху его миссии. Этот успех отразился и в том, что его гарем все более разрастался: в нем появлялись юные девушки и зрелые аристократки, которые то украшали, то осложняли его частную

жизнь. Они приносили ему завидные преимущества политических союзов, общественного престижа, ослепительной красоты, веселой юности и зрелого обаяния. Среди этого впечатляющего круга Аиша, молодая и живая дочь Абу Бакра - ближайшего сподвижника Мухаммеда и первого халифа ислама, - сумела глубже всех проникнуть в сердце стареющего пророка, уже весьма занятого другими привязанностями. Хадиджа своей верой и поддержкой укрепила смятенный дух Мухаммеда на пороге его пророческого пути. Аиша же своим живым нравом и задорным обаянием внесла освежающую романтическую ноту в последние годы его жизни.

Но после смерти Мухаммеда большая часть жизни самой Аиши еще оставалась впереди. То, как она проявляла себя при жизни пророка и как после его смерти еще почти полвека продолжала оказывать влияние на дела нового мусульманского государства, составляет одну из важнейших и наиболее живых тем ранней истории ислама. За пределами исламского мира Аиша, любимая жена Мухаммеда, известна шире любой другой мусульманки. Востоковеды, уделявшие ей до сих пор слишком второстепенное внимание, лишь время от времени останавливались на отдельных ярких событиях ее богатой жизни.

Насколько мне известно, эта книга - первая развернутая биография Аиши. К ее написанию меня побудило отчасти желание самой узнать и рассказать другим больше о жизни этой первой леди ислама, отчасти - стремление отдать дань новому мусульманскому миру. Современные прогрессивно мыслящие мусульмане - арабы и персы, индийцы и китайцы, монголы и турки - не только живо интересуются проблемами нынешнего женского движения в исламском мире, но и с похвальным любопытством обращаются к достижениям выдающихся женщин прошлого ислама. Аиша, самая знаменитая среди них, по-видимому, представляет особый интерес для людей прогрессивных взглядов и на Востоке, и на Западе в мире, который так стремительно становится теснее.

Исследователь любого аспекта раннего ислама с самого начала сталкивается с огромным массивом исламских источников, которые обычно мало читают, но охотно

осуждают, - с преданием. Значительная часть этой критики оправданна, хотя и не вся. Верно, что предание породило немало плевел среди пшеницы. Но значительную часть этих плевел нетрудно распознать и отсеять. Среди остального внимательный взгляд обнаруживает участки золотого зерна, которые стоит благодарно собрать, даже рискуя захватить вместе с ними одну-другую сорную траву. Да и какое соби́рание исторических источников, относящихся к человеческому прошлому, когда-либо бывает совершенно свободно от риска? К тому же за утомительный труд по отсеиванию исследователь получает иную награду. Эти предания с самого начала складывались в разговорной и анекдотической форме и потому сохранили некоторые живые человеческие черты, которые слишком часто исчезают как в сухих летописях, так и в громоздких систематизированных сводах.

Главная опасность этого вида исламского источникового материала заключается в некритическом использовании отдельных преданий или целых групп сообщений, исходящих из одного пристрастного источника либо из четко определенных политико-религиозных лагерей, каждый из которых стремился утвердить ту версию «истории», которая лучше всего отвечала его притязаниям и устремлениям. Однако критическое изучение ранней истории ислама уже проделало огромную предварительную работу: были выявлены известные отдельные фабрикаторы преданий и хорошо организованные политико-религиозные группировки, умело превращавшие этот инструмент в действенную пропаганду на любой случай. Достаточно назвать таких ученых, как Велльхаузен, Гольдциер, Нёльдеке, Каэтани, и даже таких крайних авторов, как Ламменс и Казанова, чтобы понять, насколько велика оказанная ими в этом отношении неоценимая услуга. Исследователь, который воспользуется результатами их труда прежде, чем сам углубится в предание, не останется с пустыми руками. В разумных пределах возможной ошибки он может научиться отличать истинное от ложного и вероятное от невероятного.

Фронтиспис воспроизведен с миниатюры, находящейся в экземпляре сочинения аль-Джазули «Далаиль аль-Хайрат»,

ныне хранящемся во Восточном институте Чикагского университета. Эта богато украшенная и прекрасно написанная рукопись была переписана Ахмадом из Эрзерума в Медине в 1178 году хиджры (1764-1765 гг. н. э.). Я признательна доктору Уотсону Бойзу, секретарю музея, за предварительную фотографию, использованную для иллюстрации.

Мне вновь доставляет радость выразить глубокую признательность профессору Мартину Шпренглингу, неизменно вдохновлявшему меня и проявлявшему редкую щедрость как коллега. Он с постоянным и живым интересом следил за развитием настоящего исследования, читая каждый раздел сразу после его завершения. Он щедро отдавал свое время и знания, делая содержательные предложения и уместные критические замечания. Восточному институту и его директору, профессору Джону А. Уилсону, я благодарна за субсидию на издание книги. Профессор Уилсон, кроме того, оказал мне большую услугу, прочитав всю рукопись целиком и высказав множество ценных замечаний. Я также благодарю издательство Чикагского университета за многочисленные и разнообразные услуги, оказанные в ходе подготовки книги к печати.

Набия Эбботт
Восточный институт
Чикаго, 1942

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Возлюбленная Мухаммеда
- II. Мать правоверных
- III. Мудрец и святая ислама
- Карта
- Таблица племенных и семейных связей главных действующих лиц
- Указатель

I. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ МУХАММЕДА

История и предание почти единодушно свидетельствуют, что после Хадиджи первым по степени влияния на пророческую деятельность Мухаммеда следует поставить первого обращенного вне семьи Мухаммеда, его пожизненного и верного друга Абдаллаха ибн Аби Кухафу, навсегда вошедшего в историю мусульманского мира под именем Абу Бакра ас-Сиддика. Он и его семья жили в том же квартале Мекки, что Хадиджа и Мухаммед. Здесь около 614 года н. э. родилась его дочь Аиша. По арабскому обычаю ее отдали на вскармливание и воспитание в семью из племени Махзум.¹ Некоторые источники называют ее девятнадцатой принявшей ислам; возможно, это означает лишь то, что еще ребенком ее причисляли к верующим.² Во всяком случае, сама Аиша не помнила времени, когда оба ее родителя не были мусульманами и когда Мухаммед не приходил в дом ее отца утром и вечером.³

Несомненно, Мухаммед обращал внимание на эту живую маленькую дочь своего «брата» по вере. Сохранился трогательный рассказ о том, как во время одного из таких посещений он увидел маленькую Аишу у двери дома, горько плакавшую. Ее слезы растрогали его; он попытался утешить ребенка и вскоре понял, что причиной огорчения было родительское наказание. Он мягко укорил ее мать, Умм Руман. Та объяснила, что Аиша пересказывала Абу Бакру чужие слова и тем вызвала его гнев, но Мухаммед все же попросил мать ради него обходиться с девочкой мягче.⁴

Хотя выгоды брачного союза между Мухаммедом и семьей Абу Бакра могли с самого начала быть очевидны обеим

¹ Ибн Ханбал, *Musnad* (6 т.; Каир, 1313/1895-96), VI, 201, 33 и 38.

² Абу Закария Яхья ан-Навави, *Kitab Tahdhib al-Asma* («Биографический словарь»), изд. Ferdinand Wüstenfeld (Гёттинген, 1842-47), с. 849; Ибн Хишам, *Sirah*, изд. Ferdinand Wüstenfeld (Гёттинген, 1859), с. 163.

³ Ибн Са'д, *Tabaqat* (9 т.; Лейден, 1905-40), VIII, 54; Ибн Ханбал, VI, 212; аль-Бухари, *Sahih*, изд. Krehl (4 т.; Лейден, 1862-1908), IV, 131.

⁴ Ибн Са'д, VIII, 54.

сторонам, похоже, что ни один из них первым не задумался о браке между немолодым Мухаммедом и ребенком Аишей. Предание обычно приписывает эту мысль Хауле бинт Хаким, родственнице Мухаммеда по материнской линии.⁵ Она была одной из ранних последовательниц ислама и женой будущего аскета Усмана ибн Мазуна,⁶ которого Мухаммед упрекал за стремление к безбрачию и пренебрежение женой. Предание сообщает, что Хаула служила пророку; вероятно, это означает, что после смерти Хадиджи она время от времени заботилась о его скромном домашнем хозяйстве. Ее отношения с ним были достаточно близкими, чтобы она могла свободно предложить ему снова жениться.

«На ком же мне жениться, о Хаула? Вы, женщины, лучше разбираетесь в таких делах», - ответил Мухаммед.

«Если желаешь девственницу, то есть дочь того, кого ты любишь больше всех, - Аиша бинт Аби Бакр; если же желаешь женщину, уже бывшую замужем, то есть вдова Сауда бинт Зама, которая уверовала в тебя и последовала за тобой».

«Ступай, - сказал Мухаммед, - посватай мне обеих».

Хаула отправилась выполнять приятное для нее поручение. Сначала она пришла в дом Абу Бакра и сообщила новость матери Аиши, которая оставила решение за мужем. Абу Бакр, по-видимому, несколько сомневался, допустимо ли, а может быть, и законно ли выдавать дочь за своего «брата». Мухаммед поспешил развеять его сомнения, напомнив, что они братья лишь по вере.⁷

Но существовало и другое препятствие. Несмотря на детский возраст, Аиша уже была обещана молодому родственнику по имени Джубайр. Поэтому вопрос пришлось обсуждать с его отцом, Мутимом ибн Ади, семья которого все еще оставалась языческой. Абу Бакр отправился к нему, чтобы попытаться уладить дело. Едва он заговорил об этом, мать юноши выступила против прежней договоренности: она

⁵ Там же, с. 113; Ибн Ханбал, VI, 409.

⁶ Ибн Са'д, III, 286-91; Ибн Ханбал, VI, 268 и сл.

⁷ ат-Табари, *Tarikh* («Annales»), изд. de Goeje (15 т.; Lugduni Batavorum, 1879-1901), I, 1768; Ибн Ханбал, VI, 210 и сл.; аль-Бухари, III, 415; Ибн Хаджар, *Kitab al-Isabah* (Калькутта, 1873), IV, 691 и сл.

опасалась, что брак приведет ее сына к обращению в ислам. Мутим поддержал возражение жены, и «так Аллах освободил Абу Бакра от данного обещания».⁸

Сватовство Хаулы к Сауде также увенчалось успехом. В течение нескольких месяцев после смерти Хадиджи в 619 году н. э. Мухаммед один за другим заключил браки с вдовой Саудой и шестилетней Аишей. Однако брак с Аишей был фактически осуществлен лишь три года спустя, уже в Медине.⁹

Если верить преданиям, приписываемым самой Аише, эта развитая не по годам девочка почувствовала перемену в своем положении, когда мать позвала ее от товарищей по играм и стала держать дома. Она поняла, что дело идет о замужестве, но не знала, за кого именно, и не стала спрашивать, ожидая, когда мать сама ей скажет. Сведений о том, как ребенок отреагировал, узнав, что ему предстоит стать женой немолодого пророка Аллаха, не сохранилось. Во всяком случае, некоторое время главным делом ее жизни оставались детские игры.

Пока в последние мекканские годы жизнь Аиши сохраняла свой детский уклад, ее отец Абу Бакр без остатка отдавал время, силы и средства пророку, которому предстояло стать его зятем. Именно Абу Бакру Мухаммед доверял постепенно созревавшие планы эпохальной хиджры - переселения из Мекки в Медину. Тщательная подготовка Абу Бакра и его быстрая реакция, когда Мухаммед наконец объявил, что Аллах позволил им покинуть Мекку, сделали возможным успешное осуществление этого опасного предприятия.

Разумеется, маленькая Аиша не играла никакой роли в этих судьбоносных событиях. Иначе обстояло дело с ее смелой и находчивой сводной сестрой Асмой. Та решительно отрицала, что знает, где находятся ее отец и Мухаммед, и одновременно тайно снабжала их провизией; часть припасов она сама отнесла к пещере неподалеку от Мекки, где скрывались беглецы. Не имея веревки, чтобы связать свертки или спустить их в пещеру, она сняла свой пояс и разорвала его вдоль на полосы. Именно

⁸ Ибн Ханбал, VI, 211; Ибн Са'д, VIII, 39.

⁹ Ибн Са'д, VIII, 40.

поэтому в мусульманском предании Асма стала известна как «обладательница двух поясов».¹⁰

Через несколько недель после прибытия в Медину Мухаммед и Абу Бакр организовали переезд своих семей. Сауду, Фатиму и ее сестру Умм Кульсум сопровождал приемный сын Мухаммеда Зайд, взявший с собой также жену и сына. Умм Руман, Аишу и ее сестру Асму вел Абдаллах ибн Аби Бакр. К группе присоединился Тальха ибн Убайдаллах - двоюродный родственник Абу Бакра, которому еще не раз предстояло сыграть заметную роль в жизни Аиши.¹¹ Путь завершился благополучно, без каких-либо нападений. Сауда и дочери Мухаммеда поселились у него; юная Аиша осталась с родителями - сначала в доме неподалеку, а затем в их жилище в пригороде Сунх.

Последующие месяцы были для Мухаммеда и его последователей - мухаджиров, или «переселенцев» из Мекки, - напряженными и решающими. Им предстояло найти свое место в новом порядке, не оттолкнув услужливых, но честолюбивых ансаров - «помощников» из Медины - и не возлагая на них чрезмерного бремени. Мечеть Пророка еще строилась. Рядом с ней возводился ряд небольших отдельных комнат для членов семьи Мухаммеда. В одной из них вскоре поселилась Сауда, но Мухаммед по-прежнему ничего не говорил о том, чтобы привести юную Аишу «домой».

Абу Бакр, возможно несколько встревоженный, спросил Мухаммеда о причине задержки. Услышав, что препятствием служит неспособность Мухаммеда в тот момент выплатить брачный дар, он немедленно устранил трудность, предоставив этот дар сам.¹² Когда именно произошло фактическое вступление в брак, установить трудно. По одним версиям, это случилось в месяце шавваль первого года хиджры, то есть примерно через семь-восемь месяцев после прибытия в

¹⁰ Ибн Хишам, с. 329; ср. ат-Табари, I, 1235-41.

¹¹ Ибн Са'д, VIII, 43; ат-Табари, III, 2439 и сл.

¹² Ибн Са'д, VIII, 43; ср. Henri Lammens, «Le 'Triumvirat' ...», *Mélanges de la Faculté orientale*, IV (1910), 119 и сл.

Медину; по другим - лишь после битвы при Бадре, в шаввале второго года хиджры.¹³

Ни в одной версии не содержится замечаний ни о разнице в возрасте между Мухаммедом и Аишей, ни о крайней молодости невесты, которой было самое большее десять лет и которая все еще страстно любила игры. Как рассказывала она сама, однажды она с подругами во дворе увлеченно качалась на качелях, когда мать или группа женщин позвали ее, умыли ей лицо небольшим количеством воды и некоторое время подождали у двери, пока запыхавшаяся девочка не отдышалась. Затем они вошли в дом, где Мухаммед сидел в окружении мужчин и женщин. Умм Руман посадила маленькую Аишу ему на колени и благословила их обоих принятой брачной формулой: «Вот твоя семья. Да благословит Аллах тебя в них, а их - в тебе».¹⁴

Собравшиеся быстро разошлись. Игривая девочка стала женой стареющего пророка Аллаха. Позднее, когда Мухаммед устраивал более торжественные церемонии по случаю других своих браков, Аиша с некоторой завистью и, возможно, даже с легким чувством унижения вспоминала собственную поспешную свадьбу и отсутствие каких-либо празднеств в ее честь.¹⁵ Теперь, подобно своей «сестре» Сауде, она поселилась в одной из комнат, выходивших во двор мечети.

Но жена она или нет, в душе Аиша все еще оставалась ребенком и не была готова расстаться с детскими занятиями. Немолодой Мухаммед понимал это и позволял событиям идти естественным путем. Возвращаясь домой, он нередко заставлял свою маленькую жену за игрушками.

«Что это у тебя, о Аиша?» - спрашивал он.

«Кони Соломона» или «Мои куклы-девочки», - беззаботно отвечала она. Мухаммед улыбался и смотрел, как она играет. В другой раз он заставлял ее в окружении подруг; увидев его приближение, девочки разбежались или прятались, тем самым

¹³ ан-Навави, с. 849; ат-Табари, I, 1263; ср. Caetani, *Annali dell' Islam* (10 т.; Милан, 1905-26), I, 424.

¹⁴ ат-Тирмизи, *Sahih* (13 т.; Каир, 1931-34), IV, 311.

¹⁵ ат-Табари, I, 1769 и сл., 1263; Ибн Ханбал, VI, 211.

разрушая игру. Но Мухаммед, как рассказывала сама Аиша, снова созывал детей и даже присоединялся к их забавам.¹⁶

Однажды, когда хабашиты, то есть абиссинцы, показывали военные игры во дворе мечети, Мухаммед прижал Аишу к себе и позволил ей смотреть представление столько, сколько ей хотелось, или, по ее собственным словам, «пока я не насытилась зрелищем».¹⁷ Во время одного праздника две девушки развлекали ее в комнате игрой на бубнах. Вошедший Абу Бакр резко велел им уйти, но Мухаммед тут же вступился за них: «Оставь их, о Абу Бакр. У каждого народа есть свои праздники, а сегодня - наш праздничный день».¹⁸

По мере того как Аиша перерастала возраст кукол и детских подруг, становясь все более женственной и привлекательной, она обнаруживала в Мухаммеде снисходительного мужа, а в Абу Бакре - строгого и честолюбивого отца. Пока она и стареющая Сауда оставались единственными женами Мухаммеда, у живой Аиши почти не было повода предаваться ревности, а у ее отца - призывать еще совсем юную дочь к прямому служению собственным интересам. Однако это счастливое положение продлилось недолго.

Если Абу Бакр видел выгоды брачного союза с Мухаммедом, то, несомненно, их могли видеть и другие - причем не только в отношении самого Мухаммеда, но и других влиятельных деятелей новой мединской общины. Пылкий Умар ибн аль-Хаттаб, действовавший в тесной связке с Абу Бакром, не принадлежал к людям, упускающим возможности. Его дочь Хафса потеряла мужа в битве при Бадре. Умар сам принялся искать ей подходящего супруга - то есть такого, кто мог бы принести незнатному Умару общественный престиж, политическое влияние или и то и другое.

Поэтому он обратился к богатому и уважаемому в обществе зятю пророка, Омейяду Усману ибн Аффану, недавно потерявшему жену Рукайю, дочь Мухаммеда. Но тот ответил, что сейчас не нуждается в жене. Потерпев неудачу, Умар

¹⁶ Ибн Са'д, VIII, с. 42; Ибн Ханбал, VI, 57, 166, 233.

¹⁷ Ибн Ханбал, VI, 84 и сл., 166, 186 и сл., 233, 270.

¹⁸ Там же, с. 33 и 99.

предложил руку Хафсы Абу Бакру. Абу Бакр встретил эту неловкую честь молчанием. В ярости Умар поспешил к Мухаммеду жаловаться на нанесенные, как ему казалось, оскорбления. Мухаммед, как обычно, нашел выход.

«Не указать ли мне тебе, - успокоил он разгневанного посетителя, - на зятя лучше Усмана и не указать ли Усману на тестя лучше тебя?»

«Конечно, укажи», - сразу ответил Умар.

«Я женюсь на твоей дочери, а Усман женится на моей».¹⁹

Так была сохранена оказавшаяся под угрозой внутренняя мирность общины, а Мухаммед одновременно еще теснее связал себя с Умаром, известным также как Умар аль-Фарук - «Различающий» истину и ложь,²⁰ чью сильную личность и неиссякаемую энергию пророк оценивал весьма высоко.

Каковы были истинные чувства Абу Бакра в этой истории, мы, вероятно, никогда не узнаем. Однако он позаботился о том, чтобы могущественный Умар не затаил на него обиды за предполагаемое оскорбление. Абу Бакр поспешил объяснить, что слышал, как Мухаммед говорил о намерении жениться на Хафсе, и потому, не желая раскрывать замысел пророка, промолчал, когда Умар предложил ему ее руку. В противном случае, уверял Абу Бакр, он непременно принял бы это предложение.²¹

Нетрудно увидеть, что все участники эпизода руководствовались политическими соображениями. Брак, заключенный в шабана третьего года хиджры (январь-февраль 625 года н. э.), примерно за месяц до битвы при Ухуде, поставил Абу Бакра и Умара в одинаковое положение - оба стали тестями пророка. Одновременно Аиша получила первую по-настоящему серьезную соперницу в гареме - молодую женщину примерно двадцати лет. Однако прелесть Хафсы не могла соперничать с живым очарованием Аиши. Вспыльчивость Хафсы - она была истинной дочерью своего отца - производила эффект, противоположный дерзкой, но

¹⁹ Ибн Са'д, VIII, 56 и сл.; аль-Балазури, *Ansab*, V (Иерусалим, 1936), 7; *Isabah*, IV, 521.

²⁰ Ибн Са'д, III, 269 и сл.

²¹ Ибн Са'д, VIII, 57 и сл.; аль-Бухари, III, 431 и сл.

быстрой на ответ остроте Аиши, которая обычно вызывала у снисходительного Мухаммеда лишь веселую улыбку.

Несмотря на естественную ревность, обе жены, под влиянием политических связей, все теснее сближавших их отцов, большую часть времени действовали заодно. Вероятно, поначалу ведущую роль играла старшая, Хафса. Аиша рассказывает эпизод, который лучше всего отнести именно к этому раннему периоду. Однажды обе девушки держали пост, когда кто-то принес Хафсе блюдо с мясом. Та соблазнила Аишу прервать пост вместе с ней. Позже, когда появился Мухаммед, Хафса призналась, и обеим «грешницам» велели возместить нарушенный день поста другим днем. Позднее Аиша так прокомментировала поступок Хафсы: «Она и в самом деле была дочерью своего отца».²²

Служанка Хафсы рассказывает о другом случае, который также, вероятно, относится к первым годам их дружбы. Обе сидели вместе, когда увидели приближавшуюся пожилую Сауду. Отчасти из зависти к ее материальному достатку, достигнутому благодаря искусству тонкой обработки кожи из Таифа, девушки решили зло подшутить над ней. Общине хорошо внушили страх перед грядущим даджжалем - лжепророком; одна только мысль о нем порой доводила Аишу до слез.²³ Когда Сауда подошла достаточно близко, они закричали: «О Сауда! Разве ты не знаешь, что даджжал уже явился?»

Перепуганная насмерть, как рассказывает предание, Сауда бросилась в ближайшее укрытие - кухонный шатер. Шутницы, задыхаясь от смеха, побежали делиться своей проделкой с Мухаммедом. Он поспешил к шатру успокоить Сауду. Та вышла из укрытия вся в паутине и, похоже, была куда больше облегчена тем, что никакого даджжала поблизости нет, чем рассержена розыгрышем молодых соперниц.²⁴

Однако дочерям Абу Бакра и Умара вскоре предстояло столкнуться с более опасными соперницами, чем грузная и

²² Ибн Ханбал, VI, 141, 237 и сл., 263.

²³ Там же, с. 75.

²⁴ *Isabah*, IV, 547.

стареющая Сауда. В рамадане четвертого года хиджры, немногим более года после брака с Хафсой, Мухаммед женился еще на одной женщине, также овдовевшей вследствие битвы при Бадре. Это была щедрая Зайнаб бинт Хузайма, чья благотворительность уже принесла ей прозвище Умм аль-Масакин - «Мать бедняков». Ее также поселили в одной из небольших комнат возле мечети, однако ей не суждено было долго осложнять жизнь гарема: примерно через восемь месяцев она умерла.²⁵

Совсем иным оказался пятый брак Мухаммеда. Новой соперницей стала красивая и гордая махзумитка Хинд бинт Аби Умайя, более известная как Умм Салама.²⁶ Ее муж Абу Салама, от которого у нее было несколько детей, был ранен при Ухуде, затем оправился и продолжал достойно служить, пока рана снова не открылась и примерно через восемь месяцев после битвы не привела к его смерти.

Сохранились трогательные рассказы о скорби Мухаммеда по умершему верному и ценному сподвижнику. Не менее трогательные истории передают и о искренней любви между Абу Саламой и его женой Хинд. Когда ее род, Бану Мугира, отказался позволить ей сопровождать мужа в Медину, она горько плакала до тех пор, пока, тронутые ее постоянным горем, родичи не разрешили ей покинуть Мекку и присоединиться к нему.²⁷ Уже в Медине она однажды предложила мужу заключить между собой соглашение: после смерти одного из них другой не должен вступать в новый брак, чтобы супруги вновь соединились лишь в Раю.²⁸ Хочется думать, что это предложение исходило от преданной жены, понимавшей, что муж, вероятно, уйдет из жизни раньше нее. Однако Абу Салама не пожелал уступать ей в великодушии.

«Умм Салама, - спросил он, - послушаешься ли ты меня?»

«Я никогда не просила тебя дать мне повеление, если не собиралась ему последовать».

²⁵ Ибн Са'д, VIII, 82.

²⁶ Там же, с. 60-67 и 356; *Isabah*, IV, 885-90.

²⁷ *Isabah*, IV, 886 и сл.

²⁸ Ибн Са'д, VIII, 61.

«Когда я умру, выйди замуж снова», - велел он, а затем помолился: «О Аллах, даруй Умм Саламе после меня мужа лучше меня - такого, который не принесет ей ни печали, ни боли».

После смерти Абу Саламы и Абу Бакр, и Умар хотели взять ее в жены, но она отказалась от этой чести.²⁹ Мухаммед, судя по всему, тоже не стал медлить со сватовством. Однако недавно овдовевшая женщина стала приводить возражения.

«Здесь нет никого из моих родственников, с кем я могла бы посоветоваться».

«Что касается твоих родственников, то никто из них - ни присутствующий, ни отсутствующий - не станет возражать против моего сватовства», - заверил ее Мухаммед.

«Я уже в возрасте, и у меня есть дети-сироты».

«Что до твоего возраста, я старше тебя; а твои сироты будут под защитой Аллаха и Его Посланника», - продолжал Мухаммед.

«Но я женщина чрезвычайно ревнивая, а ты, о Посланник Аллаха, берешь себе многих женщин».

«В таком случае, - ответил Мухаммед, - я попрошу Аллаха удалить ревность из твоего сердца».³⁰

В конце концов Умм Салама согласилась. Брак состоялся в шаввале четвертого года хиджры (март 626 года н. э.), приблизительно через месяц после брака с Зайнаб бинт Хузаймой.³¹ Лучшее всего реакцию Аиши на этот новый брак Мухаммеда передают ее собственные слова:

Когда Посланник Аллаха женился на Умм Саламе, я очень опечалилась, потому что много слышала о ее красоте. Я была с ней приветлива, желая увидеть ее собственными глазами. Клянусь Аллахом, я увидела, что она вдвое красивее и изящнее, чем мне рассказывали. Я сказала об этом Хафсе, но та ответила: «Нет, клянусь Аллахом, это всего лишь ревность застилает тебе глаза; она вовсе не такова, как о ней говорят». Хафса тоже была с ней приветлива и, побывав у нее, сказала мне: «Я не вижу, чтобы она была так красива, как ты говоришь, даже близко не так; хотя, несомненно, она красива». Позднее я

²⁹ Там же, с. 62; Ибн Ханбал, VI, 317; *Isabah*, IV, 887.

³⁰ Ибн Са'д, VIII, 62 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 317; *Isabah*, IV, 887 и сл.

³¹ Ибн Са'д, VIII, 61.

увидела ее снова и, клянусь моей жизнью, она была именно такой, как сказала Хафса. Но я все равно ревновала.³²

Появление махзумитки Умм Саламы в гареме пророка стало началом раскола, отражавшего соперничество политических группировок.³³ Аиша и Хафса, действуя совместно в интересах своих отцов, представляли партию, находившуюся у власти. Умм Салама тяготела к Фатиме и Али и, по мере расширения гарема Мухаммеда, привлекла к своему кругу Рамлу бинт Аби Суфьян, более известную как Умм Хабиба, и Маймуну бинт аль-Харис. На обоих Мухаммед женился преимущественно по политическим соображениям в седьмом году хиджры.³⁴

Так внутри семьи пророка нашли отражение первые политические партии ислама. Аиша и Хафса представляли незнатных, но могущественных Абу Бакра и Умара, которые, всецело поддержав Мухаммеда в начале его успешной пророческой карьеры, теперь стремились получить свою долю наследства его власти. Мекканскую аристократию представляли махзумитка Умм Салама и омейядка Умм Хабиба. Наконец, существовал ахль аль-байт - партия легитимистов, главной надеждой которой была робкая Фатима и к которой, возможно, позднее примкнула Маймуна. Пока партия Аиши находилась у власти, двум другим группировкам - каждая из которых противостояла ей или завидовала ей - порой было удобно объединять силы. В другое время собственные притязания и ревность заставляли их идти каждая своим путем - как группами, так и поодиночке. Остальные жены Мухаммеда, не имея особых политических интересов, в зависимости от чувств или обстоятельств склонялись то к Аише, то к Умм Саламе.

Самой интересной и колоритной из этой группы стала следующая, шестая жена Мухаммеда - Зайнаб бинт Джашш.

История брака Зайнаб с Мухаммедом, в том виде, как ее обычно пересказывают западные исследователи, особенно сильно оскорбляет чувства мусульман во всем мире. Западные

³² Ибн Са'д, VIII, 66; *Isabah*, IV, 888.

³³ аль-Бухари, II, 126, 132 и сл.; ср. Lammens, *op. cit.*, с. 121 и сл.

³⁴ См. ниже, с. 39 и сл.

авторы, как правило, приводят ее, желая показать, насколько Мухаммед будто бы оказался рабом чувственной страсти. Мусульмане, со своей стороны, ссылаются на западную трактовку этой истории как на пример того, насколько расовые и религиозные предубеждения способны увести ученых и миссионеров от истины.³⁵ Нет ни необходимости, ни пользы подробно разбирать здесь шаг за шагом различия между этими двумя подходами. Основные факты, по-видимому, сводятся к следующему.

Зайнаб, внучка Абд аль-Мутталиба и двоюродная сестра Мухаммеда по материнской линии, рано переселилась в Медину вместе с остальными членами своей семьи. Похоже, к тому времени она еще не была замужем, хотя ей было около тридцати лет и она считалась красивой. Несмотря на нежелание Зайнаб, Мухаммед устроил ее брак со своим вольноотпущенником и приемным сыном Зайдом ибн Харисой, прежде бывшим рабом Хадиджи.³⁶ После этого о ней почти ничего не слышно в течение нескольких лет.

Позднее, однажды придя к Зайду и не застав его дома, Мухаммед случайно увидел Зайнаб в несколько небрежном виде и ушел, произнося: «Хвала Аллаху, меняющему сердца!» Зайнаб рассказала об этом Зайду. Тот пришел к Мухаммеду и предложил развестись с женой, если Мухаммед желает взять ее себе. Но Мухаммед отпустил его со словами: «Удержи свою жену и бойся Аллаха».

Однако для Зайда, человека скромного происхождения и непривлекательной наружности, мирная жизнь с гордой и честолюбивой Зайнаб теперь, по-видимому, стала невозможной, и вскоре он с ней развелся. Когда обычный четырехмесячный срок ожидания завершился, Мухаммед, ссылаясь на особое дозволение Аллаха, женился на Зайнаб. Это вызвало недовольство и критику общины: по тогдашнему обычаю приемный сын имел тот же статус и права, что и

³⁵ Ср., напр., Maulvi Muhammad Ali, *The Holy Qur-an* (2-е изд.; Лондон, 1920), с. 823 и сл.; Muhammad Husain Haikal, *Hayat Muhammad* (Каир, 1936), с. 307 и сл.

³⁶ Ибн Са'д, VIII, 71 и 81; аль-Байдави, *Anwar al-Tanzil...*, изд. Fleischer (2 т.; Лейпциг, 1846-48), II, 129; Абу Нуайм, *Hilyat al-Awliya...* (10 т.; Каир, 1932-38), II, 51 и сл.

родной, а потому такой брак воспринимался как кровосмесительный. Новое откровение прекратило споры: оно провозгласило, что приемный сын не равен родному, и прямо разрешило жениться на разведенной жене приемного сына.³⁷

Две упомянутые выше стороны расходятся не столько в отношении самих фактов, сколько в объяснении скрывавшихся за ними мотивов. А мотивы редко удается легко установить даже тогда, когда речь идет о личности гораздо менее сложной, чем Мухаммед. Кроме того, немусульманские авторы обычно судят о нравственности и поступков, и побуждений с более идеалистических позиций западного христианства, тогда как мусульмане рассматривают их на более практическом фоне арабских обычаев той эпохи.

Отсюда легко понять, почему один и тот же Мухаммед в глазах крайних представителей одной стороны предстает сластолюбцем, а в глазах крайних представителей другой - святым. Больше всех для сближения этих двух полюсов сделал Тор Андрэ. Он не только заявлял о стремлении к объективности, но действительно пытался создать беспристрастный портрет арабского пророка, поместив его на фоне живого среза современного ему арабского общества. Тем самым он ближе других подошел к тому, чтобы увидеть Мухаммеда-человека таким, каким его воспринимали верующие современники.

Для них Мухаммед не был ни грешником, ни святым в позднейшем идеализированном смысле, а оставался человеком, подверженным тем же страстям, что и они сами. И если Аллах считал нужным в отношениях с женщинами даровать Мухаммеду-пророку некоторые привилегии, недоступные обычному человеку, и одновременно использовать человеческие страсти Мухаммеда как орудие создания нового порядка, то кто были они - простые верующие, которые к тому же часто наполовину завидовали Мухаммеду, - чтобы ставить под сомнение мудрость или волю Аллаха?

Так история с Зайнаб пришла и ушла, причем авторитет Мухаммеда среди верующих скорее укрепился, чем пострадал.

³⁷ Ибн Са'д, VIII, 71 и сл.; аль-Байдави, II, 129 и сл.

Сама Зайнаб охотно вошла в его дом и, как опасалась Аиша, гордилась тем, что ее брак был устроен самим Аллахом свыше.³⁸ Свадьба состоялась в месяце зу-ль-када пятого года хиджры (март-апрель 627 года),³⁹ примерно через год после брака Мухаммеда с Умм Саламой.

Юная Аиша, в присутствии которой Мухаммед получил откровение, позволявшее ему жениться на Зайнаб, испытывала сомнения и новые приступы ревности.⁴⁰ Но девочка-жена, которой было едва больше тринадцати лет, приняла этот брак как волю Аллаха. Для Аиши и ее «сестер» - за возможным исключением двух еврейских жен, о которых речь еще впереди, - Мухаммед был пророком столь же безусловно, как Джозеф Смит для «сестры» Эммы Хейл или Бригам Янг для «сестры» Харриет Амелии Фолсом из Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Если кто-либо склонен сомневаться в искренности этих арабских женщин VII века или насмехаться над тем, что они признавали многоженца Мухаммеда пророком многоженного народа, пусть вспомнит общую ситуацию в американских «гаремах» руководителей мормонов в XIX веке.

Аиша рассказывает случай, который, вероятно, произошел, когда она была еще совсем юной. По ее словам, Мухаммед оставил под ее надзором пленника. Она отвлеклась, увлекшись разговором с женщинами, и перестала внимательно следить за ним; пленник бежал. Вернувшись и обнаружив его исчезновение, Мухаммед настолько рассердился, что воскликнул в адрес Аиши: «Пусть Аллах отсечет тебе руку!» Он выбежал, распорядился начать поиски, и вскоре беглеца поймали.

Возвратившись домой, Мухаммед увидел, как Аиша тревожно разглядывает свои руки.

«Что с тобой? В тебя вселился джинн?» - спросил он.

«Это из-за твоего проклятия, - ответила она. - Я смотрю, какую из моих рук отсекут».

³⁸ ат-Табари, I, 1773.

³⁹ Ибн Са'д, VIII, 81; ат-Табари, I, 1460-62.

⁴⁰ Ибн Са'д, VIII, 72.

Мухаммед, несомненно почувствовав укор, воздал хвалу Аллаху, попросил прощения за свою вспыльчивость и испросил благословение для всякого мужчины или женщины, которых он когда-либо мог проклясть.⁴¹

С браком Зайнаб и Мухаммеда связывают также введение хиджаба - уединения жен пророка «за занавесом».⁴² Наиболее распространенный рассказ гласит, что некоторые гости на свадебном пире слишком долго не уходили, причиняя Мухаммеду неудобство и раздражение. В связи с этим было ниспослано так называемое «Откровение о занавесе»,⁴³ которое ныне читается следующим образом:

О вы, которые уверовали! Не входите в дома Пророка, если только вам не дозволено войти для трапезы, не ожидая времени ее приготовления. Но если вас пригласили - входите; а когда поели - расходитесь и не оставайтесь для праздной беседы. Это причиняет неудобство Пророку, и он стесняется сказать вам об этом, но Аллах не стесняется истины. Когда вы просите что-либо у жен Пророка, просите у них из-за занавеса: так будет чище и для ваших сердец, и для их сердец. Вам не подобает причинять беспокойство Посланнику Аллаха и никогда не следует жениться на его женах после него; воистину, это было бы тяжким перед Аллахом.

Первая часть этого стиха, касающаяся уединения, вполне могла быть ниспослана именно по этому поводу. Однако крайне сомнительно, что последняя часть - запрет женам Мухаммеда вновь вступать в брак - относится к тому же времени или изначально составляла часть данного стиха.⁴⁴

⁴¹ Ибн Ханбал, VI, 52.

⁴² Ибн Са'д, VIII, 124-26. Интересное современное обсуждение происхождения хиджаба см.: Gertrude Stern, *Marriage in Early Islam* (Лондон, 1939), гл. XIII. Эта работа, потребовавшая от автора большого и добросовестного труда, тем не менее страдает из-за произвольного ограничения основных источников соответственно VIII томом Ибн Са'да и VI томом Ибн Ханбал (см. Предисловие и Введение). Например, на с. 115, прим. 2 утверждается, что предание, связывающее введение хиджаба с браком Зайнаб, отсутствует у Ибн Ханбал; в действительности оно там имеется - не в VI томе, а в III, с. 105, 168 и 196.

⁴³ Сура 33:53; ср. Ибн Са'д, VIII, 74 и сл.; аль-Бухари, III, 312 и сл.; Ибн Ханбал, III, 105, 168, 196.

⁴⁴ См. ниже, с. 56-58.

В течение примерно трех лет - от времени брака с Зайнаб до приблизительно восьмого года хиджры - Мухаммед провозгласил ряд предписаний. Некоторые из них касались поведения мусульманских женщин вообще, но большинство относилось прежде всего к положению и поведению его собственных жен. Из-за огромного количества противоречивых преданий чрезвычайно трудно установить хронологическую последовательность этих правил: в большинстве случаев невозможно с уверенностью определить ни время, ни конкретный повод появления каждого из них. Однако было бы ошибкой считать, будто основная масса ограничений женской свободы была вызвана главным образом личными страстями Мухаммеда - сексуальными или какими-либо иными. Существуют достаточные основания связывать по меньшей мере часть этих мер с весьма свободными нравами поколения Мухаммеда.

В Аравии того времени существовало несколько разновидностей брака, некоторые с весьма непрочными связями между супругами. Многоженство было обычным явлением, а развод являлся правом обоих полов. Мужчина мог иметь столько жен, сколько желал, и предел ставили лишь сердце и кошелек. Разведенные женщины, как правило, не испытывали недостатка в новых мужьях; известны женщины, вступавшие в брак три и четыре раза подряд.⁴⁵ Половые отношения почти превратились в общую одержимость, а разговоры о них, откровенные среди более воспитанных людей, у худшей части общества становились непристойными и грубыми. Женщины в ярких нарядах выставляли напоказ красоту и украшения; мужчины отвечали на это в лучшем случае открытым восхищением, а в худшем - оскорбительными и двусмысленными предложениями.

Именно на этом общественном фоне следует рассматривать предписания Мухаммеда, регулирующие поведение мусульманок. В суре 24:31-32 и верующим мужчинам, и верующим женщинам велено «опускать взоры и хранить целомудрие», а женщинам, кроме того, предписывается

⁴⁵ Stern, *op. cit.*, с. 62, 69, 70, 174.

прикрывать головными покрывалами грудь и не выставлять напоказ украшения, кроме как перед мужчинами, с которыми брак по закону невозможен. В суре 33:59 женам и дочерям Мухаммеда, а также всем женщинам верующих велено опускать на себя верхние покрывала, чтобы их узнавали и не оскорбляли.⁴⁶

По всей вероятности, эти предписания, пусть ненамного, предшествовали «Откровению о занавесе»: они распространялись на всех мусульманок и были менее строгими, чем установление хиджаба, то есть уединения. Общая распушенность нравов, потребовавшая подобных правил, без сомнения, способствовала движению к уединению женщин, хотя, судя по всему, не была единственной и непосредственной причиной. Поскольку при первоначальном введении этот институт касался только жен Мухаммеда, непосредственные и конкретные причины его появления следует искать в обстоятельствах жизни самого Мухаммеда и его жен.

Некоторые западные биографы Мухаммеда проявляли досадную склонность объяснять эту практику в значительной, если не исключительной степени его ярко выраженной и открыто признаваемой слабостью к женскому полу. Нельзя отрицать, что эта слабость сыграла важную роль; но утверждение, что она была единственной или даже главной причиной, требует сомнения. Сексуальное влечение и ревность, семейная честь и общественный престиж, религиозные и политические амбиции - все это вместе способствовало появлению данного и других правил, касавшихся жен пророка.

Мы уже упоминали эпизод на свадьбе Зайнаб: он широко принимается преданием, но далеко не исчерпывает первую группу названных факторов. Существует, например, сообщение, будто хиджаб был введен потому, что во время общей трапезы руки некоторых жен Мухаммеда соприкоснулись с руками мужчин; в некоторых вариантах уточняется, что рука Аиши коснулась руки Умара.⁴⁷ Эта история вполне может быть поздней выдумкой, однако при

⁴⁶ Ср. Ибн Са'д, VIII, 136 и сл.

⁴⁷ Там же, с. 126; аль-Байдави, II, 133.

таких прославленных красавицах, как Аиша,⁴⁸ Умм Салама и Зайнаб, - гордых, веселых и свободных женщинах в обществе с довольно легкомысленными нравами - Мухаммед вполне мог ревновать даже из-за, казалось бы, незначительной близости.

Предания, связывающие введение уединения с семейной честью и общественным престижем, рассказывают об оскорблениях, которым жены Мухаммеда подвергались со стороны мунафиков - «лицемеров». Когда им предъявляли претензии, они оправдывались тем, что якобы приняли жен пророка за рабынь.⁴⁹ Сауда, женщина крупная и тяжелая, однажды была узнана Умаром издали и даже ночью, после чего он стал настойчиво советовать Мухаммеду уединить своих жен. Это может означать, что Умар опасался: другие, возможно те же мунафики, тоже узнают ее и станут оскорблять или беспокоить. Но возможно и другое: суровый Умар, сам не так далеко ушедший от скромного общественного происхождения, просто хотел отделить семью пророка, который к тому же был его зятем, от простого народа.⁵⁰

Другие предания прямо утверждают, что Умар убеждал Мухаммеда уединить жен, поскольку успех пророка привлекал к мечети все более широкий поток самых разных посетителей.⁵¹ Дом Аиши, как следует помнить, выходил непосредственно во двор мечети,⁵² как, вероятно, и некоторые другие комнаты в примыкавшем ряду жилищ, где обитали ее «сестры». Уединение неизбежно требовало слуг, которые могли бы выполнять поручения хозяйки; к пятому году хиджры материальное положение Мухаммеда, по всей видимости, уже позволяло содержать их. Кроме того, многочисленная прислуга

⁴⁸ Подробного физического описания Аиши или кого-либо из ее «сестер», по-видимому, не сохранилось. Предания, окончательно оформившиеся в эпоху, когда уединение стало нормой при дворе и среди высших слоев общества, возможно, сознательно соблюдали в этом вопросе почтительное молчание по отношению к гарему пророка. Говорили, что юная племянница Аиши, носившая то же имя, была похожа на знаменитую тетку. Подробное описание младшей Аиши содержится в *Aghani*, X, 55 и сл. Однако из столь общего сравнения двух Аиш нельзя выводить конкретные черты сходства.

⁴⁹ Ибн Са'д, VIII, 136 и сл.

⁵⁰ Ибн Ханбал, VI, 223 и 271.

⁵¹ аль-Бухари, III, 312; ан-Навави, с. 453; аль-Байдави, II, 133 и сл.

⁵² Ибн Са'д, VIII, 119.

сама по себе повышала общественный престиж. Многие из этих слуг и служанок позднее выступают в источниках как передатчики преданий.

Шли годы, и по мере роста политических и экономических успехов Мухаммед-пророк все больше выполнял также функции правителя. Неудивительно, что как пророк-царь, особенно под влиянием таких последователей, как Умар, он стал вводить известную меру личной и семейной обособленности в грубоватой и непосредственной демократии своего времени. Более тесные контакты с соседними народами и знакомство с порядками, существовавшими в их высших слоях, где уединение женщин и различные формы покрывала были известны давно,⁵³ также могли подтолкнуть Мухаммеда к тому, чтобы перенять и приспособить подобные обычаи для своих жен и тем самым придать им особый и более высокий статус в уже сравнительно благополучной политико-религиозной общине.

По совокупности этих причин жены Мухаммеда, с одной стороны, лишились части личной свободы, а с другой - были возведены в положение особой чести и достоинства. Так был заложен фундамент того, что со временем стало одним из самых устойчивых и, по мнению автора, наиболее реакционных институтов ислама - отделения женщин за занавесом и покрывалом.

Неужели жены Мухаммеда, включая Аишу, вовсе не возражали против ограничения свободы? Насколько известно, предания не сохранили ни одного случая открытого восстания именно по этому поводу. От стареющей Сауды едва ли можно было ожидать протеста. Зайнаб, столь тесно связанная с введением хиджаба, вряд ли стала бы ставить его под сомнение. Вспыльчивая Хафса наверняка побаивалась еще более вспыльчивого отца Умара, который сам побуждал Мухаммеда к этой мере и поддерживал ее. Гордая Умм Салама, возможно, была недовольна новым порядком, но, если так, скорее всего

⁵³ Cp. Caroline Morris Galt, «Veiled Ladies», *American Journal of Archaeology*, XXXV (1931), 373-93; Elizabeth Mary MacDonald, *The Position of Women as Reflected in Semitic Codes of Law* (Торонто, 1931); Stern, *op. cit.*, с. 109 и сл.

оказалась в изоляции: трудно было рассчитывать на серьезную поддержку со стороны недавней обитательницы гарема Джувайрии бинт аль-Харис, чей брак с Мухаммедом, по-видимому, последовал вскоре после брака с Зайнаб.

Остается Аиша, чей характер, как мы знаем, был не менее земным и напористым, чем тот, который обычно приписывали женщинам ее племени Тайм.⁵⁴ Неужели и она без протеста отказалась от личной свободы, которую арабские женщины ее поколения ценили столь высоко?

Судьба и обстоятельства словно объединились против возлюбленной Мухаммеда: именно в это время Аише пришлось пережить тяжелейшее испытание своей юной жизни. Эпизод, обычно называемый «делом о клевете»,⁵⁵ произошел по дороге обратно в Медину после похода против Бану аль-Мусталик - того самого похода, во время которого в плен попала Джувайрия. Несколько недель Аиша ничего не подозревала, пока история не превратилась в публичное и скандальное обвинение ее в супружеской неверности. Конечно, это было не то время, чтобы размышлять об неудобствах и ограничениях уединения, и уж тем более не время протестовать против него. Для подтверждения невиновности Аиши и возвращения ей прежнего положения фаворитки в гареме понадобилось особое небесное откровение. Скандал миновал, но, вероятно, он укрепил Мухаммеда и окружающих в убеждении, что при данных обстоятельствах уединение женщин было разумной мерой.

Впрочем, уединение не было столь полным и жестким, как можно подумать. Женщинам разрешалось принимать мужчин из числа тех родственников, с которыми брак был запрещен. К ним относились близкие кровные родственники - отец, братья, дяди и племянники, - а также некоторые родственники по браку, например свекор, пасынки, мужья сестер и теток,

⁵⁴ Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, *Kitab al-Aghani* (20 т.; Каир, 1285/1868), X, 54; ср. Lammens, *op. cit.*, с. 122 и сл., 127.

⁵⁵ См. ниже, с. 29-38.

поскольку мужчина не мог одновременно быть женат на двух сестрах либо на женщине и ее племяннице.⁵⁶

Разрешалось принимать и молочных родственников, если они относились к той же запретной для брака степени родства: молочных отцов, сыновей, братьев, дядей и племянников. Поскольку обычай молочного родства был широко распространен среди арабов, у женщины могло быть немало таких мужчин-родственников. Существовали еще две категории мужчин, от которых женам Мухаммеда не требовалось скрываться. Первая - их рабы-мужчины до тех пор, пока они не были освобождены. Вторая - мужчины, «не испытывающие нужды в женщинах», под которыми, вероятно, понимались евнухи, поскольку монашество и аскетизм Мухаммед не одобрял.

Кроме того, поначалу сам Мухаммед, по-видимому, не настаивал на предельно строгом соблюдении правил такого родства. Молочное родство давало возможность исполнить букву ограничения, обходя его дух. Когда Аиша указала Мухаммеду, что ее кормила жена молочного дяди, а не сам дядя, он не счел это существенным.⁵⁷ В другой раз, когда женщина, находившаяся в уединении, хотела принимать мужчину, не относящегося к названным категориям, Мухаммед предложил простое решение: дать ему своего молока и тем самым сделать его молочным сыном. Когда женщина возразила, что мужчина уже взрослый, Мухаммед ответил, что ему это известно.⁵⁸

Трудно сказать, хотел ли Мухаммед создать таким образом общий прецедент, однако Аиша, по-видимому, именно так это и поняла.⁵⁹ Позднее она сама пользовалась этим способом, создавая искусственные отношения молочного родства: просила сестер или племянниц кормить тех мужчин, которых хотела допускать в свое присутствие.⁶⁰ Но как бы ни оценивать

⁵⁶ Ибн Са'д, VIII, 127 и сл.; ср. также Коран, сура 4:22 и сл.; аль-Бухари, III, 419 и сл.

⁵⁷ Ибн Ханбал, VI, 33 и 194.

⁵⁸ Там же, с. 39 и 356.

⁵⁹ Там же, с. 174; Ибн Са'д, VIII, 198.

⁶⁰ Ибн Ханбал, VI, 271 и 312; ср. Ибн Са'д, VIII, 198, 339.

институт хиджаба, вызванное им уединение неизбежно ограничивало свободу действий и передвижения женщин и в той или иной мере замыкало их в тесных комнатах.

Гораздо более тяжким испытанием для юной Аиши, чем введение хиджаба или браки Мухаммеда с Зайнаб и Джувайрией, стало «дело о клевете». Как уже говорилось, оно вылилось в скандальное обвинение в нарушении супружеской чести и верности. Помимо последствий внутри гарема, этот эпизод отражал политические течения Медины того времени и одновременно стал одной из главных причин, определивших политические интриги Аиши и ее партийные симпатии в последующие десятилетия.

Далеко не все жители Медины от всего сердца поддерживали Мухаммеда. Были люди, которых называли мунафиками - «лицемерами», - недовольные привилегиями и престижем, предоставленными мухаджирам, «переселенцам» из Мекки. Главой «лицемеров» считался хазраджит Абдаллах ибн Убайй, сам претендовавший на положение руководителя, занятое Мухаммедом.

Во время похода против Бану аль-Мусталик произошла досадная ссора между несколькими мединцами и несколькими переселенцами. Абдаллах, всегда высматривавший случаи, которые могли послужить его целям, немедленно воспользовался конфликтом. «Откорми собаку - и она тебя съест, - сказал он. - Мы приняли этих людей, а теперь они нас оскорбляют. Они хотят стать хозяевами в наших собственных домах. Но, клянусь Аллахом, когда мы вернемся в Медину, посмотрим, действительно ли самые благородные будут изгнаны самыми низкими».

Это были чрезвычайно дерзкие, если не изменнические слова. Умар ибн аль-Хаттаб предлагал казнить Абдаллаха за них, но более хладнокровный и дальновидный Мухаммед ответил: «О Умар! Что скажут люди о пророке, который убивает собственных последователей?» Приняв оправдания Абдаллаха и немедленно отдав приказ выступить, Мухаммед тогда предотвратил дальнейшие неприятности.⁶¹ Но прежде чем

⁶¹ Ибн Хишам, с. 725 и сл.

отряд достиг Медины, судьба вложила в руки Абдаллаха неожиданное и весьма сильное оружие - «дело о клевете».⁶²

Аиша и Умм Салама сопровождали Мухаммеда в этом походе. В последний день обратного пути было приказано свернуть лагерь еще в темноте, на рассвете. Аиша отошла на некоторое расстояние, чтобы справить естественную нужду. Вернувшись, она обнаружила, что потеряла ожерелье из йеменских агатов. Она пошла назад по своим следам, стала искать и наконец нашла его. Но когда вновь пришла к лагерю, место было пусто. На ее крики никто не откликнулся.

Носильщики, полагая, что Аиша находится в своем паланкине, подняли его на верблюда и ушли вместе со всеми. Их не удивила легкость ноши: Аиша была худенькой и легкой девушкой. Ей не оставалось ничего другого, как сесть и ждать, надеясь, что отсутствие скоро обнаружат и за ней вернуться. Оставшись одна в тихие утренние часы, она вскоре уснула.

Проснувшись Аиша и увидела рядом смущенного молодого мужчину - Сафвана ибн аль-Муатталя - и его одинокого верблюда. Молодой человек галантно помог ей сесть на животное и молча повел верблюда по дороге в Медину. Отсутствие Аиши заметили лишь тогда, когда Мухаммед и его отряд поздним днем прибыли в Медину. Вскоре появился Сафван, ведя за собой верблюда, на котором сидела пропавшая Аиша.

Мухаммед, по-видимому, не придавал происшествию особого значения, но этого нельзя сказать о некоторых «верующих» и уж тем более о «лицемерах». Абдаллах ибн Убайй увидел возможность подорвать дело Мухаммеда, опозорив его семью. Поэтому он сознательно стал раздувать историю. По некоторым сообщениям, он намекал, что Сафван молод и красив и потому неудивительно, если Аиша предпочла его Мухаммеду. Во всяком случае, он охотно прислушивался к злым сплетням и помогал распространять их по всей общине.

⁶² Там же, с. 731-40; ат-Табари, I, 1517-28; аль-Бухари, III, 103-10, 292-301; Ибн Ханбал, VI, 59-61, 194-97; ср. Buhl, *Das Leben Muhammads*, пер. Schaeeder (Лейпциг, 1930), с. 281-84.

Ему содействовали многие. Среди них была сестра Зайнаб - Хамна бинт Джахш, полагавшая, что поможет Зайнаб, если низведет Аишу с высокого положения любимой жены. Она шепталась о том, будто Аиша и Сафван встречались и раньше,⁶³ еще до введения уединения, когда Аиша знала его лично. Даже придворный поэт Мухаммеда Хассан ибн Сабит сочинил несколько двусмысленных стихов на эту тему.⁶⁴

Дни складывались в недели, скандал принимал все более тревожные размеры, но никто не решался сказать о нем Аише. Она, однако, чувствовала явную холодность со стороны Мухаммеда. Прошло около месяца, прежде чем одна из женщин рассказала ей о слухах, которыми уже гудел весь город. С болью в сердце - а возможно, и заболев физически - юная жена попросила у Мухаммеда разрешения уйти к родителям.

Умм Руман, уже знавшая о злой молве, пыталась утешить потрясенную дочь. «Успокойся, дитя мое, - мягко сказала она. - Редко бывает, чтобы молодая и красивая женщина, которую муж любит больше соперниц, не стала жертвой какого-нибудь злословия». Но Аиша не могла успокоиться. Ее рыдания привлекли Абу Бакра, и на этот раз даже он, похоже, не знал, что делать. По совету родителей Аиша вернулась в свое жилище при гареме.⁶⁵

К тому времени Мухаммед, несомненно, был глубоко встревожен масштабом скандала и тем политическим значением, которое он мог приобрести. Кроме того, его, вероятно, разрывали противоречивые чувства: нежная любовь к Аише и мучительные сомнения в ее добродетели. Возможно, еще тяжелее было то, что откровения прекратились.⁶⁶ Поэтому он решил сам заняться делом.

Обсуждать вопрос с Абу Бакром было затруднительно; Умара Мухаммед по какой-то причине тоже не привлек, возможно помня его общую суровость по отношению к

⁶³ *FJ*, I, 216; Dermenghem, *Life of Mahomet*, пер. Arabella Yorke (Лондон, 1930), с. 279.

⁶⁴ Ибн Хишам, с. 734; ат-Табари, I, 1522; аль-Бухари, III, 105, 300; Ибн Ханбал, VI, 60.

⁶⁵ Ибн Хишам, с. 733; ат-Табари, I, 1521 и сл.

⁶⁶ аль-Бухари, III, 106, 294 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 196.

женщинам. Вместо них он обратился к Усаме, сыну своего приемного сына Зайда ибн Харисы, и к Али ибн Аби Талибу. Усама мог сказать об Аише только хорошее. Али же выразился так: «О Посланник Аллаха, Аллах не поставил тебе тесных границ. Женщин, подобных ей, много. Расспроси ее служанку, чтобы узнать правду».

Служанку - темнокожую женщину по имени Барира - действительно допросили, но и она не могла связать с Аишей ничего дурного и говорила лишь о ее детских шалостях и беспечной молодости. Когда Мухаммед спросил Зайнаб, самую новую и близкую соперницу Аиши, что она знает, слышала или видела, Зайнаб поклялась Аллахом, что по собственным наблюдениям ей известно только хорошее. Этот ответ навсегда сохранил за ней благодарность Аиши.⁶⁷

Ободренный результатами этих расспросов, Мухаммед вынес вопрос на публику. Поднявшись на кафедру мечети, он обратился к собравшимся: «О мусульмане! Кто снимет с меня всякую вину, если я воздам человеку, который причиняет вред моей семье? Клянусь Аллахом, о своей семье я не знаю ничего, кроме хорошего...»

То ли Усайд ибн Худайр, то ли Саад ибн Муаз - оба из племени аус - поднялся и заявил: «Я освобожу тебя от всякой вины. Если этот человек из ауситов, я отсеку ему голову; если же он из наших братьев хазраджитов, прикажи, что сделать, и мы исполним».

Тогда вскочил Саад ибн Убада, вождь хазраджитов. Он горячо возразил, поскольку и он, и все остальные прекрасно понимали, что Мухаммед имеет в виду хазраджита Абдаллаха ибн Убайя. За это Саада ибн Убаду тут же обвинили в лицемерии и покровительстве «лицемерам». Обвинения и встречные обвинения чуть не привели к общей драке между ауситами и хазраджитами. Но Мухаммед сохранил хладнокровие и сумел успокоить собравшихся.⁶⁸

⁶⁷ Ибн Хишам, с. 734 и сл.; ат-Табари, I, 1523; аль-Бухари, III, 106, 108, 297; Ибн Ханбал, VI, 60, 196 и сл.; ср. Ибн Манзур, *Lisan al-Arab* (20 т.; Каир, 1300-1308/1882-91), XVIII, 217.

⁶⁸ Ибн Хишам, с. 733 и сл.; ат-Табари, I, 1522 и сл.; аль-Бухари, III, 106 и сл., 295; Ибн Ханбал, VI, 196.

Тем временем слезы Аиши не прекращались, и она не могла сомкнуть глаз. На следующее утро к ней пришли родители, а также одна сочувствующая женщина из Медины. Вскоре вошел Мухаммед, серьезно поприветствовал присутствующих и впервые примерно за месяц сел в доме Аиши.

«О Аиша, - обратился он к ней, - если ты невиновна, Аллах оправдает тебя. Но если ты виновна, попроси у Аллаха прощения и покайся, ибо Аллах прощает тех рабов Своих, которые признаются и каются».

Она ничего не ответила, ожидая, что родители вступятся за нее, но и они молчали. Стараясь удержать слезы, Аиша повернулась сначала к отцу, затем к матери и попросила их ответить Мухаммеду. Оба по очереди сказали: «Я не знаю, что ответить Посланнику Аллаха!» Настолько растерялись они перед происходящим и настолько мало, казалось, были уверены в истинном характере собственной юной дочери.

Уязвленная их поведением, но опираясь на сознание собственной невинности, Аиша сама выступила в свою защиту - со слезами, но спокойно, решительно и с удивительным достоинством:

Я вижу, что вы слушали все эти разговоры обо мне до тех пор, пока они не укоренились в вас и вы не поверили им. Если я скажу, что невиновна - а Всевышний Аллах знает, что я невиновна, - вы мне не поверите. Но если я признаюсь в чем-либо - а Всевышний Аллах знает, что я невиновна, - вы непременно поверите. Мне остается лишь повторить слова отца Иосифа: «Прекрасно терпение, и у Аллаха следует просить помощи».⁶⁹

Сказав это, она легла на постель, твердо ожидая, что Аллах Сам засвидетельствует ее невинность.⁷⁰ Избавление было уже близко. Вскоре у Мухаммеда появились телесные признаки, обычно сопровождавшие получение откровения. Когда состояние прошло, его лицо было улыбающимся, и первые слова были обращены к терпеливой и мужественной молодой жене.

⁶⁹ Сура 12:18.

⁷⁰ Ибн Хишам, с. 735; ат-Табари, I, 1523 и сл.; аль-Бухари, III, 107 и сл., 295 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 60, 196 и сл.

«Радуйся, о Аиша, - сказал он. - Всевышний Аллах оправдал тебя».

«Встань и подойди к Мухаммеду», - убеждали ее родители.

«Я не пойду к нему и не стану благодарить его. Не стану благодарить и вас обоих - вы слушали клевету и не отвергали ее. Я встану, - заключила она, - чтобы возблагодарить одного лишь Аллаха».⁷¹

Мухаммед вышел к людям и произнес ниспосланные ему откровения, вошедшие в 24-ю суру Корана и донные составляющие часть исламского права о прелюбодеянии. Стихи, непосредственно относящиеся к клевете на Аишу, гласят:

Воистину, те, кто возвел ложь, - лишь небольшая группа среди вас. Не считайте это злом для себя; напротив, в этом для вас благо. На каждом из них лежит грех, который он приобрел, а тому из них, кто взял на себя главную часть этого, уготовано великое наказание.

Почему, услышав это, верующие мужчины и верующие женщины не подумали друг о друге хорошо и не сказали: «Это явная ложь»?

Почему они не привели четырех свидетелей? А если свидетелей они не привели, то перед Аллахом они - лжецы.

Если бы не милость и милосердие Аллаха к вам в этом мире и в Последней жизни, вас постигло бы великое наказание за то, о чем вы бездумно говорили.

Вы подхватывали это с языков друг друга и произносили устами то, о чем не имели знания, считая это пустяком, тогда как перед Аллахом это было великим.

Почему же, услышав это, вы не сказали: «Не подобает нам говорить об этом. Слава Тебе! Это великая клевета»?

Аллах предостерегает вас, чтобы вы никогда более не повторяли подобного, если вы верующие.⁷²

Положение Абдаллаха ибн Убайя в Медине было таким, что, хотя именно он считался главным зачинщиком клеветы, наказание для него ограничилось угрозами, содержащимися в

⁷¹ Ибн Ханбал, VI, 60, 197; аль-Бухари, III, 108, 296.

⁷² Сура 24:11-16; перевод ср. Richard Bell, *Qur'an* (2 т.; Эдинбург, 1937-39), I, 336 и сл.

приведенных стихах. Хамну бинт Джахш, Хассана ибн Сабита и менее значительного распространителя слухов Мистаха ибн Усасу публично высекли.⁷³ Сафван отомстил Хассану, ударив его мечом. Мухаммед отчитал обоих, а затем смягчил обиду и уязвленную гордость Хассана щедрым подарком. Поэт, в свою очередь, сочинил новые стихи в честь Аиши. Вскоре она его простила и в последующие годы не позволяла дурно говорить о уже ослепшем поэте, напоминая, что он отдал свой талант служению Аллаху и Его пророку.⁷⁴

Не забыла Аиша и добрых слов Зайнаб бинт Джахш,⁷⁵ а к Усаме ибн Зайду, защищавшему ее, сохранила прочную дружбу.⁷⁶ К Али же она стала испытывать сильную неприязнь, если не настоящую враждебность. В последующие десятилетия это проявлялось в ее неоднократных попытках препятствовать личным и политическим устремлениям Али.

Благодаря вмешательству Аллаха, любви Мухаммеда и собственному гордому и бесстрашному характеру Аиша вернула положение любимой жены Мухаммеда и первой женщины его гарема. В оставшиеся годы жизни пророка это положение становилось только прочнее. Ни одна из ее «сестер» не могла всерьез его оспорить. Большинство время от времени негодовало по этому поводу, но лишь наиболее решительные участницы оппозиционной группы в гареме осмеливались открыто протестовать.

Тем временем гарем Мухаммеда продолжал расти. В течение двух лет после браков с Зайнаб и Джувайрией - примерно с весны 627 до весны 629 года - к шести «сестрам» присоединились еще пять женщин. Первой стала красивая молодая еврейка Райхана бинт Зайд из Бану Надир. Она была замужем в племени Бану Курайза и потеряла мужа и других родственников-мужчин при массовой расправе над этим племенем. Предание не дает однозначного ответа относительно

⁷³ Ибн Хишам, с. 736, 740; ат-Табари, I, 1525.

⁷⁴ Ибн Хишам, с. 737-39; ат-Табари, I, 1526-28; аль-Бухари, III, 105, 110, 298; *Aghani*, IV, 14 и сл.; ср. Hirschfeld, *The Diwan of Hassan ibn Thabit* (Лондон, 1910), с. 6, 50, 62.

⁷⁵ Ср. выше, с. 33, и ниже, с. 99.

⁷⁶ Ибн Ханбал, VI, 156 и сл.

ее положения в гареме. По одним сведениям, она стала законной женой и имела тот же статус, что остальные. По другим, предпочла остаться рабыней-наложницей, поскольку в таком положении могла сохранить прежнюю веру и избежать ограничений уединения. О ней известно немного достоверного, кроме того, что она умерла примерно за год до Мухаммеда.⁷⁷

Другой еврейкой, вошедшей в гарем Мухаммеда в этот период, была Сафия бинт Хуяй - красивая семнадцатилетняя вдова Кинаны, предводителя иудеев Хайбара, погибшего при печальном для них покорении города мусульманами. В отличие от Райханы, Сафия, судя по источникам, была более гибкой и расчетливой: она охотно приняла ислам и старалась угодить его пророку.⁷⁸

Третьей девушкой, привлечшей внимание Мухаммеда, стала юная кудрявая рабыня Мария Коптская. Как ни странно, ее и сестру прислал Мухаммеду в дар христианский правитель Египта в седьмом году хиджры. Мария имела статус наложницы. Сначала ее, по-видимому, поселили неподалеку, и Мухаммед часто навещал ее днем и ночью. Но ревность гарема вскоре сделала жизнь для нее тяжелой, и Марию переселили в дом в Верхней Медине. Там в восьмом году хиджры у нее родился сын Ибрахим; сама Мария умерла примерно через пять лет после Мухаммеда.⁷⁹

Несомненно, именно молодость и красота этих трех женщин покорили жадное до привлекательности сердце Мухаммеда. Но два других брака того же периода диктовались прежде всего политическим расчетом. Первым был брак с Рамлой, дочерью Абу Суфьяна, вождя мекканской оппозиции. Она рано приняла ислам вопреки воле отца и вместе с мужем переселилась в Абиссинию, где тот умер. Предание утверждает, что сам абиссинский негус устроил ее брак с Мухаммедом вскоре после Худайбийского договора. Рамле было тогда около тридцати пяти лет, поэтому союз, скорее всего, представлял собой либо попытку наладить более дружественные отношения

⁷⁷ Ибн Са'д, VIII, 92-94 и 159; *Isabah*, IV, 591 и сл.; Muir, *Life of Mohammed*, изд. Weir (Эдинбург, 1923), с. 318 и сл.

⁷⁸ Ибн Са'д, VIII, 85-92; *Isabah*, IV, 666-69; ср. Muir, *op. cit.*, с. 377 и сл.

⁷⁹ Ибн Са'д, VIII, 153; *Isabah*, IV, 779 и сл.; ср. Muir, *op. cit.*, с. 371, 425 и сл.

с ее отцом, либо тонкий демонстративный жест, отражавший недавние успехи Мухаммеда и укрепление его влияния и власти. Реакцию Абу Суфьяна передают образным выражением: «Такому жеребцу не бьют по носу».⁸⁰

Следующей и последней женой, вошедшей в гарем, стала Маймуна бинт аль-Харис; ее свадьбу обычно относят к шаввалю седьмого года хиджры (март-апрель 629 года). Это была молодая и привлекательная двадцатилетняя вдова, поручившая свои дела влиятельному шуруину Аббасу, дяде Мухаммеда. Кроме того, она приходилась теткой Халиду ибн аль-Валиду - недавно принявшему ислам полководцу, будущему «Мечу Аллаха».⁸¹

Столь стремительный рост гарема Мухаммеда - семь новых женщин примерно за два года, начиная с Зайнаб бинт Джахш, - соответственно усиливал ревность старых и новых соперниц.⁸² Уединение сужало круг женских интересов и тем самым придавало делам гарема еще большее значение. Чтобы поддерживать мир, Мухаммед старался соблюдать беспристрастный порядок. Каждой законной жене он назначал свой день или очередь и последовательно обходил их. Поскольку брать всех в походы или паломничества было невозможно, между женами бросали жребий, определяя, кто одна или несколько будет сопровождать его. В материальных вопросах он старался не отдавать предпочтения одной перед другой. Но когда дело касалось сердца, даже Мухаммед понимал, что полная беспристрастность невозможна; когда на него особенно нажимали, он открыто признавал - как мы увидим далее, - что Аиша ему дороже всех.

Только неисправимый оптимист мог надеяться на постоянный мир в гареме при таких обстоятельствах. И мира у Мухаммеда действительно не всегда было.

Как уже говорилось, гарем разделился на две группы, отражавшие социальный и политический статус и амбиции.⁸³ Партию, находившуюся у власти, с самого начала возглавляла

⁸⁰ Ибн Са'д, VIII, 68-71; *Isabah*, IV, 584-87; ср. Muir, *op. cit.*, с. 372.

⁸¹ Ибн Са'д, VIII, 94-100; ан-Навави, с. 224 и сл.; *Isabah*, I, 107.

⁸² Ибн Са'д, VIII, 70.

⁸³ См. выше, с. 15 и сл.

Аиша; рядом с ней были вспыльчивая Хафса и полная, стареющая Сауда. Этих двух Аиша почти не опасалась: им не хватало личного очарования, которое позволило бы успешно бороться за чувства Мухаммеда. Сауда, понимая положение вещей и опасаясь, что Мухаммед может с ней развестись, в конце концов превратила необходимость в добродетель и уступила свой «день» Аише. Так она надеялась избежать развода, сохранить положение в гареме и вместе с остальными женами Мухаммеда получить ожидаемую награду в будущей жизни.⁸⁴

Позднее к этой группе из трех женщин присоединилась юная еврейка Сафия. Сохранился очень живой рассказ о любопытстве нескольких жен Мухаммеда, когда после похода на Хайбар он привез новую супругу в Медину. Среди мединских женщин, вышедших взглянуть на новую жену пророка, которую считали очень красивой, были Аиша и Хафса, а также Зайнаб и Джувайрия.

«Боюсь, - сказала Зайнаб своей спутнице, - эта женщина опередит нас у Мухаммеда».

«Нет, - ответила Джувайрия, - она не из тех, кто особенно нравится мужьям».

Мухаммед заметил Аишу среди женщин. Когда она ушла, он последовал за ней, чтобы спросить мнение о новой сопернице.

«Она всего лишь еврейка», - коротко ответила Аиша.

«Не говори так, о Аиша: она стала хорошей мусульманкой», - мягко укорил ее Мухаммед.

Однако Аиша и Хафса, по-видимому, не могли удержаться от насмешек над происхождением новенькой. В конце концов сам Мухаммед научил Сафию отвечать: «Как вы можете ставить себя выше меня, если Аарон - мой отец, Моисей - мой дядя, а Мухаммед - мой муж?»⁸⁵ Реплика оказалась действенной, когда Хафса, ревнуя из-за того, что Мухаммед

⁸⁴ Ибн Са'д, VIII, 31 и сл., 121 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 68, 76 и сл.

⁸⁵ Ибн Са'д, VIII, 80 и сл.; *Isabah*, IV, 668.

предпочитал общество Сафии ее обществу, вновь стала попрекать ее еврейским происхождением.⁸⁶

По крайней мере некоторое время Сафия продолжала пользоваться благосклонностью Мухаммеда, поскольку и Умм Салама, и Зайнаб ревновали к ней. Зайнаб даже навлекла на себя неудовольствие Мухаммеда на несколько месяцев, когда во время одного паломничества отказалась в затруднительной ситуации предоставить Сафии верблюда.⁸⁷

Именно в связи с этим эпизодом Сафия, боясь, что Мухаммед на нее сердится, попросила Аишу помочь вернуть его расположение. В обмен она уступила Аише свою очередь на этот день. Аиша надела яркую шафрановую, благоухающую верхнюю одежду, пришла к шатру Мухаммеда и села рядом с ним.

«Что тебе нужно, о Аиша? - спросил он. - Сегодня не твой день».

«Это дар Аллаха, который Он дает тому, кому пожелает», - уверенно ответила она и затем рассказала о просьбе Сафии. История произвела нужный эффект, и Мухаммед помирился с Сафией.⁸⁸ В долгосрочной перспективе, однако, оценка Джувайрии, по-видимому, оказалась верной: в поздние годы Мухаммед утратил интерес к Сафии, как, по всей видимости, и ко всем женам, кроме Аиши, Умм Саламы и Зайнаб.⁸⁹

Аиша, кажется, без труда добивалась содействия любой из трех участниц своей группы - Хафсы, Сауды или Сафии - в любой затее, безобидной или нет, направленной либо против кого-то внутри самой группы,⁹⁰ либо против соперницы из оппозиционной части гарема. Классический пример - знаменитая история о Мухаммеде и меде. По одним версиям, Аиша, Сауда и Сафия объединились против Хафсы;⁹¹ по другим, Аиша и Хафса устроили заговор против Зайнаб⁹² или

⁸⁶ *Isabah*, IV, 769 и сл.

⁸⁷ Ибн Са'д, VIII, 67; Ибн Ханбал, VI, 131 и сл., 261, 337 и сл.

⁸⁸ Ибн Ханбал, VI, 145, 337 и сл.

⁸⁹ Ибн Са'д, VIII, 141 и сл.; аль-Якуби, *Tarikh* («Historiae»), изд. Houtsma (2 т.; Lugduni Batavorum, 1883), II, 93; аль-Якуби добавляет также Хафсу.

⁹⁰ Ср. выше, с. 11 и сл.

⁹¹ Ибн Са'д, VIII, 59; Ибн Ханбал, VI, 59; аль-Бухари, III, 462 и сл.

Умм Саламы.⁹³ Основа шутки во всех трех версиях настолько сходна, что различающиеся детали можно рассматривать как взаимно дополняющие. Кроме того, Хафса никогда не была любимицей Мухаммеда, тогда как Зайнаб и Умм Салама занимали сразу после Аиши наиболее прочное положение,⁹⁴ поэтому вероятнее, что шутка была направлена против одной из них, а не против Хафсы.

Похоже, Мухаммед имел обыкновение ненадолго заходить к каждой жене, прежде чем отправиться ночевать к той, чей был день. Однажды он необычно долго задержался у Зайнаб или Умм Саламы, наслаждаясь медом, который очень любил. Ревнивая Аиша это заметила и научила женщин своей группы при следующем его обходе спрашивать, не ел ли он магхафир - резко пахнущую смолу дерева урфут. Получив ожидаемое «нет», они продолжали: «Почему же тогда у тебя так сильно пахнет изо рта?»

«Зайнаб (или Умм Салама) дала мне мед».

«Наверное, пчелы, сделавшие этот мед, питались урфутом», - настаивали они.

Мухаммед был очень чувствителен к личным запахам и в следующий раз отказался от предложенного меда. Сауда, испугавшись, что шутка зашла слишком далеко, заметила, что они лишают Мухаммеда любимого лакомства. Но Аиша, по-видимому, думавшая главным образом о том, чтобы ее роль в заговоре не раскрылась, велела добросовестной Сауде молчать.⁹⁵

Еще более живые и порой бурные сцены происходили между Аишей и второй группой жен. Несмотря на искренние старания Мухаммеда обращаться со всеми справедливо, вся мусульманская община знала, что Аиша - его любимица. Люди, желая угодить пророку, считали день Аиши лучшим временем для отправки ему подарков. Мухаммед, когда мог, распределял

⁹² Ибн Са'д, VIII, 76; Ибн Ханбал, VI, 221; аль-Бухари, III, 358, 462, IV, 273 и сл.; ан-Насаи, *Sunan* (Каир, 1312/1894), I, 141 и сл.

⁹³ Ибн Са'д, VIII, 122 и сл.

⁹⁴ Там же, с. 81 и 73.

⁹⁵ Ср. выше, с. 44, прим. 91.

их - а это часто были съестные припасы - между всем гаремом.⁹⁶ Тем не менее другие жены, особенно группа Умм Саламы, возмущались столь явным предпочтением со стороны дарителей.

Они поручили Умм Саламе обратиться к Мухаммеду и попросить, чтобы он прекратил эту практику, велел мусульманам присылать подарки поочередно в разные комнаты. Она заговорила об этом, но Мухаммед промолчал. Товарки убеждали ее повторять просьбу снова и снова, пока не будет ответа. Умм Салама не уклонялась, но в конце концов получила лишь одно: «Не тревожь меня из-за Аиши. Она единственная женщина, в обществе которой ко мне приходят откровения».

«Да простит меня Аллах за то, что я тебя тревожила», - ответила смирившаяся Умм Салама.⁹⁷

Но остальные участницы ее группы не захотели останавливаться. Они послали дочь Мухаммеда Фатиму ходатайствовать за них. Сначала Мухаммед добился от неохотной Фатимы признания, что инициатором нового обращения была Зайнаб, а затем обезоружил дочь вопросом: «Милая доченька, разве ты не любишь того, кого люблю я?»

«Конечно, люблю», - только и смогла ответить она. И никакие уговоры недовольных жен не заставили ее снова выступить посредницей.

Тогда Зайнаб решила заняться делом сама. Не обращая внимания на присутствие Аиши, она громко протестовала против предпочтения, оказываемого любимице. Мухаммед и Аиша наблюдали друг за другом, ожидая реакции. Тем временем Зайнаб, видимо чувствуя, что терпит неудачу, потеряла самообладание и стала осыпать Аишу оскорблениями.

«Защищайся», - подбодрил Аишу Мухаммед.

И она защитилась сполна: вскоре смущенная Зайнаб умолкла. Мухаммед, наблюдавший сцену, завершил ее

⁹⁶ Ср. ниже, с. 49 и сл.

⁹⁷ аль-Бухари, II, 132 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 293; Ибн Са'д, VIII, 117.

восхищенным заключением о победительнице: «Она и вправду дочь своего отца!»⁹⁸

Записан еще один случай, когда Аиша вышла победительницей из словесной схватки с Зайнаб или Умм Саламой - скорее всего, с последней, поскольку именно Умм Салама, а не Зайнаб, обычно стремилась связывать себя с семьей Фатимы и Али,⁹⁹ которые оба оказались вовлечены и в эту историю.

Возмущенная тем, что Мухаммед открыто проявлял нежность к Аише в ее присутствии, гордая махзумитка, еще во время сватовства предупреждавшая Мухаммеда о своей ревности, воскликнула: «Я вижу, что остальные из нас в твоих глазах ничто». После этого она обрушила гнев на Аишу и стала грубо ее бранить. Мухаммед пытался успокоить ее, но безуспешно. Тогда он велел своей любимице отвечать тем же, и Аиша его не разочаровала.

Раздосадованная Умм Салама отправилась к Фатиме и Али, причем между обоими и Аишей особой любви не было. Она пожаловалась не только на оскорбления, которые сама получила, но и на слова, которые Аиша, по-видимому, бросила в их адрес. Али, по рассказу предания, послал Фатиму к отцу с протестом.

«Клянусь Господом Каабы, - заявил Мухаммед, - Аиша - самая любимая женщина твоего отца!»

Робкая Фатима сообщила Али о неудаче. Тогда Али сам пошел к Мухаммеду.

«Разве мало того, - спросил он, - что Аиша оскорбила нас? Зачем же ты еще сказал Фатиме, что Аиша твоя любимая?»¹⁰⁰

Ответ Мухаммеда не сохранился. Но вскоре после этого дверь между собственно гаремом и соседней комнатой Фатимы и Али была замурована.¹⁰¹

Лишь однажды Мухаммед укорил Аишу по-настоящему резко - когда защищал память верной Хадиджи. Аиша, ревнуя к

⁹⁸ См. предыдущее примечание; также Ибн Ханбал, VI, 88, 93, 150 и сл.; Ибн Са'д, VIII, 123 и сл.

⁹⁹ Ибн Ханбал, VI, 292, 298, 304.

¹⁰⁰ Там же, с. 292.

¹⁰¹ Lammens, *Fatima et les filles de Mahomet* (Рим, 1912), с. 47 и сл.

его нежным воспоминаниям о давно умершей жене, назвала ее «той беззубой старухой, вместо которой Аллах дал тебе лучшую». Недовольный и взволнованный Мухаммед сразу возразил: «Нет, клянусь, Аллах не заменил ее лучшей. Она поверила в меня, когда меня отвергали; когда меня называли лжецом, она признала меня говорящим правду; когда я был беден, она делилась со мной своим богатством; и Аллах даровал мне детей от нее, тогда как от других женщин не дал».¹⁰²

Еще более серьезный кризис заставил Мухаммеда на целый месяц удалиться от всех жен. По завершении этого периода он поставил их перед выбором: Аллах и Его пророк либо земной мир и его наслаждения. Несмотря на важность кризиса, предания не дают точной даты и сильно расходятся относительно непосредственной причины.

Одна группа сообщений утверждает, что жены Мухаммеда изводили его просьбами о материальных благах, которых он не мог им предоставить. Рассказывают забавный случай: однажды жены окружили Мухаммеда, громко требуя одежды. Когда объявили о приходе Умара, они так поспешно скрылись за хиджабом, то есть занавесом, что Мухаммед не удержался от смеха. Умар упрекнул их, что они боятся его больше, чем Мухаммеда. Из-за занавеса они ответили: «Ты грубее и суровее Посланника Аллаха».¹⁰³

Не искали ли эти женщины, замкнутые в своих комнатах, сознательно или бессознательно какой-то материальной компенсации за потерю свободы, требуя больше мирских благ? Во всяком случае, такие требования вполне согласуются с формулировками «Стиха выбора».¹⁰⁴

Другая группа преданий связывает кризис с ревнивой Аишей. Однажды, находясь у нее, Мухаммед, по-видимому, либо получил подарок, либо велел заколоть животное. Он попросил Аишу разделить мясо между женами и послал Зайнаб

¹⁰² Ибн Ханбал, VI, 117 и сл., 154; *Isabah*, IV, 541 и сл. О роли Хадиджи в жизни Мухаммеда см.: Abbott, «Women and the State in Early Islam», *Journal of Near Eastern Studies (JNES)*, I (1942), 121-23.

¹⁰³ Ибн Са'д, VIII, 130 и сл.; ср. Stern, *op. cit.*, с. 114.

¹⁰⁴ Ср. Ибн Са'д, VIII, 129 и сл.; аль-Байдави, II, 127.

ее долю. Та осталась недовольна и вернула ее. Тогда Мухаммед велел Аише добавить еще и снова отправил Зайнаб. По некоторым версиям, это повторилось трижды. Наконец возмущенная Аиша сказала Мухаммеду: «Эта презрительная женщина заставляет тебя терять лицо!»

«Вы, женщины, - рассердился Мухаммед, - в действительности еще меньше считаетесь с Аллахом, чем со мной! Я не буду приходить к вам месяц».¹⁰⁵

Есть и третья группа сообщений, связывающая дело с поведением Мухаммеда и Марии Коптской. По одной версии, Хафса застала Мухаммеда с Марией в собственной комнате, но в день, принадлежавший Аише. Она дала Мухаммеду понять, что видела их; он попросил ее ничего не говорить Аише, обещая взамен впредь отказаться от общества Марии. Хафса пообещала, но нарушила слово и поспешила сообщить Аише радостную весть, что Мухаммед отрекся от Марии, поскольку весь гарем ревновал его к красивой кудрявой коптской наложнице.¹⁰⁶

По второй версии, эпизод с Мухаммедом и Марией произошел в день самой Хафсы, так что главной пострадавшей была она.¹⁰⁷ Но в обоих вариантах именно Аиша упрекнула Мухаммеда за неосторожное нарушение правил гарема. Вскоре весь гарем восстал, и раздраженный Мухаммед удалился от всех жен.

Был ли эпизод с Марией Коптской непосредственной искрой большого гаремного кризиса или нет, трудно сказать. Но он почти наверняка способствовал обострению: после кризиса, унизившего жен и завершившегося «Стихом выбора» и более жесткими правилами для всего гарема, они вряд ли стали бы позднее превращать отношения Мухаммеда с Марией в столь крупный вопрос. Помимо связи Марии с кризисом, существуют и другие указания, относящие событие к седьмому году хиджры или позднее.

¹⁰⁵ Ибн Са'д, VIII, 136 и сл. В других источниках автор этой истории не встречала.

¹⁰⁶ Там же, с. 134; ат-Табари, *Tafsir* (30 т.; Каир, 1321/1903), XXVIII, 91.

¹⁰⁷ Ибн Са'д, VIII, 133 и сл.

Кризис происходил в период ожидания вторжения гассанидов; обычно его связывают с более поздним этапом мединского периода и с походом Мухаммеда на Табук в 9/630 году.¹⁰⁸ Некоторые предания прямо относят «Стих выбора» к девятому году хиджры.¹⁰⁹ Число жен Мухаммеда, которым тогда был предложен выбор, обычно считается равным девяти.¹¹⁰ Такой список должен включать Сафию, а также Маймуну, если только Райхану не считать законной женой, а не наложницей. Единственный известный список жен, которым был предложен «выбор», действительно включает и Сафию, и Маймуну.

Одна женщина из племени, с которой Мухаммед якобы заключал брак в восьмом году хиджры, предпочла уйти от него именно во время «выбора».¹¹¹ Однако оба свидетельства вызывают сомнения: первое потому, что основано на единичном предании,¹¹² второе - из-за неясности личности женщины и подлинной причины ее расставания с Мухаммедом.

Из сообщений Умара и других о том, как Мухаммед удалился от жен,¹¹³ видно, что женщины не боялись прямо высказывать ему свое мнение, спорить и отвечать. Не менее ясно, что они считали себя вправе требовать от него материальных благ. Кроме того, рассказы, по-видимому, смешали по меньшей мере два, а возможно и три разных случая, превратив их в один эпизод.

В них имеются явные указания, что еще раньше Умар узнавал о порядках в гареме Мухаммеда от собственной жены, которая оправдывала таким образом свое поведение; позднее Хафса, его дочь, открыто подтвердила услышанное. Сильно недовольный и несколько встревоженный, Умар строго наставил ее: «Не будь чрезмерна в требованиях к Мухаммеду; не противоречь ему, не отвечай дерзко и не избегай его общества. Если тебе что-либо понадобится, проси у меня. И не

¹⁰⁸ Ср. Muir, *op. cit.*, с. 439 и сл.

¹⁰⁹ *Isabah*, IV, 873.

¹¹⁰ Ибн Са'д, VIII, 145.

¹¹¹ Ср. Stern, *op. cit.*, с. 118.

¹¹² Ибн Са'д, VIII, 138 и 100-102.

¹¹³ Там же, с. 129-39; аль-Бухари, II, 103-6; III, 359 и сл., 442-44; Ибн Ханбал, I, 33 и сл.

ревнуй к своей соседке и сопернице Аише: она красивее тебя и Мухаммед любит ее больше».¹¹⁴

То ли тогда же, то ли в другой похожий раз Умар отправился к Мухаммеду. Он застал его подавленным и спросил о причине. Мухаммед ответил, что жены донимают его просьбами о вещах, которые он не в состоянии предоставить. Тогда Умар рассказал о собственных столкновениях с женой и о совете, уже данном Хафсе, добавив, что пророк наверняка способен твердой рукой управиться со своими женами. Мухаммеда это несколько развеселило, настроение его стало улучшаться.

Но Умар не удовлетворился этим. По дороге к дому Хафсы он встретил Абу Бакра и рассказал ему о разговоре с Мухаммедом. После этого каждый пошел к своей дочери и предупредил: не просить у Мухаммеда вещей, а обращаться за нужным к отцу. Затем Умар - один или, по одной версии, вместе с Абу Бакром - стал обходить гарем и по очереди увещевать каждую жену, пока Умм Салама не решила ему возразить.

«О Умар, - сказала она, - неужели ты должен вмешиваться даже в дела гарема? У кого же нам просить необходимое, если не у пророка?»

Получив отпор в своей самовольно принятой на себя миссии, Умар ушел, а Умм Салама заслужила восхищение и благодарность остальных «сестер», слишком робких, чтобы вступать в перепалку с этим вспыльчивым человеком.¹¹⁵ По-видимому, на этом эпизод закончился, причем жены все же сохранили свои позиции.

Когда позднее разразился настоящий кризис, весть принес Умару его ансарский «брат» Аус ибн Хаули, обязанный сообщать ему обо всех важных слухах и событиях. Для Ауса и собравшейся у мечети толпы слух о массовом разводе жен казался угрозой более серьезной, чем ожидавшееся вторжение гассанидов. Отчасти это объяснялось тем, что подобный шаг мог разрушить отношения между Мухаммедом и его

¹¹⁴ Ибн Са'д, VIII, 131 и сл.; аль-Бухари, III, 442 и сл.

¹¹⁵ Ибн Са'д, VIII, 129, 137; аль-Бухари, III, 359.

политически могущественными тестями Абу Бакром и Умаром; а если дело касалось и Маймуны, следовало считаться также с ее племянником Халидом ибн аль-Валидом.

Умар поспешил к Хафсе и застал ее в слезах.

«Разве я тебя не предупреждал?» - воскликнул этот неутешительный утешитель. «Ты разведена?» - нетерпеливо потребовал он ответа.

«Не знаю, - ответила она, продолжая плакать. - Он один наверху, в комнате».¹¹⁶

Рассказывают, что даже Умм Салама теперь плакала.¹¹⁷ Умар направился к мечети, проходя мимо толп, ожидавших достоверных сведений и исхода дела. Когда о его приходе сообщили Мухаммеду в первый раз, тот промолчал. Второе сообщение тоже было оставлено без ответа. Лишь после третьей просьбы Мухаммед разрешил ему войти.

На этот раз Умар не стал спрашивать, в чем дело, а сразу перешел к главному:

«Ты развелся со своими женами?»

«Нет», - коротко ответил Мухаммед.

«Аллаху акбар! Аллах велик!» - прозвучал могучий, звучный голос Умара. Ждавшие снаружи толпы и тревожившиеся жены поняли: серьезный общественный и политический кризис миновал.¹¹⁸

Умар, вероятно при поддержке Абу Бакра, который временами мог быть достаточно суров и даже ударить Аишу,¹¹⁹ воспользовался случаем, чтобы вновь снискать расположение Мухаммеда и наставить своих дочерей и гарем вообще.¹²⁰ Мухаммед тем временем оставался один наверху до истечения месяца. Затем возобновил обход жен, начав с Аиши, которая встретила его словами:

«Я всего лишь сказала необдуманное слово, а ты рассердился на меня. Разве ты не говорил, - дерзко добавила

¹¹⁶ аль-Бухари, III, 443; *Isabah*, IV, 522.

¹¹⁷ Ибн Са'д, VIII, 139.

¹¹⁸ Там же, с. 132 и сл., 136; аль-Бухари, III, 445.

¹¹⁹ Ибн Са'д, VIII, 56; ср. также Ибн Ханбал, IV, 271 и сл., 275.

¹²⁰ ат-Табари, *Tafsir*, XXVIII, 94; *Isabah*, IV, 522.

она, - что не придешь целый месяц? А прошло только двадцать девять дней!»

«В этом месяце, - ответил Мухаммед, - всего двадцать девять дней».

Однако вскоре Аиша поняла, что дело не закончится так легко. Мухаммед сделал ей серьезное предложение и посоветовал прежде чем отвечать посоветоваться с родителями. Тогда он повторил ей «Стих выбора»:

О Пророк, скажи своим женам: если вы желаете жизни этого мира и его украшений, то придите - я наделю вас и отпущу достойным образом. Но если вы желаете Аллаха, Его Посланника и обители будущей жизни, то Аллах приготовил тем из вас, кто поступает праведно, великую награду.¹²¹

«Мне не нужно советоваться с родителями, - без колебаний ответила Аиша. - Ты знаешь, они никогда не посоветуют мне покинуть тебя. Я выбираю Аллаха и Его Посланника».

Она, однако, попросила Мухаммеда не сообщать ее решения другим женам, когда он предложит им тот же выбор. Мухаммед отказался выполнить просьбу и позаботился о том, чтобы остальные женщины знали, что выбрала Аиша. Одна за другой все последовали примеру любимицы и выбрали Аллаха и Его Посланника.¹²²

Это, несомненно, было удобным моментом для новых правил гарема, призванных несколько усмирить его обитательниц. Их характер и пределы отражены в группе стихов, следующих за «Стихом выбора»:

О жены Пророка! Кто из вас совершит явную непристойность, для той наказание будет удвоено; для Аллаха это легко.

Но той из вас, которая покорна Аллаху и Его Посланнику и поступает праведно, Мы дадим награду дважды и приготовим ей благородный удел.

О жены Пророка! Вы не подобны другим женщинам. Если вы богобоязненны, не будьте слишком мягки в речи, чтобы тот, в чьем сердце болезнь, не возжелал вас; говорите достойным образом.

¹²¹ Сура 33:28-29; Bell, *op. cit.*, II, 413.

¹²² Ибн Са'д, VIII, 47, 130, 133; Ибн Ханбал, VI, 78, 185, 211 и сл.

Оставайтесь в своих домах и неставляйте себя напоказ, как во времена прежнего язычества. Совершайте молитву, давайте милостыню и повинуйтесь Аллаху и Его Посланнику. Аллах желает лишь удалить от вас скверну, о люди дома, и очистить вас полностью.

И помните знамения Аллаха и мудрость, которые читаются в ваших домах...¹²³

Примечательно, что в рассказах о гаремном кризисе женщины Мухаммеда обычно называются просто его «женами» или «женщинами», а не «Матерями верующих». Маловероятно, чтобы к тому времени они уже получили этот титул и связанное с ним достоинство, а также - как считают большинство комментаторов - последующий запрет на повторный брак даже после смерти Мухаммеда. Соответствующие откровения находятся в начале суры 33:6 и в заключительной части стиха 53:

Пророк ближе к верующим, чем они сами, а его жены - их матери...

Вам не подобает причинять обиду Посланнику Аллаха и никогда не следует жениться на его женах после него; воистину, это тяжко перед Аллахом.

«Стих выбора» терял бы всякий смысл, если бы не подразумевал, что те женщины, которые «желают мира и его украшений», после развода с Мухаммедом могли выйти замуж снова. Поэтому титул «Матерей верующих» и запрет повторного брака, вероятнее всего, были теснее связаны с гаремным кризисом, чем с более ранним введением хиджаба, то есть уединения.

Когда ходили угрозы и слухи о разводе, несомненно, находились мужчины, поглядывавшие на красивых женщин гарема, которые могли оказаться свободными. Возможно, повод к указанным стихам возник даже еще позднее, когда старение и ухудшение здоровья Мухаммеда заставили некоторых честолюбивых мужчин в ожидании его смерти обратить внимание на понравившихся им жен.¹²⁴

¹²³ Сура 33:30-35; Bell, *op. cit.*, II, 414.

¹²⁴ Ср. Ибн Са'д, VIII, 145.

Есть предания, согласно которым двоюродный родственник Аиши Тальха ибн Убайдаллах имел подобные намерения в отношении нее. Это был тот самый Тальха, который принадлежал к ранним последователям ислама, деятельно участвовал в войнах и пользовался большим уважением Мухаммеда, Абу Бакра и Умара. Именно он сопровождал семью Абу Бакра и Аишу во время переселения из Мекки в Медину. И он же перед битвой у Рва в 5/627 году галантно вступился за Аишу, когда Умар резко отчитал ее за то, что она одна вышла разведать положение.¹²⁵

Узы родства, политические амбиции и личное очарование прекрасной Аиши вполне могли обратить мысли Тальхи к любимой жене Мухаммеда. Предание рассказывает, что однажды его услышали говорящим: после смерти Мухаммеда он женится на Аише. Когда Мухаммед узнал об этом, ему якобы было ниспослано откровение, запрещавшее повторный брак его жен.¹²⁶

¹²⁵ Ибн Ханбал, VI, 141; Ибн Са'д, III(1), 3; ат-Табари, I, 1478.

¹²⁶ Ибн Са'д, VIII, 145.

Впоследствии Тальха женился на младшей единокровной сестре Аиши, Умм Кульсум, руку которой Аиша предусмотрительно отказалась отдать Умару, хотя тот в то время уже был халифом, - из-за его хорошо известной суровости к женщинам, включая собственных жен.¹²⁷

Целый ряд установлений - одни освобождали Мухаммеда от тягостных ограничений гаремной жизни или от некоторых данных им клятв, другие еще более регулировали и стесняли поведение женщин, третьи грозили им разводом - скорее всего, относится именно к этому периоду кризиса или к времени вскоре после него. Впрочем, и здесь знатоки преданий и комментаторы расходятся во мнениях относительно точного времени и причины появления этих предписаний.¹²⁸ Они содержатся в суре 66:1-5:

О Пророк! Почему ты запрещаешь себе то, что Аллах дозволил тебе, желая угодить своим женам? Аллах - Прощающий, Милосердный.

Аллах уже установил для вас способ освобождения от ваших клятв. Аллах - ваш Покровитель; Он - Знающий, Мудрый.

Вспомни, как Пророк доверил одной из своих жен некую тайну. Когда же она разгласила ее и Аллах открыл ему это, он сообщил ей часть того, что знал, а часть оставил без упоминания. И когда он рассказал ей об этом, она спросила: «Кто сообщил тебе?» Он ответил: «Мне сообщил Знающий, Всеведущий».

Если вы обе раскаетесь перед Аллахом, то сердца ваши склонятся к правому. Но если вы станете поддерживать друг друга против него, то покровитель его - Аллах, и Джибрил, и праведные из верующих; а кроме того, и ангелы будут его поддержкой.

Если он разведется с вами, то, быть может, Господь даст ему взамен жен лучше вас - мусульманок, верующих, покорных, кающихся, поклоняющихся и постящихся, как уже бывших замужем, так и девственниц.¹²⁹

¹²⁷ Ибн Са'д, III(1), 152; ср. ниже, с. 88.

¹²⁸ Ср., например, Ибн Са'д, VIII, 129-39; аль-Байдави, II, 340 и сл.

¹²⁹ Перевод ср. Bell, *op. cit.*, II, 589 и сл.

Еще одна группа стихов, касающихся жен Мухаммеда и на этот раз предоставляющих пророку особые брачные привилегии, по всей вероятности, относится к несколько более позднему времени. Они находятся в суре 33:49-52:

О Пророк! Мы дозволили тебе твоих жен, которым ты дал их вознаграждение, тех, кем овладела твоя правая рука из добычи, дарованной тебе Аллахом, дочерей твоих дядей и теток по отцу и матери, переселившихся вместе с тобой, а также любую верующую женщину, если она отдаст себя Пророку и если Пророк пожелает взять ее в жены. Это - особое дозволение для тебя, не распространяющееся на остальных верующих.

Мы знаем, что предписали им относительно их жен и тех, кем овладела их правая рука, - чтобы не было на тебе стеснения. Аллах - Прощающий, Милосердный.

Ты можешь отдалить ту из них, какую пожелаешь, и приблизить к себе ту, какую пожелаешь; и если пожелаешь вернуть к себе кого-либо из тех, кого прежде отстранил, на тебе не будет греха. Так вернее, чтобы глаза их радовались, чтобы они не печалились и чтобы все они были довольны тем, что ты им даешь. Аллах знает то, что в ваших сердцах; Аллах - Знающий, Кроткий.

После этого тебе не дозволены другие женщины и не дозволено заменять этих жен другими, даже если их красота восхитит тебя, кроме тех, кем овладела твоя правая рука. Аллах наблюдает за всякой вещью.¹³⁰

Некоторые комментаторы видят в последнем из этих стихов ограничение численности гарема Мухаммеда. Другие же истолковывают его лишь как ограничение тех категорий женщин, из которых он мог брать себе жен, перечисленными в предыдущих стихах.¹³¹ До сих пор слово «жена» применялось здесь к Хадидже и к тем женщинам Мухаммеда - в отличие от наложниц, - для которых он устроил постоянное жилье в гаремных помещениях во дворе мечети в Медине. Из приведенных стихов и из многочисленных подтверждающих их преданий ясно, что Мухаммед заключал и такие браки, которые либо вовсе не были доведены до супружеской близости, либо

¹³⁰ Перевод ср. там же, с. 416 и сл.

¹³¹ Ибн Са'д, VIII, 145; аль-Байдави, II, 132 и сл.

носили временный характер.¹³² Точную природу этих браков установить трудно. С достаточной осторожностью можно сказать лишь следующее: поскольку почти все они касались женщин из племен, вероятно, речь шла о свободных формах брака, существовавших среди племен, а Мухаммед прибегал к ним главным образом ради привлечения на свою сторону их соплеменников.

Какова бы ни была их природа, подобные браки служили дополнительным источником досады и ревности для Аиши и, несомненно, для ее «сестер». Именно в связи с сурой 33:49 - первым стихом только что процитированной группы - Аише приписывается известное замечание: «Воистину, твой Господь спешит исполнить твоё желание».¹³³ Поэтому неудивительно, что, когда представлялась возможность, она старалась расстроить некоторые из этих браков.¹³⁴

Рассказывают две или три истории о том, как постоянные жены советовали вновь прибывшим женщинам отвергать знаки внимания Мухаммеда, уверяя их, что он станет уважать их еще больше за такую гордую неуступчивость. Их учили говорить Мухаммеду: «Я ищущу защиты у Аллаха от тебя». Повторное употребление этой фразы, конечно, вызвало бы у Мухаммеда подозрение, если только не предположить, что это была некая техническая формула развода или выражение нежелания - хотя бы временного - вступать в супружеские отношения. Но других случаев ее употребления не известно. Поэтому предположение, будто это была доисламская формула, известная одним племенам и неизвестная другим, остается весьма сомнительным. Более вероятно другое: фразу придумала сама Аиша, и использована она была лишь однажды - в связи с браком Мухаммеда с Асмой, дочерью или сестрой Нумана ибн Аби аль-Джауна из княжеского дома Кинды.¹³⁵

¹³² Подробное обсуждение см.: Stern, *op. cit.*, с. 151-57; Caetani, *op. cit.*, II, 476-81.

¹³³ Ибн Са'д, VIII, 112, 141; Ибн Ханбал, VI, 158. Ср., однако: Tor Andrae, *Mohammed*, пер. Menzel (Нью-Йорк, 1936), с. 216.

¹³⁴ Ср. ат-Табари, III, 2433.

¹³⁵ Ср. Stern, *op. cit.*, с. 132-34; Ибн Са'д, VIII, 103.

Брак с Асмой, предложенный Нуманом во время прибытия делегации Кинды, по преданию, состоялся в раби I 9 года хиджры, то есть в июне-июле 630 года. Мухаммед послал особое сопровождение, чтобы привезти ее в Медину из родного Неджда. Она оказалась столь же прекрасной, как говорил Нуман. Аиша и женщины гарема были встревожены не только тем, что число племенных браков Мухаммеда возрастало, но и тем, что теперь в гареме должна была появиться красавица из гордого княжеского рода.

Аиша и Хафса пришли помочь невесте с брачным туалетом - приготовить хну, расчесать и уложить волосы. И вот в этой дружеской, «сестринской» обстановке они научили ее произнести приведенную выше формулу. По другой версии, это были «некие женщины», которые особенно подчеркивали ее царское происхождение и советовали ей воспользоваться этими словами. Ничего не подозревавшая Асма попала в ловушку. Каково бы ни было ее происхождение, Мухаммед принял ее слова буквально, признал право искать защиты у Аллаха и распорядился отправить ее обратно к своему народу. Позднее Асма оплакивала свою судьбу и жаловалась, что стала жертвой обмана.¹³⁶

Ревность порой заставляла Аишу следить за передвижениями Мухаммеда, а иногда и лично идти за ним. Однажды ночью она проследовала за ним до кладбища и испытала некоторый стыд, поняв, что Мухаммед хотел лишь побыть один и помолиться.¹³⁷ Сам Мухаммед временами шутиливо подтрунивал над молодой женой или мягко укорял ее за эту черту характера.¹³⁸

Если верить эпизоду, относимому к периоду незадолго до последней болезни Мухаммеда, приступы ревности продолжали мучить Аишу до самого конца его жизни. Вернувшись с похорон, Мухаммед застал ее жалующейся на

¹³⁶ Ибн Са'д, VIII, 102-5; *Isabah*, III, 1153 и сл., IV, 442-45; ср. также Stern, *op. cit.*, с. 132-34, 152; Caetani, *op. cit.*, II, 230 и сл., 478.

¹³⁷ Ибн Ханбал, VI, 76, 151, 221; Ибн Абд Раббихи, *Iqd al-Farid* (3 т.; Каир, 1293/1876), I, 394.

¹³⁸ Ибн Ханбал, VI, 115; аль-Бухари, III, 452; аль-Якуби, II, 96.

головную боль. У него самого сильно болела голова, и настроение было далеко не лучшим.

«Для тебя не было бы беды, - сказал он, - если бы ты умерла раньше меня. Тогда я сам омыл бы тебя, завернул в саван, совершил над тобой молитву и похоронил».

«Пусть это случится с кем-нибудь другим», - тут же ответила она. «Но именно этого, как я вижу, тебе и хочется, - добавила Аиша. - Ты тогда непременно вернулся бы в мою комнату и стал бы развлекаться здесь с какой-нибудь из своих женщин».¹³⁹

Несмотря на завидное положение Аиши в гареме Мухаммеда - по крайней мере, с точки зрения ее соперниц, - сама она не была вполне довольна своей женской и супружеской судьбой. Материнство, которого она, по-видимому, всегда горячо желала, ей не было дано.¹⁴⁰ Предания сохранили несколько печальную сцену: молодая жена указала Мухаммеду, что у всех остальных его жен есть кунья - имя, образованное от материнства, - и попросила дать такую же и ей, то есть назвать ее «матерью такого-то». Тогда Мухаммед дал ей единственную кунью, которую она носила всю жизнь: Умм Абдаллах - «мать Абдаллаха».¹⁴¹

Этим Абдаллахом был ее юный племянник, сын ее сестры Асмы и Зубайра ибн аль-Аввама, которого обычно считают первым мусульманским ребенком, родившимся в Медине.¹⁴² Между Аишей и ее «сыном», Абдаллахом ибн аз-Зубайром, возникла настолько сильная привязанность, что ей приписывали слова: она любит его больше кого бы то ни было после Мухаммеда и своих родителей.¹⁴³

Как жена Аиша не стеснялась пользоваться тем, что была единственной девственницей, на которой женился Мухаммед. В ее взглядах отражалось отношение полигамного общества, где

¹³⁹ Ибн Са'д, II(2), 10, 24; Ибн Ханбал, VI, 228; Ибн Хишам, с. 1000; ат-Табари, I, 1800.

¹⁴⁰ Ср. Ибн Са'д, II(2), 71 и сл.; Muir, *op. cit.*, с. 506.

¹⁴¹ Ибн Са'д, VIII, 44 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 151, 213, 260; однако см. там же, с. 186; ср. Lammens, «Le Califat de Yazid», *MFOB*, V (1912), 183, прим. 3, 8.

¹⁴² ат-Табари, I, 1263 и сл.; ан-Навави, с. 341 и сл.; Ибн Асакир, *Tarikh al-Kabir* (Дамаск, 1329/1911), VI, 396.

¹⁴³ *Aghani*, VIII, 93; ср. аль-Бухари, III, 388; см. также ниже, с. 209 и сл.

разводы и повторные браки обоих полов были обычным явлением. Однажды, когда Мухаммед зашел к ней, она спросила, где он был в тот день.

«У Умм Саламы, о Прекрасная», - ответил он.

«Тебе все никак не хватает ее общества», - заметила Аиша. Мухаммед улыбнулся и промолчал.

«Скажи мне, - продолжала она, - если бы ты увидел двух верблюдов: один уже пасся, а другой нет, которого ты стал бы кормить?»

«Того, который еще не пасся», - ответил ничего не подозревавший Мухаммед.

«Вот видишь, я не такая, как остальные твои жены, - довела она сравнение до конца. - Каждая из твоих женщин была замужем до тебя, кроме меня».

Мухаммед снова лишь улыбнулся и ничего не сказал.¹⁴⁴ Молодая Аиша, жадная до полноты жизни, тогда еще не знала, что ей суждено почти на полвека пережить своего единственного и уже немолодого мужа и все эти годы оставаться бездетной вдовой в обществе, где повторные браки были обычным делом.

Нетрудно чрезмерно подчеркнуть ревность и распри, неизбежно присущие гаремному укладу, и создать впечатление, будто жизнь женщин гарема представляла собой непрерывную и ожесточенную борьбу, в которой не было места ни миру, ни дружбе. Столь же легко представить хозяина гарема чувственным человеком, совершенно лишенным более тонких семейных чувств. Но это означало бы изображать гаремную систему только в ее худшем проявлении. Ни один человеческий общественный институт - хороший или дурной - не пребывает всегда и везде в своем лучшем или худшем состоянии. Моногамное общество в своих худших проявлениях тоже знает и проституцию, и содержанок, и пресловутую семейную жизнь «как кошка с собакой». А полигамное общество, когда оно хоть сколько-нибудь приближается к своему лучшему состоянию, не лишено мира и семейной нежности.

¹⁴⁴ Ибн Са'д, VIII, 55.

Мы уже видели примеры товарищества, если не дружбы, среди женщин гарема Мухаммеда, а предания сохранили немало упоминаний о близких и ласковых отношениях между ним и некоторыми из его жен. Он охотно откликался на их просьбы о духовном наставлении и учил некоторых из них коротким личным молитвам.¹⁴⁵ Он заботился об их удобстве и не считал ниже своего достоинства самому удовлетворять некоторые повседневные нужды или помогать им в простейших домашних делах.¹⁴⁶

Аиша как любимица, несомненно, получала больше его личного внимания, чем любая другая жена. Многочисленные предания, обычно восходящие к самой Аише, позволяют мельком увидеть Мухаммеда и Аишу не только как пророка и супругу, но и как влюбленную пару.

«Я знаю, - сказал он ей однажды, - когда ты довольна мной, а когда раздражена или сердита».

«Как ты это узнаешь?»

«Когда ты довольна, ты говоришь: “О Мухаммед!” или клянешься “Господом Мухаммеда”; а когда сердишься, говоришь: “О Посланник Аллаха!” или клянешься “Господом Ибрахима”».¹⁴⁷

Со своей стороны, и она тонко чувствовала перемены в его настроении.¹⁴⁸ Однажды Мухаммед сидел, чиня свои сандалии, а Аиша занималась пряжей. Она увидела, как вдруг просияло его лицо. Несколько мгновений она смотрела на него - то ли с удивлением, то ли с благоговением, - а затем без труда произнесла лстивый стих, подходивший к его сияющему облику. Мухаммед поднялся, поцеловал ее в лоб и сказал: «О Аиша, да вознаградит тебя Аллах добром. Я не приношу тебе той радости, какую ты приносишь мне».¹⁴⁹ В другой раз она без

¹⁴⁵ Ибн Ханбал, VI, 77, 134, 146 и сл.; Зайд ибн Али, *Majmu'at al-Fiqh*, изд. Griffini (Милан, 1919), с. 43; ср. *Iqd*, I, 331.

¹⁴⁶ Ибн Са'д, I(2), 90 и сл.; аль-Бухари, III, 489; ср. Dermenghem, *op. cit.*, с. 165 и сл.

¹⁴⁷ Ибн Са'д, VIII, 47, 55; Ибн Ханбал, VI, 30, 61, 213; аль-Бухари, III, 452.

¹⁴⁸ Ср. Ибн Ханбал, VI, 159.

¹⁴⁹ Абу Нуайм, II, 45 и сл.

колебаний послала в самые нижние области ада тех, кто тревожил или раздражал его.¹⁵⁰

Она заботилась и о его физическом благополучии - например, предостерегала от долгого пребывания под мекканским солнцем.¹⁵¹ Добродушно бранила его, если ей казалось, что он слишком себя балует; когда же он болел, ухаживала за ним и лечила.¹⁵² Ей нравилось прислуживать ему и умащать его волосы любимыми благовониями.¹⁵³ Она радовалась такой близости, как совместное омовение из одной чаши или возможность, словно влюбленным, пить из одного сосуда.¹⁵⁴ И по-женски любила дразнить любимого, заставляя его признаться в любви.

«На что похожа твоя любовь ко мне?»

«На крепкий узел на веревке».

«А теперь каков этот узел?»

«Такой же, как всегда».¹⁵⁵

Считалось, что Мухаммед предчувствовал приближение конца.¹⁵⁶ Он находился в доме Маймуны, когда впервые понял, что настигшая его болезнь - не временное недомогание.¹⁵⁷ Некоторые жены навещали его там. Вскоре он стал спрашивать, у кого должен находиться в этот день, у кого - на следующий и у кого - через день. Женщины поняли: он пытается вычислить, когда наступит «очередь» Аиши.

Их догадка подтвердилась, когда он попросил как об особой милости позволить ему перейти в комнату Аиши и оставаться там.¹⁵⁸ Поэтому последние несколько дней жизни он провел именно в ее доме, и именно у нее на руках испустил последний вздох в раби I 11 года хиджры, то есть в июне 632 года.

¹⁵⁰ Ибн Ханбал, VI, 175.

¹⁵¹ аль-Балазури, *Futuh al-Buldan*, изд. de Goeje (Lugduni Batavorum, 1886), с. 43.

¹⁵² Ибн Са'д, II(2), 11, 15, 29; Ибн Ханбал, VI, 215, 67; Абу Нуайм, II, 50.

¹⁵³ Ибн Ханбал, VI, 186, 272.

¹⁵⁴ Ибн Са'д, VIII, 43; Ибн Ханбал, VI, 123, 64.

¹⁵⁵ Ибн Ханбал, VI, 210.

¹⁵⁶ Абу Нуайм, II, 44.

¹⁵⁷ Ибн Са'д, II(2), 10, 24, 29 и сл., 31; ат-Табари, I, 1800 и сл. (однако на с. 1799 названа Зайнаб).

¹⁵⁸ Ибн Са'д, II(2), 30; аль-Бухари, III, 189; ат-Табари, I, 1801; Ибн Ханбал, VI, 219.

Молодая жена не щадила себя, ухаживая за ним. Предсмертная агония Мухаммеда оставила в ее памяти неизгладимый след. Когда она поняла, что все кончено, то осторожно положила его голову на подушку и присоединилась к плачущим женщинам.¹⁵⁹ Позднее она выражала желание, чтобы ей и другим его женам позволили омыть тело и подготовить его к погребению, но мужчины семьи не согласились.¹⁶⁰ Сначала над телом совершили молитву они, а затем то же сделали жены Мухаммеда.

Абу Бакр разрешил вопрос о месте захоронения, вспомнив слова Мухаммеда о том, что пророка хоронят там, где он скончался.¹⁶¹ Так Аише пришлось делить свое жилище уже с умершим Мухаммедом, а ее небольшая комната в Медине со временем стала одним из самых священных мест всего ислама, уступая по почитанию лишь Каабе в Мекке.¹⁶²

Здесь уместно поставить вопрос о раннем влиянии Аиши - непосредственном влиянии на Мухаммеда и опосредованном на политическое развитие раннего ислама. Мусульманские предания, в большинстве своем с подозрением относящиеся к политическому руководству женщин, скорее преуменьшали ее влияние, за исключением, пожалуй, той несомненно большой роли, которую она сыграла в Битве верблюда. Западные ученые, напротив, сильно впечатленные - и вполне справедливо - ее ролью в этой битве, нередко поддавались искушению перенести столь высокий уровень влияния и на более ранний период, особенно там, где речь шла об интересах ее отца.

При этом, кажется, забывают о совсем юном возрасте Аиши, когда она вошла в гарем Мухаммеда, и о том, что к моменту его смерти ей было лишь восемнадцать лет. Кроме того, не всегда учитывают еще одно обстоятельство: из двоих - Мухаммеда и Абу Бакра - именно Мухаммед относился к ней значительно мягче и внимательнее к ее желаниям. Поэтому маловероятно, чтобы уже тогда Аиша сознательно действовала

¹⁵⁹ Ибн Са'д, II(2), 30; Ибн Хишам, 1011 и сл.; ат-Табари, I, 1812-14; аль-Бухари, III, 187; Ибн Ханбал, VI, 219.

¹⁶⁰ Ибн Са'д, II(2), 60; ат-Табари, I, 1831.

¹⁶¹ Ибн Са'д, II(2), 46 и сл., 68-70; ат-Табари, I, 1805.

¹⁶² Ибн Са'д, II(2), 71 и сл.; однако см. там же, с. 35.

вопреки воле Мухаммеда исключительно в интересах своего отца и двух его политических союзников - Умара ибн аль-Хаттаба и Абу Убайды Амира ибн Абдаллаха ибн аль-Джарраха, - той троицы, которую Ламменс окрестил «Триумвиратом».

Если бы Аиша уже в тот период действительно была столь искусной интриганкой и опытной шпионкой, какой, например, Ламменс, а вслед за ним Каэтани и другие¹⁶³ хотели ее представить, трудно понять, почему ни Абу Бакр, ни Умар позднее не находили для ее талантов более широкого применения. В действительности в годы их последовательного правления с Аишей связано крайне мало событий сколь-нибудь значительного политического характера.

Предполагать, будто в их время ее способности просто не были нужны, значит чрезмерно упрощать ту бурную эпоху, что последовала за смертью Мухаммеда, - годы, когда всякий, кто действительно что-то значил или хотя бы считал себя значительной фигурой нового сообщества, стремился занять место в быстро набирающей ход и обещающей огромные возможности политической колеснице. Среди этих претендентов были несколько друзей и родственников Аиши, причем некоторые из них отличались не только честолюбием, но и расчетливостью и умом. Такие люди вряд ли могли бы пренебречь влиянием ловкой и интригующей Аиши - в свою пользу или против себя - на Абу Бакра или Умара, если бы подобное влияние действительно было столь велико.

Поскольку Ламменс зашел в изображении Аиши как уже в ту пору активно интригующей женщины едва ли не дальше большинства западных ученых, его материал необходимо было проверить особенно тщательно.¹⁶⁴ Эта проверка показала, что, хотя Ламменс неизменно подчеркивал: Аиша была *самой любимой* женой Мухаммеда, он склонен был забывать другое - она не была *единственной* его любимой. Следовательно, даже будучи первой среди любимиц, Аиша не могла так уж легко

¹⁶³ «Le «Triumvirat»», *op. cit.*, с. 120-23, 128, 131 и сл.; Caetani, *op. cit.*, VIII, 321 и сл.; ср. выше, с. 36.

¹⁶⁴ См. предыдущее примечание.

оказывать на Мухаммеда решающее влияние, не говоря уже о господстве над ним.

Даже для таких личных действий, как временное уединение для молитвы по примеру Мухаммеда или посещение больного отца, ей, по-видимому, прежде приходилось просить разрешения и получать его.¹⁶⁵ Далее, Ламменс приписывает Аише «манию шпионажа» и в качестве доказательства приводит случай, когда она подслушивала разговор Мухаммеда с Усманом ибн Аффаном, а также один-два эпизода, когда следовала за Мухаммедом, чтобы узнать, куда он направляется. Гаремную ревность как главную причину такого поведения он отвергает и предпочитает видеть здесь свидетельство целенаправленной политической интриги.¹⁶⁶

То, что отец Ламменс мог недооценить огромную побудительную силу гаремной ревности, еще можно понять. Гораздо труднее понять, как одного-двух подобных эпизодов могло оказаться достаточно, чтобы говорить о «мании» политического шпионажа. Возможно, он имел в виду и другие подобные случаи, поскольку несколько таких действительно встречаются. Например, однажды Аиша почувствовала, что Мухаммеда что-то встревожило, последовала за ним к двери и подслушала обращение, с которым он выступил снаружи.¹⁶⁷ В другой раз, когда пришла весть о гибели Джафара ибн Аби Талиба в 8/629 году, она выглядывала из-за дверной занавеси, наблюдая, как Мухаммед распоряжается и старается успокоить плачущих женщин.¹⁶⁸ Наконец, был случай, когда она слышала разговор Мухаммеда с его придворным поэтом Хассаном ибн Сабитом.¹⁶⁹

Но доказывают ли такие эпизоды непременно склонность к шпионажу и политической интриге? Чтобы ответить на этот вопрос, надо смотреть не только на саму Аишу, но и на ее окружение. В каких же условиях жила эта подлинная дочь Абу Бакра и ревнивая любимица Мухаммеда?

¹⁶⁵ Ибн Ханбал, VI, 65, 84, 226.

¹⁶⁶ Lammens, «Le "Triumvirat"», *op. cit.*, с. 123 и прим. 2.

¹⁶⁷ Ибн Ханбал, VI, 159.

¹⁶⁸ Там же, с. 58 и сл.; Ибн Са'д, IV, 27.

¹⁶⁹ Aghani, IV, 6.

Прежде всего она была подчинена хиджабу, то есть режиму уединения. Жила она в маленькой однокомнатной пристройке, где Мухаммед нередко принимал друзей. Эта же комната выходила во двор мечети, где происходило большинство встреч и выступлений Мухаммеда - буквально в пределах видимости и слышимости. Что при таких обстоятельствах сделал бы любой человек на месте Аиши? Сидел бы неподвижно в углу комнаты? Стал бы слеп и глух к сценам жизни, разворачивавшимся вокруг, когда главным действующим лицом этих сцен был ее собственный Мухаммед?

Если мысленно убрать хиджаб из этой картины, все подобные эпизоды «шпионажа» - подслушивание или выглядывание из-за занавеси - обретают естественный смысл. Это не действия грозной интриганки, а вполне нормальные реакции молодой, живой женщины, чья свобода оказалась необычно ограничена недавно введенным уединением. Вполне возможно, что Аиша иногда передавала отцу, сознательно или невольно, сведения, имевшие политическое значение; однако крайне маловероятно, чтобы она специально шпионила за Мухаммедом именно с этой целью.

Показательно, что сам Ламменс приводит лишь один конкретный пример того, что он мог бы назвать результатом ее «разведывательной деятельности». В ранних источниках, которыми я располагаю, этот эпизод выглядит следующим образом. Мухаммед решил - по-видимому, не советуясь с Абу Бакром - предпринять поход против Мекки. Сохраняя направление в тайне, он распорядился готовиться к выступлению. Абу Бакр, вероятно почувствовав, что готовится что-то серьезное, пришел к Аише и застал ее за приготовлением припасов в дорогу.

«Дочь моя, Посланник Аллаха распорядился о приготовлениях?»

«Да. Готовься и ты», - коротко ответила она.

«Куда, по-твоему, он направляется?»

«Клянусь Аллахом, не знаю», - последовал малоинформативный ответ.

Вскоре сам Мухаммед сообщил людям то, что хотел узнать Абу Бакр: поход направлялся против Мекки.¹⁷⁰ Ламменс, однако, не принимает этот многократно повторяемый рассказ и предпочитает сомнительную версию, где Аиша якобы выдает Абу Бакру тайный план нападения на Мекку. Более того, он использует этот эпизод как типичный пример того, как Аиша будто бы выведывала у Мухаммеда его секреты, чтобы удовлетворить любопытство отца.¹⁷¹

Другие случаи, которые обычно рассматриваются как свидетельства политической интриги Аиши в интересах отца, относятся к последней болезни и смерти Мухаммеда. Здесь прежде всего снова следует вспомнить обстановку. Да, около двух последних недель болезни Мухаммед провел в комнате Аиши. Но это вовсе не означает, что они имели там хоть сколько-нибудь похожее на современное западное представление о приватности.

И на Востоке даже сегодня комната больного днем часто становится местом почти непрерывного потока самых разных посетителей, а ночью близкие родственники остаются рядом и по очереди помогают ухаживать за ним. Нет оснований думать, будто во времена Мухаммеда эти обычаи были иными. Пока он мог ходить или относительно удобно сидеть, он принимал посетителей либо обращался к многочисленной толпе во дворе мечети с порога комнаты Аиши. Когда состояние ухудшилось и температура стала все выше, рядом находились «члены семьи», стараясь помочь всем, чем могли.

Тем не менее у Мухаммеда бывали короткие промежутки облегчения - и от боли, и от посетителей. Вероятно, именно в один из таких моментов он выразил желание увидеть кого-то из

¹⁷⁰ Ибн Хишам, с. 808; ат-Табари, I, 1625; аль-Вакиди, *Kitab al-Maghazi*, пер. Wellhausen (Берлин, 1882), с. 325; Tor Andrae, *op. cit.*, с. 230.

¹⁷¹ Lammens, «Le «Triumvirat»», *op. cit.*, с. 128. Его источники - Ибн Хишам (с. 808) и *Muntakhab Kanz al-Ummal* (IV, 149), поздний труд XVI или более позднего века. В основе рассказа лежит, по-видимому, соответствующий пассаж в полном *Kanz al-Ummal* аль-Муттаки (Хайдарабад, 1894-97), V, 302. Там говорится, что Мухаммед сообщил Аише направление похода, но запретил говорить об этом кому-либо; позднее Абу Бакр якобы сумел вывесть у нее, что целью является Мекка. Предание восходит к поздней куфийской традиции и опирается на ненадежных передатчиков; см. подробное обсуждение в оригинале.

друзей. Согласно версии явно омейядского происхождения, это желание встретили либо предложениями самой Аиши, либо общим вопросом Аиши и других присутствовавших о том, кого именно он хочет позвать.

«Позвать Абу Бакра?» - предложили они. Мухаммед промолчал.

«Позвать Умара?» Снова никакого ответа.

«Позвать Али?» И опять молчание.

«Позвать Усмана?»

«Да», - наконец сказал Мухаммед.

За Усманом послали, и у него с Мухаммедом состоялся разговор наедине, после которого выражение лица Усмана заметно изменилось.¹⁷²

Но согласно столь же очевидно аббасидской версии этого или похожего эпизода в период болезни Мухаммед прямо попросил позвать Али, однако Аиша проигнорировала просьбу и вместо него предложила своего отца Абу Бакра. Затем Хафса предложила Умара, а Маймуна - Аббаса. Все трое были вызваны, но Али - нет. Мухаммед заметил его отсутствие, однако ничего не сказал.¹⁷³ Невольно возникает вопрос: почему же Фатима и Умм Салама не позаботились о том, чтобы Али был вызван?

Ясно, что ни один из этих поздних и партийно окрашенных рассказов не передает истину, всю истину и ничего кроме истины. Столь же очевидно, что с абсолютной уверенностью восстановить происходившее в подобные моменты невозможно. Наиболее вероятно, однако, что Мухаммед сам указывал, кого хотел видеть, тогда как наиболее влиятельные женщины гарема, включая Аишу, старались, чтобы рядом оказались и их родственники.

Еще один важный эпизод из комнаты больного, в котором Аише обычно приписывают заботу о политических интересах отца, связан с поручением Мухаммеда Абу Бакру возглавить общую молитву в мечети. И здесь предания дают разные версии. Во всех них именно Мухаммед хочет, чтобы молитву

¹⁷² Ибн Ханбал, VI, 52, 214 и сл.

¹⁷³ Там же, I, 356; ат-Табари, I, 1810 и сл.; аль-Бухари, I, 175.

вел Абу Бакр. Согласно большинству рассказов, Аиша, не всегда предлагая конкретную замену, пыталась убедить Мухаммеда освободить Абу Бакра от этой обязанности, ссылаясь на его слабый голос и чувствительность: он-де не выдержит и расплачется.¹⁷⁴

По одной версии, Аиша предложила «кого-нибудь другого вместо Абу Бакра»;¹⁷⁵ по другим - прямо назвала Умара.¹⁷⁶ Согласно еще нескольким преданиям, она привлекла Хафсу, чтобы та помогла освободить Абу Бакра и предложить Умара. Мухаммед потерял терпение, назвал их «женщинами Юсуфа» и настоял, чтобы молитву вел Абу Бакр. Тогда Хафса сказала Аише: «От тебя мне никогда не бывает ничего хорошего».¹⁷⁷

В ряде преданий истинной причиной поведения Аиши называется не то, что она объясняла Мухаммеду, а стремление уберечь отца от неприязни народа. По ее мнению, люди могли возненавидеть Абу Бакра - или вообще всякого, кто занял бы место Мухаммеда во главе молитвы.¹⁷⁸ В одной версии она говорит, что предпочла бы видеть выставленным на такую общественную неприязнь Умара, а не собственного отца.¹⁷⁹

С другой стороны, существует предание, из которого следует, что решающим было не столько желание Мухаммеда или слова Аиши, сколько то, что по этому поводу думали и говорили сами Умар и Абу Бакр. Мухаммед велел передать Абу Бакру, чтобы тот возглавил многочисленное собрание в мечети. Абу Бакр повернулся к Умару и предложил ему вести молитву вместо себя, но Умар ответил: «Ты более достоин этого, чем я». По-видимому, этим вопрос и был решен: молитву возглавил Абу Бакр.¹⁸⁰

¹⁷⁴ ат-Табари, I, 1811; Ибн Са'д, III, 126; аль-Бухари, I, 185; Ибн Ханбал, IV, 412; V, 361; VI, 96, 159.

¹⁷⁵ Ибн Ханбал, VI, 229.

¹⁷⁶ Там же, I, 356; VI, 270; Ибн Са'д, II(2), 18 и сл.; аль-Бухари, I, 176, 185 и сл.

¹⁷⁷ Ибн Са'д, II(2), 127; Ибн Ханбал, I, 209; VI, 202, 224; аль-Бухари, I, 176, 187; IV, 426.

¹⁷⁸ Например, Ибн Хишам, с. 1008; Ибн Ханбал, VI, 34; аль-Бухари, I, 185 и сл.; III, 187 и сл.; ср. также прим. 176 выше и Muir, *op. cit.*, с. 486.

¹⁷⁹ Ибн Са'д, II(2), 24.

¹⁸⁰ Там же, с. 19; Ибн Ханбал, II, 52; аль-Бухари, I, 179.

Другие рассказы добавляют, что Абу Бакр действительно не выдержал и расплакался; тогда кто-то пошел к Мухаммеду спросить, кто должен вести молитву дальше, а Хафса сама послала сказать, что это должен быть ее отец Умар. Едва Мухаммед услышал голос Умара, возвысившийся в молитве, как сильно встревожился и велел немедленно остановить его и поставить впереди Абу Бакра.¹⁸¹ По еще одной версии, Мухаммед лишь распорядился, чтобы молитву возглавил «кто-нибудь». Посланник велел это Умару, и тот начал молитву, пока Мухаммед не послал остановить его. Умар полагал, что приказ исходил непосредственно от Мухаммеда. Посланник же объяснил, что, не найдя Абу Бакра, счел Умара более достойным, чем все остальные.¹⁸²

Какой же вывод в отношении самой Аиши можно сделать из всех этих разнообразных, а порой прямо противоречащих друг другу преданий? Ответ связан с другим вопросом: какое значение вообще имело руководство молитвой? Обладало ли оно уже в 11 году хиджры тем решающим значением знака политического преемства, которое позднейшая традиция и последующая практика ему приписывали?

Если нет - а это вполне возможно, - то опасения и действия Аиши не имели политического смысла. Если же да - что также возможно, - тогда ее поведение, напротив, было явно не в пользу отца. Но не потому, что она хотела видеть преемником Мухаммеда Умара, а потому, что крайне недооценивала способности собственного отца и неверно судила о настроениях и характере народа.

Независимо от того, имело ли руководство молитвой политическое значение, пожелания Аиши относительно отца не были ни приняты Мухаммедом, ни осуществлены самим Абу Бакром. Так ли выглядит грозная интриганка, пользовавшаяся полным доверием отца и совершенно подчинившая себе больного и ослабленного Мухаммеда?¹⁸³ Преувеличенная оценка политического влияния Аиши в последние годы жизни

¹⁸¹ Ибн Са'д, II(2), 21, строки 11 и сл.

¹⁸² Там же, с. 20 и сл.; Ибн Хишам, с. 1009.

¹⁸³ Ср. Lammens, «Le «Triumvirat»», *op. cit.*, с. 122 и сл., 117, прим. 4.

Мухаммеда у Ламменса лишь отражает его столь же преувеличенную оценку власти «Триумvirата» над самим Мухаммедом.

Мы проследили путь Аиши от беззаботного и игривого ребенка до молодой жены Мухаммеда. Мы видели, как она выросла в прекрасную и любимую, но ревнивую и напористую первую хозяйку его гарема. Эта всецело поглощавшая ее роль закончилась со смертью пророка. Обреченная на пожизненное вдовство, молодая, деятельная и умная «Мать верующих» отныне все больше направляла свою энергию и способности в политическую сферу, пока - по крайней мере на некоторое время - не стала одной из главных сил политической жизни, проявляя волю и энергию, уступавшие едва ли кому-либо.

Мать верующих

Политическая атмосфера, и без того напряженная в последние дни болезни Мухаммеда, достигла предела после его смерти. Мединцы, недовольные своей второстепенной ролью, решили, что наступил удобный момент вновь утвердить себя перед мекканцами, которые слишком прочно обосновались в городе, некогда так гостеприимно принявшем пророка. Хашимиты, связывавшие свои надежды с Али главным образом потому, что он был зятем Мухаммеда, претендовали на наследование пророку, рассчитывая тем самым отеснить аристократические кланы Омейядов и Махзумитов от руководства арабами.

Но Абу Бакр и Умар, много лет бывшие самыми стойкими сторонниками и прямыми советниками Мухаммеда, были решительно настроены сохранить выгодное положение. Как им это удалось благодаря смелым, своевременным и согласованным действиям, можно прочитать в любом хорошем труде по ранней истории ислама.

Какую роль, если вообще какую-либо, сыграла Аиша в окончательном избрании своего отца, нигде точно не определено. Предания приписывают ей противоречивые заявления. По одним из них, она утверждала, что Мухаммед не назначал преемника, но добавляла: если бы он это сделал, то наверняка выбрал бы либо Абу Бакра, либо Умара.¹⁸⁴ Такое утверждение вполне могло исходить от Аиши и согласуется как с ее реакцией на поручение Мухаммеда Абу Бакру или Умару вести молитву, так и с тем рангом, который позднее обычно признавался за этими двумя людьми в исламе.¹⁸⁵

Однако другая группа преданий заставляет ее утверждать, будто Мухаммед говорил, что его преемниками должны стать Абу Бакр, Умар и Абу Убайда.¹⁸⁶ Крайне маловероятно, чтобы Аиша - да и вообще кто-либо другой - уже тогда предложила

¹⁸⁴ Ибн Ханбал, *Musnad* (6 т.; Каир, 1313/1895-96), VI, 63.

¹⁸⁵ Например, аль-Бухари, *Sahih*, изд. Krehl (4 т.; Лейден, 1862-1908), II, 419 и сл.; ср. Wensinck, *A Handbook of Early Mohammedan Traditions* (Лейден, 1927), с. 234.

столь завершенную схему назначенного преемства арабам, все еще мыслившим категориями выбора. Гораздо вероятнее, что подобные слова, если она и произносила их, относятся к периоду после избрания ее отца: либо как дополнительное оправдание этого события, либо в поддержку назначения Умара преемником Абу Бакра, либо даже как подтверждение сотрудничества между Умаром и Абу Убайдой.

Уместно заметить, что и с преемством Умара Аиша не связана более непосредственно и определенно, чем это предполагают подобные предания. Зато ее влияние, несомненно, проявилось отрицательно - в действенном опровержении притязаний Али на преемство, основанных на якобы сделанных Мухаммедом во время последней болезни заявлениях в его пользу. Аиша указывала, что находилась рядом с Мухаммедом до самого конца и ничего подобного от него не слышала.¹⁸⁷

У молодой вдовы были и свои насущные заботы: ей предстояло приспособиться к жизни без Мухаммеда. Вместе с остальными его вдовами она соблюдала траур, и, по-видимому, все они продолжали жить в своих небольших комнатах при мечети.¹⁸⁸ Считается, что Мухаммед не сделал специальных распоряжений в пользу вдов, а то небольшое, что оставил, предназначалось на благотворительные нужды.

Это, однако, не означает, что жены пророка оказались в нищете. У некоторых были собственные средства, другие умели зарабатывать. Кроме того, ни их семьи, ни, если бы понадобилось, мусульманская община не допустили бы, чтобы Матери верующих действительно терпели нужду. Тем не менее и они, подобно дочери Мухаммеда Фатиме, рассчитывали унаследовать часть источников дохода Мухаммеда.

В случае Фатимы Абу Бакр решил этот вопрос не в ее пользу и навлек на себя ее глубокое негодование и открытое

¹⁸⁶ Например, Ибн Са'д, *Tabaqat* (9 т.; Лейден, 1905-40), III, 128; Абу Закария Яхья ан-Навави, *Kitab Tahdhib al-Asma* («Биографический словарь»), изд. Wüstenfeld (Гёттинген, 1842-47), с. 664-66; ср. Lammens, «Le "Triumvirat"», *MFOB*, IV (1910), 113-44; ат-Тирмизи, *Sahih* (13 т.; Каир, 1931-34), XIII, 126.

¹⁸⁷ Например, Ибн Са'д, II(2), 49; аль-Бухари, III, 191 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 32.

¹⁸⁸ Ибн Са'д, VIII, 159 и сл.; о комнатах см. там же, с. 117-20.

осуждение. Она перестала с ним разговаривать, а ее муж Али принес присягу Абу Бакру лишь после ее смерти, последовавшей через несколько месяцев после смерти Мухаммеда.¹⁸⁹ Аиша, по всей вероятности, одобряла и поддерживала решение отца: когда остальные вдовы Мухаммеда послали Усмана к Абу Бакру просить о своей доле наследства, Аиша упрекнула «сестер» и напомнила им слова Мухаммеда о том, что оставленное им должно служить благотворительности и нуждам общины под руководством ее главы. После этого женщины отказались от дальнейших требований.¹⁹⁰

О самой Аише отец позаботился хорошо: он выделил ей земли в местности Алия близ Медины и в области Бахрейна.¹⁹¹

Правление Абу Бакра (11-13/632-634), однако, оказалось слишком коротким, чтобы Аиша успела утвердиться как значительная политическая сила. Но в личных отношениях отец и дочь, по-видимому, стали очень близки. Именно она ухаживала за ним во время последней болезни, как прежде ухаживала за Мухаммедом. Ей он доверил свои последние распоряжения относительно некоторых небольших общественных средств и имущества, а также поручил заботу об интересах ее братьев и сестер, наказав поделиться с ними тем, что получила от него.¹⁹² Таким образом, Абу Бакр, видимо, считал ее наиболее способным и надежным из своих детей.

Сохранились трогательные подробности ее горя в момент его смерти. Когда конец все же наступил, она и другие женщины громко оплакивали умершего. Но Умар считал такое выражение скорби - будто бы осужденное Мухаммедом - неблагодарным и немедленно принял меры, чтобы прекратить плач, даже если для этого пришлось грубо обойтись с сестрой

¹⁸⁹ Там же, II, 82; ат-Табари, *Tarikh* («Annales»), изд. de Goeje (15 т.; Lugduni Batavorum, 1879-1901), I, 1825 и сл.; ср. Lammens, *Fatima et filles de Mahomet* (Рим, 1912), с. 112-14.

¹⁹⁰ аль-Балазури, *Futuh al-Buldan*, изд. de Goeje (Lugduni Batavorum, 1886), с. 30.

¹⁹¹ Ибн Са'д, III, 138.

¹⁹² Там же, с. 136-40, 149; Ибн Абд Раббихи, *Iqd al-Farid* (3 т.; Каир, 1293/1876), II, 4, 252 и сл.

Абу Бакра, присоединившейся к причитаниям.¹⁹³ Аиша, тем не менее, продолжала придерживаться этого обычая, хотя впоследствии признала точку зрения Умара правильной.¹⁹⁴

Согласно собственной воле, умерший халиф был похоронен в полу комнаты Аиши рядом с Мухаммедом.¹⁹⁵ Стоя у могилы, она произнесла в память об отце речь, полную горячих похвал.¹⁹⁶

Так быстро лишившись мужа и отца, Аиша отныне могла опираться главным образом на собственные силы, если хотела оказывать влияние на общественные дела. Ее отношения с Умаром, по-видимому, большей частью были сердечными и основанными на сотрудничестве. Начать с того, что она наверняка порадовала Умара - строгого распорядителя финансов, - когда исполнила волю отца и вернула государству двух дойных верблюдиц, а также возместила некоторые суммы, которые, как утверждали, Абу Бакр брал из казны.¹⁹⁷

Вместе с тем она не стеснялась требовать у Умара имущество, которое считала принадлежащим своей семье. Ее единокровный брат Абдаллах женился на красавице Атике бинт Зайд и так увлекся ее обществом, что стал пренебрегать как личными, так и общественными обязанностями. Абу Бакр приказал ему развестись с ней. Абдаллах подчинился, но горе его было столь велико, что отец сжалился и разрешил вернуть жену до окончательного вступления развода в силу.¹⁹⁸

Абдаллах умер еще до отца от ран, полученных при осаде Таифа, но перед смертью передал Атике некоторое имущество на условии, что после него она не выйдет замуж. Умар, пожелавший жениться на ней, предложил вернуть это имущество семье Абу Бакра и тем самым освободиться от условия. Возможно, Атика не слишком охотно расставалась со своим достоянием, потому что именно после ее брака с Умаром Аиша потребовала спорное имущество назад и, вероятно,

¹⁹³ Ибн Са'д, III(2), 148; ат-Табари, I, 2131 и сл.

¹⁹⁴ Ибн Са'д, III(1), 20 и сл.

¹⁹⁵ Там же, II, 126.

¹⁹⁶ Там же, III, 8.

¹⁹⁷ Ибн Са'д, III(1), 138; аль-Балазури, *Ansab*, V, 88.

¹⁹⁸ *Aghani*, XVI, 133; Ибн Хаджар, *Kitab al-Isabah* (Калькутта, 1873), II, 696 и сл.; IV, 685 и сл.; см. EI, I, 505, ст. «Atika».

получила его.¹⁹⁹ Сам брак относят к 12 году хиджры, то есть к 633 году, еще ко времени правления Абу Бакра.²⁰⁰ Требование Аиши, скорее всего, было предъявлено уже в начале халифата Умара. Этот эпизод показателен: Аиша деятельно следила за имущественными интересами семьи.

Дальнейшая судьба Атики показывает, что это была женщина с твердым характером. Одновременно она проливает некоторый свет на гарем Умара: он был не только суров со своими женами, но и ревниво относился к любым знакам внимания в их адрес. Когда Абу Муса аль-Ашари подарил Атике небольшой персидский ковер, гнев Умара не утих, пока он не ударил этим ковром Атику, не велел привести к себе Абу Мусу и не обрушился на него с суровой бранью за то, что тот осмелился сделать подарок одной из его жен.²⁰¹

И все же Атика, похоже, умела в некоторых вопросах настоять на своем даже перед строгим Умаром. Несмотря на его неодобрение, она продолжала посещать общую молитву в мечети и находилась там в момент покушения на него.²⁰² Когда срок ожидания после смерти Умара закончился, она вышла замуж за Зубайра ибн аль-Аввама, поставив условие, что он не будет ее бить и не станет препятствовать посещению мечети. Однако условие ей не помогло: Зубайр хитростью добился, чтобы она сама отказалась от привычки ходить туда. Он устроил так, что однажды по дороге с ней обошлись несколько грубо, после чего Атика, сетуя на дурные нравы людей, предпочла молиться дома.²⁰³

Когда Зубайр пал в Битве верблюда, в Медине стали шутить: «Кто хочет стать мучеником, пусть женится на Атике».²⁰⁴ Ее четвертым мужем стал Хусейн ибн Али, павший мученической смертью в Кербеле.

¹⁹⁹ Ибн Са'д, VIII, 193-95; *Aghani*, XVI, 134; ср. Caetani, *op. cit.*, II, 1236 и сл.

²⁰⁰ ат-Табари, I, 2077; Ибн аль-Асир, *al-Kamil fi al-Tarikh* (14 т.; Упсала и Лейден, 1851-76), II, 311.

²⁰¹ Ибн Са'д, III(1), 222.

²⁰² Там же, VIII, 195.

²⁰³ *Isabah*, IV, 687.

²⁰⁴ Ибн Са'д, II(2), 79; *Aghani*, XVI, 136.

Любовная история Абд ар-Рахмана, старшего и единственного родного брата Аиши,²⁰⁵ дала Умару возможность оказать услугу сыну Абу Бакра, а самой Аише - вновь вмешаться в семейное дело. Во время пребывания в Сирии Абд ар-Рахман случайно увидел гассанидскую девушку Лайлу бинт аль-Джуди и сразу в нее влюбился. После падения Дамаска Умар устроил так, чтобы она досталась Абд ар-Рахману. Молодой человек настолько увлекся ею, что Аиша сочла нужным предостеречь брата. Позднее его любовь сменилась столь же сильной ненавистью, и Аиша снова упрекнула его - теперь уже за то, что он впадает в крайность и в любви, и в неприязни. Лайла в беде обратилась к Аише за помощью, и та убедила брата отпустить несчастную девушку обратно к ее народу.²⁰⁶

В брачных делах этого брата влияние Аиши не ограничивалось отрицательной ролью. Именно она устроила его брак с Курайбой - разведенной женой Умара ибн аль-Хаттаба и красивой сестрой столь же прекрасной Умм Саламы, некогда покорившей сердце Мухаммеда. Абд ар-Рахману дали понять, что без Аиши рука Курайбы была бы ему отказана. Тогда он предложил развестись с ней, однако сама Курайба предпочла остаться с мужем.²⁰⁷

Абд ар-Рахман не сыграл той ведущей роли, какую можно было ожидать от старшего сына Абу Бакра и родного брата Аиши. Правда, в новом мусульманском обществе он начал с неудачной позиции. Сначала он противился новой вере и сражался против своего отца и пророка отца в битвах при Бадре и Ухуде; ислам он принял лишь к моменту Худайбийского договора.²⁰⁸

В преданиях, обычно восходящих к Аише, Абд ар-Рахман появляется у постели больного Мухаммеда, который хотел, чтобы он вместе с Абу Бакром помог составить завещание.²⁰⁹

²⁰⁵ Ибн Са'д, II(2), 30; III(1), 120; ат-Табари, I, 2134; ан-Навави, с. 377 и сл.

²⁰⁶ *Aghani*, XVI, 94 и сл.; аль-Балазури, *Futuh*, с. 62 и сл.; *Isabah*, II, 979.

²⁰⁷ Малик ибн Анас, *Muwatta* (Каир, 1339 г. х.), II, 37 и сл.; ср. Ибн Са'д, VIII, 191 и сл.; ат-Табари, I, 2733; Ибн аль-Асир, III, 41; *Isabah*, IV, 751 и сл.

²⁰⁸ ан-Навави, с. 377 и сл.; *Isabah*, II, 978.

²⁰⁹ Ибн Са'д, III, 127 и сл.

Однако до правления собственного отца он, по-видимому, ничем особенно не отличился в деле ислама. При Абу Бакре он сопровождал Халида ибн аль-Валида в походе против Мусайлимы и храбро сражался в битве при Акрабе.²¹⁰

Но неудачное начало само по себе не объясняет ту второстепенную роль, которая досталась ему в политике и государственных делах. Главная трудность заключалась в характере: он был склонен потакать себе и в целом отличался беспечностью.²¹¹ Абу Бакр, должно быть, хорошо это понимал, когда предпочел доверить благополучие семьи не ему, а более способной и энергичной Аише.

В последующие годы между братом и сестрой возникали разногласия по семейным вопросам; но до конца жизни Абд ар-Рахмана Аиша всякий раз бросалась на его защиту, если против него выступал кто-то посторонний. Слабость Абд ар-Рахмана в известной степени открывала простор для Умара; существовали даже люди, утверждавшие, что если бы сыновья Абу Бакра - Мухаммед был тогда еще слишком молод - были похожи на Аишу, «с Умаром не случилось бы ни большого, ни малого».²¹²

Об одном эпизоде, показывающем доброжелательность и сотрудничество между Умаром и Аишей, рассказывают в связи с ее юной подопечной и единокровной сестрой Умм Кульсум. Вероятно в 17/638 году Умар, которому тогда было уже за шестьдесят, попросил у Аиши руку этой сестры. Девочке едва исполнилось несколько лет: она родилась в 13 году хиджры, вскоре после смерти Абу Бакра.²¹³ Аиша охотно согласилась на предложение, которое, учитывая возраст Умм Кульсум, могло означать лишь обещание сохранить ее для Умара до наступления брачного возраста.

Предания здесь рассказывают любопытную, но полную маловероятных деталей историю. По их словам, сама Умм Кульсум воспротивилась решению, пригрозила рыдать у могилы Мухаммеда, если Аиша принудит ее к браку, и без всякой робости заявила, что не желает сурового и скупого

²¹⁰ ан-Навави, с. 377; *Isabah*, II, 979.

²¹¹ Ср. Lammens, «Le "Triumvirat"», *op. cit.*, с. 123, прим. 4.

²¹² Ср. Lammens, «Moawia Ier», *MFOB*, II (1907), 112, прим. 4.

²¹³ Ибн Са'д, III(1), 138, 149; ат-Табари, I, 2135.

Умара, пусть он и халиф, а хочет молодого мужа, который осыплет ее земными благами.²¹⁴

Аиша оказалась в затруднении. Она доверила свои заботы либо Амру ибн аль-Асу,²¹⁵ либо Мугире ибн Шубе,²¹⁶ и тот взялся отговорить Умара от женитьбы на Умм Кульсум. Довод был следующий: девочка слишком молода и воспитана Аишей в нежности и достатке. Ты же, напротив, суров; мы тебя боимся и не можем изменить ни одной черты твоего характера. Что будет, если она станет спорить с тобой или в чем-то ослушается, а ты силой возьмешь верх или ударишь ее? Тогда ты обойдешься с детьми Абу Бакра так, как тебе не пристало. Позволь указать тебе на более подходящий брак. Есть другая Умм Кульсум - дочь Али и Фатимы. Женившись на ней, ты породнишься с Посланником Аллаха.

Умар понял двойной смысл рассуждения. Теперь в затруднении оказался уже он.

«А как же Аиша?» - спросил он.

«Предоставь это мне», - ответил советчик.

Так предполагаемый брак был отменен, и Умар женился на Умм Кульсум, дочери Али.

Невозможно поверить, будто четырехлетний ребенок угрозами заставил Аишу изменить решение. Если Умм Кульсум действительно произносила приписываемые ей протесты, это должно было произойти ближе к концу правления Умара, когда ей было около десяти лет и она уже могла - возможно, после чьих-то наставлений - занять такую позицию. В таком случае соглашение между Умаром и Аишей, если оно действительно каким-то образом было связано с браком Умара с дочерью Али в 17 году,²¹⁷ сохранялось в силе несколько лет.

Версия *Aghani* значительно отличается от остальных. В ней реакции и протесты Умм Кульсум вообще не упоминаются. Согласно этому рассказу, сама Аиша, хотя и согласилась на предложение Умара, все же тревожилась о судьбе маленькой

²¹⁴ ат-Табари, I, 2734; Ибн Асакир, *Tarikh al-Kabir*, VII, 79 и сл.; ср. Lammens, «Le "Triumvirat"», *op. cit.*, с. 120, прим. 1.

²¹⁵ ат-Табари, I, 2734; Ибн аль-Асир, III, 42; Ибн Асакир, VII, 79 и сл.

²¹⁶ *Iqd*, III, 275 и сл.; *Aghani*, XIV, 144.

²¹⁷ ат-Табари, I, 2529; Ибн аль-Асир, II, 419.

сестры и желала ей более легкой жизни, чем та, вероятно, получила бы рядом с Умаром. Когда Мугира заговорил с Умаром, тот сразу понял, что за этим стоит нежелание Аиши, и освободил ее от данного обещания.²¹⁸

В этой версии нет ничего неправдоподобного. Более того, она соответствует двум неизменно заметным целям Аиши: своевременно, но не безоговорочно сотрудничать с сильной властью и одновременно заботиться о благополучии членов своей семьи - и каждого в отдельности, и рода в целом.

По-видимому, Аиша никак не противилась общей суровости Умара в отношении женщин, его попыткам удерживать их дома и стремлению ограничить посещение мечетей. Напротив, ей приписывают слова: «Если бы Мухаммед увидел то, что видим сегодня мы в женщинах и их поведении или состоянии, он запретил бы им ходить в мечеть».²¹⁹

Но определить, что именно означает в этом предании слово «сегодня», невозможно. Возможно, Аиша высказала такое мнение именно тогда, когда Умар пытался провести свои взгляды в жизнь. Возможно и другое: она сказала это значительно позже, наблюдая, как иностранные рабыни стали проникать в аристократические круги Хиджаза и менять общий нравственный тон исламского общества.

Ни Аиша, ни остальные Матери верующих, по-видимому, не выступили с серьезным протестом против решения Умара запретить им паломничество в Мекку. И все же отклонение от практики Мухаммеда должно было вызвать значительное, хотя в источниках почти не отраженное недовольство. В последний год своего правления Умар, по прямой просьбе вдов Мухаммеда, разрешил им возобновить паломничество. Зайнаб умерла несколькими годами ранее, престарелая Сауда предпочла не ехать. Остальные, под покрывалами и при строгом соблюдении уединения, отправились в путь под особой опекой Абд ар-Рахмана ибн Ауфа и Усмана ибн Аффана.²²⁰

²¹⁸ *Aghani*, XIV, 144 и сл.

²¹⁹ Ибн Ханбал, VI, 69 и сл., 91.

²²⁰ Ибн Са'д, VIII, 150 и сл.; ср. там же, II, 247.

Если в вопросах мечети и паломничества Аиша лишь молчаливо принимала политику Умара, то о его финансовом обеспечении ее самой и ее «сестер» она отзывалась с безусловной похвалой. «Он посылал нам, - утверждала она, - нашу долю от всего, даже головы и голени зарезанных животных».²²¹

В вопросе доходов от конфискованных владений иудеев Хайбара Умар предоставил вдовам Мухаммеда выбор: получать долю земель либо урожаем.²²² Когда благодаря великим завоеваниям в казну хлынули огромные доходы, Умар в 20/641 году ввел государственные пенсии и поставил Матерей верующих во главе списка, назначив, по одной версии, каждой ежегодно по двенадцать тысяч дирхамов.²²³

Согласно другим данным, размеры выплат разным вдовам или группам вдов отличались: от двенадцати тысяч у Аиши до пяти или шести тысяч у Сафии и Джувайрии. Разница объяснялась положением каждой из жен и степенью ее близости к Мухаммеду.²²⁴ Те, кого подобное различие ставило ниже, возразили: сам Мухаммед между женами различий не делал. Тогда Умар назначил каждой вдове по десять тысяч дирхамов, но Аишу по-прежнему поставил первой и сохранил ей двенадцать тысяч в знак того, что она была самой любимой женой Мухаммеда.²²⁵

По некоторым сведениям, Аиша отказалась принять дополнительные две тысячи;²²⁶ однако Умар, вероятно, настоял, потому что позднее одним из ее обвинений против Усмана было именно то, что он снизил ее пенсию до уровня остальных вдов Мухаммеда.²²⁷ Получая столь явные знаки уважения и почета, Аиша едва ли была склонна ставить под сомнение расходы Умара из казны на собственную семью и на себя - хотя

²²¹ Там же, III(1), 218; ср. там же, с. 207.

²²² аль-Балазури, *Futuh*, с. 28; ср. Caetani, *op. cit.*, IV, 362 и сл.

²²³ Ибн Са'д, III(1), 213, 216; аль-Балазури, *Futuh*, с. 451; ср. Caetani, *op. cit.*, IV, 388 и сл.

²²⁴ аль-Якуби, *Tarikh*, изд. Houtsma (2 т.; Lugduni Batavorum, 1883), II, 175; Ибн Са'д, III(1), 219; аль-Балазури, *Futuh*, с. 454 и сл.

²²⁵ ат-Табари, I, 2413; ср. аль-Балазури, *Futuh*, с. 449, 454; Ибн Са'д, III(1), 119.

²²⁶ ат-Табари, I, 2413; Ибн аль-Асир, II, 392.

²²⁷ аль-Якуби, II, 203 и сл.

в самом начале его правления, возможно, относилась к этому критичнее.

Из всего сказанного видно: Умар прекрасно осознавал огромный престиж Аиши, основанный на том, что она была любимейшей женой Мухаммеда и наиболее выдающимся и способным ребенком Абу Бакра. Его демонстративная преданность Мухаммеду и Абу Бакру, соединенная с дружественным отношением Аиши к его администрации, побудила его подтвердить ее исключительное положение: в государственной пенсионной системе он поставил ее первой - впереди всех верующих и всех Матерей верующих, включая собственную дочь Хафсу.

Общество не могло не замечать теплых отношений между халифом и Матерью верующих. Возможно, люди даже чувствовали молчаливое одобрение Аишей энергичного и в основе своей справедливого управления новым государством со стороны Умара. Быть может, именно поэтому некоторые виднейшие руководители, желавшие склонить Умара к меньшей суровости в обращении с людьми, обратились не к Аише, а к Хафсе. Во всяком случае, после смерти Умара Аиша не раз воздавала ему горячую хвалу.

«Клянусь Аллахом, - говорила она, - он был хорошим управителем и человеком единственным в своем роде; он умел справиться с любой ситуацией».²²⁸

Она не стеснялась и ставить покойного Умара в пример. Однажды, проходя мимо вялого, словно полумертвого человека, она недовольно спросила, кто он такой. Услышав, что это чтец Корана, немедленно заметила: «Умар тоже был чтецом Корана. Но когда он читал или говорил - его слышали; когда шел - шел быстро и решительно; а когда ударял - удар причинял боль».²²⁹ Иначе говоря, Умар - человек, не знавший полумер, - был по своему складу вполне по сердцу самой Аише.

Продолжавшийся рост авторитета Аиши зависел не только от доброй воли и поступков Умара. Есть признаки того, что она

²²⁸ Ибн Са'д, III(1), 18.

²²⁹ аль-Мубаррад, *Kamil*, изд. W. Wright (Лейпциг, 1864), с. 325; ср. Ибн Са'д, III(1), 208.

сознательно стремилась быть осведомленной и не отставать от происходящего. Хотя она не участвовала в военных походах при Абу Бакре и Умаре, ход этих кампаний, должно быть, живо ее интересовал. Например, именно от нее передаются некоторые подробности битвы при Кадисии.²³⁰

Не медлила она использовать и репутацию любимой жены Мухаммеда. На этом основании Аиша претендовала - либо окружающие молчаливо признавали за ней - на особенно глубокое знание обычаев, слов и характера пророка. Уже при Умаре, если не еще при Абу Бакре, как утверждают некоторые, к ней начали обращаться по вопросам сунны, то есть практики пророка, и она стала выносить фетвы - решения по священному праву и обычаю.²³¹

Зайнаб и Умм Салама, бывшие ближайшими соперницами Аиши за любовь Мухаммеда, могли бы разделить ее известность в области преданий. Но Зайнаб умерла рано - в 20/641 году,²³² а Умм Салама, хотя далеко превосходила остальных вдов Мухаммеда по авторитету, все же оказалась заметно позади Аиши.

Подробности личных отношений между Аишей и ее «сестрами» в этот период восстановить трудно. Мы уже не читаем о бурных сценах, которые прежде устраивали Матери верующих, когда Мухаммед - главный предмет их ревности - был жив. Не слышно и о попытках оспорить привилегированное положение Аиши - финансовое или иное. В вопросах общественного поведения и общей политики вдовы Мухаммеда обычно выступали и воспринимались как единое целое: их называли коллективно «женами пророка» или «Матерями верующих».

Те, у кого оставались семьи и родственники, несомненно, ходили к ним в гости, однако большую часть времени группа жила в комнатах при мечети. Следовательно, женщины должны были часто видеть друг друга. Несколько эпизодов, связанных с Зайнаб и ее смертью, позволяют предположить, что «Матери»

²³⁰ ат-Табари, I, 2251, 2429.

²³¹ Ибн Са'д, II(2), 126.

²³² Там же, VIII, 81, 78.

жили в согласии: память о Мухаммеде теперь скорее объединяла их, тогда как его присутствие прежде нередко разъединяло.

По словам Аиши, Мухаммед однажды сказал женам, что первой из них последует за ним в иной мир та, у которой «самая длинная рука». После его смерти, рассказывает она, всякий раз, когда женщины собирались в комнате одной из них, они становились у стены и сравнивали длину рук, пытаясь понять, кому из вдов суждено умереть первой.

Они продолжали это делать до смерти Зайнаб, которая и разрешила загадку, но одновременно дала остальным «Матерям» пищу для размышлений. Зайнаб была невысока, и рука у нее вовсе не была самой длинной. Зато она отличалась необыкновенной щедростью. Поэтому «сестры» заключили: говоря о «самой длинной руке», Мухаммед имел в виду руку наиболее щедрую в благотворительности.

Смерть Зайнаб дала им повод вспоминать ее милосердие и другие достоинства - трудолюбие, благочестие и доброту к нуждающимся. Аиша, помнившая великодушные слова Зайнаб в ее защиту во время истории с клеветой, первой хвалила и благословляла умершую соперницу - ту самую, чье появление в гареме Мухаммеда некогда доставило столько тревоги и ей, и всей новой мусульманской общине.²³³

В целом, хотя правления Абу Бакра и Умара давали Аише мало возможностей проявить личную власть в общественных и политических делах, они способствовали росту ее личного престижа. Последние поступки Умара еще больше укрепили его.

Смертельно раненный кинжалом убийцы, Умар в последние дни много думал и о месте собственного погребения, и о выборе преемника. Как ни хотелось ему быть похороненным рядом с друзьями - Мухаммедом и Абу Бакром, чьи могилы занимали часть комнаты Аиши, - он не захотел навязывать ей свою волю и просил позволить это как об особой милости. Он явно не был полностью уверен в согласии Аиши, поскольку

²³³ Там же, с. 37, 78-81; Абу Нуайм, *Hilyat al-Awliya* (10 т.; Каир, 1932-38), II, 53 и сл.; *Isabah*, IV, 600; ан-Навави, с. 842; ср. выше, с. 16-19, 26, 32 и сл.

отдельно распорядился: если она откажет, похоронить его на мусульманском кладбище.

Аиша прежде думала сохранить свободное место для собственной могилы, но теперь охотно уступила его умирающему халифу.²³⁴ Так в маленькой и скромной комнате оказались живая Аиша и умершие Мухаммед, Абу Бакр и Умар.

По крайней мере в первое время Аиша ощущала присутствие не только их останков, но и духов. Пока рядом покоились лишь ее муж и отец, рассказывала она, она чувствовала себя свободно и по-домашнему. Но после того, как к ним присоединился Умар, возникло чувство присутствия постороннего мужчины. Тогда она велела возвести стену, отделив могилы от своей части помещения.²³⁵

Последним крупным политическим решением Умара стало назначение избирательного совета из шести человек, который должен был избрать его преемника из числа собственных членов. Все шестеро принадлежали к первому поколению сподвижников и, кроме того, входили в число десяти людей, пользовавшихся полным и безусловным одобрением Мухаммеда. Это были Усман, Али, Тальха, Зубайр, Саад ибн Аби Ваккас и Абд ар-Рахман ибн Ауф. Им надлежало собраться на закрытое совещание и в течение трех дней сделать выбор.²³⁶

Неясно, где именно Умар хотел, чтобы они заседали. По некоторым сообщениям, он велел им собраться «в доме» или в доме одного из членов совета.²³⁷ Другие утверждают, что он назначил место рядом с домом Аиши - вероятно, казначейство.²³⁸ По третьей версии, он прямо назвал комнату Аиши, при условии что она согласится.²³⁹

²³⁴ Ибн Са'д, III(1), 245; аль-Бухари, II, 433; ат-Табари, I, 2131, 2725; ан-Навави, с. 495 и сл.

²³⁵ Ибн Са'д, III(1), 264.

²³⁶ Там же, с. 245; аль-Балазури, *Ansab*, V, 16, 18; ат-Табари, I, 2778. Сомнительно, чтобы совет был столь официальным и исключительным, как его изображают эти предания; ср. Caetani, *op. cit.*, V, 82-89.

²³⁷ Ибн Са'д, III(1), 265; аль-Балазури, *Ansab*, V, 16; ат-Табари, I, 2779; Ибн аль-Асир, III, 52.

²³⁸ ат-Табари, I, 2778; ср. Muir, *The Caliphate*, изд. Weir (Эдинбург, 1915), с. 194.

²³⁹ *Iqd*, II, 257; ат-Табари, I, 2778; Ибн аль-Асир, III, 51.

Не меньше разногласий и относительно того, где совет собрался на самом деле. Одни помещают заседание в доме Мисвара ибн Махрамы; другие - в доме Абд ар-Рахмана ибн Ауфа, председателя совета; третьи - в *дар аль-маль*, казначействе.²⁴⁰ Но есть и те, кто считает, что собрание действительно происходило в комнате Аиши.²⁴¹

Если последнее верно, то Умар своим последним решением еще раз подчеркнул растущий престиж Аиши - но не более того. Где бы ни заседал совет, нигде не говорится, что сама Аиша официально или неофициально играла какую-либо роль в его обсуждениях и окончательном выборе.

Тем временем родной брат Аиши Абд ар-Рахман по собственной инициативе занялся своего рода расследованием и попытался выйти на некоторых предполагаемых участников заговора, приведшего к убийству Умара. Захваченные врасплох, они бежали и в суматохе бросили обоюдоострый кинжал, который Абд ар-Рахман подобрал и который позднее использовали как доказательство их вины.²⁴² Подобные действия вновь подчеркивают теплые отношения между Умаром и детьми Абу Бакра.

Не приходится сомневаться, что Аиша пристально следила за обсуждениями совета и имела собственные предпочтения среди кандидатов. Зубайр и Тальха были тесно связаны с ней узами крови и брака. Первый был ее зятем и отцом ее «сына» Абдаллаха. Второй приходился ей двоюродным родственником и некогда считался возможным претендентом на ее руку, если бы ей было позволено вновь выйти замуж,²⁴³ а теперь, вероятно, являлся мужем ее младшей сестры Умм Кульсум - той самой, на которой Умару не удалось жениться.

Избрание любого из них халифом принесло бы огромную выгоду роду Абу Бакра, интересы которого Аиша неизменно

²⁴⁰ аль-Балазури, *Ansab*, V, 20 и сл.; ат-Табари, I, 2781, 2788; Ибн аль-Асир, III, 53.

²⁴¹ *Iqd*, II, 258; ат-Табари, I, 2781; Ибн аль-Асир, III, 53.

²⁴² ат-Табари, I, 2797; Ибн Са'д, III(1), 258; ср. Caetani, *op. cit.*, V, 94; Della Vida, в *EI*, III, 984.

²⁴³ См. выше, с. 58.

держала в поле зрения. Однако нет никаких сведений о том, что на этом этапе она предпринимала шаги в их поддержку.

Если выбор стоял между Али и Усманом, она, без сомнения, предпочла бы последнего. В ее памяти все еще сохранялась обида на не слишком благородную роль, которую Али сыграл во время дела о клевете. Кроме того, у нее были основания относиться к Усману лучше и даже испытывать к нему благодарность: было известно, что сам Мухаммед проявлял к Усману больше церемонной почтительности, чем к Абу Бакру или Умару.

Однажды Аиша спросила Мухаммеда, почему в присутствии Усмана он особенно тщательно соблюдает правила приличия. Смысл ответа заключался в том, что Усман сам настолько деликатен, что при слишком непринужденном приеме мог бы уйти, так и не решившись сказать о цели визита. Позднейшие почитатели Усмана передавали ответ Мухаммеда в более торжественной форме: «Почему мне не стесняться человека, которого стесняются даже ангелы?»²⁴⁴

Но почтительность Мухаммеда к Усману была не только вопросом хороших манер. У нее была и практическая сторона. Раннее обращение Усмана, его почетное положение аристократа-Омейяда и огромное состояние, которым он щедро пользовался на службе раннему исламу, делали его не только достойным особого уважения, но и заслуживающим благодарности Мухаммеда. Его щедрость проявлялась во всем - от снаряжения военных экспедиций до снабжения небогатого дома пророка.²⁴⁵

Природная аристократическая манера Усмана действительно могла казаться высокомерием людям более скромного происхождения, особенно если они имели основание видеть в нем опасного соперника. Это хорошо показывает эпизод, случившийся вскоре после избрания Абу Бакра и рассказанный самим Усманом. Однажды Усман, по-видимому, не ответил на приветствие Умара. Умар пожаловался Абу

²⁴⁴ Ибн Ханбал, VI, 62, 155, 167, 288; аль-Балазури, *Ansab*, V, 10.

²⁴⁵ Например, аль-Балазури, *Ansab*, V, 8, 10.

Бакру. Тот взял его за руку, привел к Усману и попросил объясниться.

Усман отрицал, что намеренно проигнорировал приветствие.

«Нет, клянусь Аллахом, ты именно так и сделал, - вмешался Умар. - Вот оно, ваше высокомерие, о сыны Омейи!»

Усман сумел убедить Абу Бакра: он был настолько погружен в мысли о недавней смерти Посланника Аллаха и о будущем спасении его народа, что просто не заметил проходившего Умара и не услышал приветствия.²⁴⁶ Абу Бакр до конца своего короткого правления сохранил достойную дружбу Усмана, а во время болезни халифа Усман оказался особенно полезным и внимательным.²⁴⁷ Таковы некоторые личные причины, по которым Аиша могла предпочитать избрание Усмана избранию Али.

Хорошо известно, что Усман (23-35/644-656) не терял времени и сразу начал продвигать интересы и без того могущественных Омейядов. Самые доходные и важные должности, находившиеся в распоряжении халифа, обычно получали его ближайшие родственники или другие члены клана, которые использовали открывшиеся возможности для укрепления собственных политических позиций. Критика откровенного nepотизма Усмана возникла очень скоро и постепенно усиливалась в течение примерно первых шести лет его правления, поскольку ни сам халиф, ни окружавшие его Омейяды не проявляли намерения изменить курс.²⁴⁸

В эти первые годы источники почти не говорят о прямых столкновениях Аиши с Усманом. Вместе со своими аристократическими «сестрами» из Махзума и Омейядов - Умм Саламой, Маймуной и Умм Хабибой - она обратилась к новому халифу за разрешением совершить паломничество. Поскольку в конце жизни Умар уже смягчил запрет и позволил им снова совершать хадж, Усман удовлетворил просьбу и любезно

²⁴⁶ Ибн Са'д, II(2), 84 и сл.

²⁴⁷ Там же, III(1), 143.

²⁴⁸ аль-Балазури, *Ansab*, V, 25 и сл.

решил лично сопровождать тех вдов Мухаммеда, которые захотят отправиться в паломничество.²⁴⁹

Но если избрание Усмана поначалу давало Аише основания быть относительно довольной и с некоторым оптимизмом смотреть на его правление, то вскоре она, как и многие руководители общины, увидела его слабость и фаворитизм. Именно эти недостатки станут для нее точкой входа в большую политику.

По некоторым сведениям, Усман счел нужным сократить ее пенсию до уровня выплат остальным вдовам Мухаммеда.²⁵⁰ Аиша была не из тех, кто спокойно пропустит удар по своему исключительному и привилегированному положению. Поэтому это вполне могло стать одной из причин ее будущей открытой оппозиции его администрации. Однако лишь одной из многих: Усман сам давал многочисленные поводы для критики с самых разных сторон.

Доходило до того, что даже Абд ар-Рахман ибн Ауф - его лучший друг, самый твердый сторонник и человек, фактически обеспечивший его избрание халифом, - со временем пожалел о своей роли. Когда однажды Усман тяжело заболел, он велел секретарю составить акт о преемстве, оставив пустое место для имени назначаемого преемника. Затем собственной рукой вписал имя Абд ар-Рахмана ибн Ауфа, перевязал документ и передал его своему вольноотпущеннику Хамрану ибн Абану, приказав отнести на тайное хранение Умм Хабибе - дочери Абу Суфьяна и вдове Мухаммеда из рода Омейядов.

Но Хамран оказался ненадежен, как и позднее в другом случае.²⁵¹ По дороге он прочитал документ и вместо Умм Хабибы отнес его самому Абд ар-Рахману. Реакция последнего передается так:

«Что? - воскликнул он сердито. - Я назначил его открыто, а он назначает меня тайно!»

Весть распространилась, Омейяды пришли в ярость. За неверность Хамран получил сто ударов и был выслан в Басру.

²⁴⁹ Ибн Са'д, III(2), 151.

²⁵⁰ аль-Якуби, II, 203 и сл.; ср. Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*, VI (Берлин, 1899), 126, прим. 2.

²⁵¹ аль-Балазури, *Ansab*, V, 57 и сл.

Отношения между Усманом и Абд ар-Рахманом ухудшились настолько, что дело дошло до весьма неприятных сравнений.²⁵²

Когда nepoтизм Усмана стал очевиден, люди говорили Абд ар-Рахману: «Все это - твоих рук дело!» Не имея возможности уйти от обвинения и заключенной в нем доли вины, Абд ар-Рахман ответил: «Я не думал, что он способен на такое. Клянусь Аллахом, больше никогда с ним не заговорю!» И свое слово он сдержал.

Когда в 32/652-653 году Усман пришел навестить его на смертном одре, Абд ар-Рахман повернулся лицом к стене и не пожелал разговаривать с халифом. Более того, он распорядился, чтобы Усман не совершал над ним погребальную молитву.²⁵³

Аиша и Умм Салама - безусловно, наиболее деятельные из Матерей верующих - были глубоко благодарны Абд ар-Рахману и отзывались о нем с теплой похвалой за его исключительную заботу и щедрость по отношению к ним и к другим людям.²⁵⁴ Поэтому трудно представить, чтобы в этом споре они не сочувствовали именно ему.

Но обращение Усмана с еще одним сподвижником пророка - Аммаром ибн Ясиром²⁵⁵ - предоставило обеим женщинам прекрасную возможность открыто выступить против халифа. Аммар был единоутробным братом Умм Саламы. Говорили, что сама Аиша свидетельствовала о его характере и честности намерений, ссылаясь на то, что слышала высокую оценку Аммара от Мухаммеда.²⁵⁶

Умар назначил его правителем Куфы, но Аммар оказался недостаточно сильным и суровым, чтобы долго удерживать должность.²⁵⁷ Зато у него хватило мужества бросить вызов Усману в связи с нецелевым использованием имущества мусульман - в данном случае речь шла о присвоении драгоценностей из казны. За эту смелость Аммара публично

²⁵² аль-Якуби, II, 195 и сл.

²⁵³ аль-Балазури, *Ansab*, V, 57; Абу-ль-Фида, *Annals* (Hafniae, 1789-94), I, 258.

²⁵⁴ Ибн Ханбал, VI, 135, 307, 317; Ибн аль-Джаузи, *Sifat al-Safwah* (4 т.; Хайдарабад, 1936-37), I, 136 и сл.

²⁵⁵ Ибн Са'д, III(1), 176-89; VIII, 63; *Ansab*, V, 48-52.

²⁵⁶ Ибн Ханбал, VI, 113; ат-Тирмизи, XIII, 208, 259; ан-Навави, с. 487.

²⁵⁷ аль-Балазури, *Futuh*, с. 279.

избили плетью до потери сознания и в таком состоянии перенесли в дом его сестры Умм Саламы.

Махзумит Хишам ибн аль-Валид, брат более знаменитого Халида ибн аль-Валида, возмутился произволом Усмана и сам подвергся оскорблению. Он также пришел к Умм Саламе, в доме которой собрались другие Махзумиты. Усман послал спросить ее: «Что означает это собрание?» Ответ был передан обратно: «Оставь это свое поведение, о Усман, и не заставляй людей своими приказами терпеть то, что они ненавидят».²⁵⁸

Когда Аиша услышала, как Усман обошелся с Аммаром, она пришла в крайнее негодование. Взяв волос Мухаммеда, его рубаху и одну из сандалий, она подняла их так, чтобы видели все, и воскликнула: «Как же быстро вы забыли сунну вашего пророка! А ведь вот его волос, его рубаха и его сандалия - они еще не успели истлеть!» Усман был настолько разгневан, что не мог подобрать слов, но оказался переигран и вынужден был на время искать убежища в мечети. Люди были так поражены поворотом событий, что могли лишь дивиться и воздавать хвалу Аллаху.

Амр ибн аль-Ас и сам был жертвой nepотизма Усмана: тот сместил его с поста правителя Египта в пользу своего единокровного брата Абдаллаха ибн Саада, более известного как Ибн Аби...

...Сархом, - теперь громче всех дивился случившемуся и восхвалял Аллаха.²⁵⁹ Аиша отныне открыто присоединилась к оппозиции. Одновременно она обнаружила весьма действенное средство политической пропаганды - использование реликвий Мухаммеда.²⁶⁰

Провинциальные дела дали Аише возможность разыграть свою карту против Усмана. Еще в начале правления тот под давлением общества был вынужден отозвать правителя Куфы Саада ибн Аби Ваккаса: тот отказался вернуть в куфийскую казну сумму, которую ему ссудил незнатного происхождения, но строгий казначей Абдаллах ибн Масуд. Усман назначил на

²⁵⁸ аль-Балазури, *Ansab*, V, 48 и сл.

²⁵⁹ аль-Балазури, *Ansab*, V, 48 и сл., 88 и сл.

²⁶⁰ Даже в современном арабском мире реликвии любимых умерших годами бережно хранят и выставляют во время частного и церемониального траура.

место Саада в этом беспокойном городе своего единоутробного брата Валида ибн Укбу (25-30/644-650/651). Валид оставил Ибн Масуда казначеем, но сам попытался распоряжаться казной в личных целях. Ибн Масуд отказался ему содействовать.

Валид пожаловался Усмани, а тот напомнил Ибн Масуду, что он их казначей и потому *не должен* противодействовать Валиду. Возмущенный Ибн Масуд бросил ключи от казны со словами: «Я думал, что я казначей мусульман. Но если я всего лишь ваш казначей, то такая должность мне не нужна».²⁶¹

Он остался в Куфе, но уже явно в рядах оппозиции и, следовательно, постоянной занозой для Валида. Когда Усман, стремясь утвердить единый текст Корана, распорядился уничтожить все остальные списки, Ибн Масуд отказался отдать свой. Это, вместе с постоянными жалобами Валида на его подрывное влияние в Куфе, заставило Усмана вызвать Ибн Масуда в Медину.

Прибыв в город, Ибн Масуд направился в мечеть, где халиф произносил речь. Вскоре между ними вспыхнула резкая перепалка, и Аиша стала упрекать Усмана за грубость в обращении со сподвижником Посланника Аллаха. Вероятно, это еще сильнее разозлило халифа. Во всяком случае, он приказал выбросить Ибн Масуда из мечети. Приказ исполнили с такой жестокостью, что среди полученных травм у Ибн Масуда оказались два сломанных ребра.

Тогда Аиша уже полностью дала волю негодованию и высказала все, что думала, или, как с дразнящей краткостью замечает историк: «И тогда заговорила Аиша - и сказала она немало».²⁶²

После этого Ибн Масуду запретили покидать Медину, чтобы он не создавал беспорядков в других местах. Кроме того, его подвергли финансовым лишениям. Незадолго до его смерти - в 32 или 33 году хиджры - Усман попытался примириться с ним, однако Ибн Масуд ответил, что теперь уже не нуждается в милостях халифа. Подобно Абд ар-Рахману ибн Ауфу, он также распорядился, чтобы Усман не совершал над ним погребальную

²⁶¹ аль-Балазури, *Ansab*, V, 30 и сл.

²⁶² аль-Якуби, II, 196 и сл.; аль-Балазури, *Ansab*, V, 36 и сл.

молитву; по некоторым сведениям, это сделал Аммар ибн Ясир.²⁶³

Тем временем дела в Куфе у Валида ибн Укбы шли все хуже, а его пристрастие к вину вскоре привело к падению. Усман неоднократно оставлял без внимания жалобы на пьянство наместника, ссылаясь на отсутствие доказательств и свидетелей. Но решительная оппозиция в конце концов нашла и то и другое.

Доказательством стала официальная печатка Валида: ее сняли с пальца, пока он спал пьяным. Наконец нашлись и люди, готовые засвидетельствовать, что Валид в состоянии опьянения неправильно вел общественную молитву. Оппозиционеры, теперь уже вооруженные доказательством и свидетелями, прибыли в Медину и уверенно обратились к халифу. Но Усман вновь воспротивился. Он отругал свидетелей и отослал всю группу.

Тогда они отправились к Аише, и та обвинила Усмана в том, что он «уклоняется от наказания виновного и запугивает свидетелей». Между ними снова произошла резкая перепалка, а тем временем в мечети собралась толпа. Раздраженный Усман потребовал от Аиши: «Какое тебе до этого дело? Тебе велено сидеть дома».

Так возник новый вопрос: имела ли Аиша - а следовательно, и женщины вообще - право высказываться и действовать в делах общественной важности? Мусульманское общественное мнение тут же разделилось. Одни поддержали Усмана, другие спрашивали: а кто, собственно, имеет больше права говорить о таких делах, чем Аиша? Слова летели с обеих сторон, пока спор не превратился в общую драку, где оружием стали оказавшиеся под рукой сандалии.

Толпу со временем успокоили, но скандал разросся настолько, что Усману пришлось сместить брата и подвергнуть его предусмотренному законом наказанию за пьянство - публичной порке.²⁶⁴

²⁶³ аль-Якуби, II, 197 и сл.; аль-Балазури, *Ansab*, V, 37; ср., однако, Ибн Са'д, III(2), 113; ат-Табари, I, 2894; ан-Навави, с. 371 и сл.

²⁶⁴ аль-Балазури, *Ansab*, V, 33-35; *Aghani*, IV, 180 и сл.; ат-Табари, I, 2840-49.

После этого Усман назначил правителем Куфы другого родственника - Саида ибн аль-Аса (30-34/650-651-654/655), которому с беспокойными куфийцами было суждено столкнуться с не меньшими трудностями, чем его предшественнику. Однажды он поссорился с Хишамом ибн Утбой из-за точного времени окончания поста в Рамадан и попытался погасить гнев оппонента, приказав избить Хишама и сжечь его дом.

Сестра Хишама и несколько его друзей сообщили о случившемся Усману. Халиф, возможно не ожидая, что его слова воспримут буквально, ответил: «Избейте Саида так же, как он избил Хишама, и сожгите его дом так же, как он сжег дом Хишама». Вскоре дом Саида в Медине действительно попытались поджечь. Весть дошла до Аиши вовремя: она попросила участников отказаться от задуманного, и ее просьбу уважили.²⁶⁵

Тем временем неопытный и высокомерный Саид наживал в Куфе все более опасных врагов; среди них был беспокойный и способный вождь Малик ибн аль-Харис, больше известный как аль-Аштар. Саиду удалось добиться от Усмана приказа выслать этих смутьянов в Сирию. Однако вскоре Муавия сообщил, что эти люди нравятся ему ничуть не больше, чем Саиду. По некоторым версиям, Усман приказал вернуть их в Куфу.

Вскоре Аштар возглавил делегацию к Усману, требуя смещения Саида. Случилось так, что в это время сам Саид находился в Медине. Усман отказался предпринимать против него какие-либо меры. Тогда Аштар опередил Саида на пути обратно в Куфу и, открыто бросив вызов халифу, захватил власть в городе. В Медину он отправил требование, чтобы Усман утвердил предложенных им на должности Абу Мусу аль-Ашари и Хузайфу ибн аль-Ямана, дерзко добавив: «А своих Валидов и Саидов - и любых других родственников, которые придутся тебе по вкусу, - держи от нас подальше».²⁶⁶

²⁶⁵ Ибн Са'д, V, 20.

²⁶⁶ аль-Балазури, *Ansab*, V, 46.

Усмани снова пришлось уступить.²⁶⁷ Какую роль, если вообще какую-либо, сыграла Аиша в этом новом развитии событий, источники, по-видимому, не сообщают. Однако стоит отметить, что ее брат Абд ар-Рахман был одним из двух посланников Усмана, доставивших Аштару письмо с призывом вернуться к повиновению.²⁶⁸

Неспокойно было и в Египте, где события затронули младшего единокровного брата Аиши - Мухаммеда, сына Абу Бакра и Асмы бинт Умайс. Мухаммед родился в 10/632 году и во время смерти отца был еще ребенком, а потому находился под заботой и любовью Аиши. Его мать Асма к моменту брака с Абу Бакром была вдовой Джафара ибн Аби Талиба, а после смерти Абу Бакра вышла замуж за своего деверя Али ибн Аби Талиба. Она родила сыновей всем трем мужьям.²⁶⁹

По всей вероятности, Мухаммед, оставаясь ребенком, вместе с матерью вошел в дом своего отчима Али, вырос рядом с другими единокровными братьями и сестрами и тем самым стал воспринимать себя как члена семьи Али. Сохранился рассказ об одной семейной сцене, когда единокровные братья с жаром хвастались достоинствами своих отцов. Асме и Али пришлось вмешаться, чтобы прекратить спор; Али предложил Асме вынести окончательный приговор.

«Я не видела среди арабских юношей никого лучше Джафара, - ответила она, - и среди зрелых мужчин никого лучше Абу Бакра».

«Ты ничего нам не оставила», - сказал Али.

«Клянусь Аллахом, из этих троих ты - наименее предпочтительный», - последовал ответ.

«Если бы ты сказала иначе, - ответил с самоиронией Али, - я бы тебя возненавидел!»²⁷⁰

Эта общая семейная жизнь хотя бы отчасти объясняет постоянную преданность Мухаммеда делу Али. Вероятно, и

²⁶⁷ Ибн Са'д, V, 21-23; аль-Балазури, *Ansab*, V, 39-47; ат-Табари, I, 2907-20, 2927-31.

²⁶⁸ аль-Балазури, *Ansab*, V, 46.

²⁶⁹ Ибн Са'д, III, 119 и сл., 145; IV(1), 23; ат-Табари, I, 2130; *Isabah*, IV, 438 и сл.

²⁷⁰ Ибн Са'д, IV(1), 28; *Isabah*, IV, 439.

сама Асма склонялась к интересам *ахль аль-байт*, «Людей дома», как впоследствии стали называть семью Мухаммеда, включая как аббасидскую, так и алидскую ветви; ведь она и несколько ее сестер были связаны браком с семьей пророка. Среди них были ее единокровная сестра Маймуна - жена Мухаммеда - и Умм аль-Фадль, жена Аббаса.²⁷¹

Следовательно, Мухаммед мог попасть под влияние матери в пользу алидско-аббасидских интересов. Как бы то ни было, этот молодой брат Аиши - ему едва перевалило за двадцать - зашел в своей оппозиции Усману гораздо дальше нее и позднее сражался на стороне Али против собственной сестры в Битве верблюда. После его гибели Али оплакивал его словно родного сына.

Политическая карьера этого, наиболее честолюбивого из сыновей Абу Бакра, оказалась бурной и короткой. Впервые он появляется на политической сцене в Египте, причем, по-видимому, с самого начала рядом с Мухаммедом ибн Аби Хузайфой. Положение в Египте во многом напоминало ситуацию в Ираке. Человеком, сменившим завоевателя Египта Амра ибн аль-Аса на богатом посту наместника провинции, был Ибн Аби Сарх (25-35/644-656), который, подобно Валиду в Куфе, приходился Усману единоутробным братом.

Оппозиция осуждала его управление по двум главным причинам: оно открыто служило интересам дома Усмана и создавало возможность направлять огромные богатства - как из доходов Египта, так и из военной добычи, получаемой при завоевании земель к западу, - в частные карманы Омейядов. Марван ибн аль-Хакам, например, получил пятую часть доходов от Африки.²⁷² Еще одним поводом для недовольства стала чрезмерная поглощенность Ибн Аби Сарха новыми завоеваниями при заметном пренебрежении собственно египетскими делами.

Мухаммед ибн Аби Хузайфа, хотя и был воспитан Усманом, питал к халифу личную обиду и не терпел ни ограничений, ни приказов со стороны Ибн Аби Сарха, которого

²⁷¹ Например, ан-Навави, с. 825.

²⁷² Например, аль-Балазури, *Ansab*, V, 25, 27 и сл., 38, 52, 88.

нередко пугал и раздражал своим громовым голосом, звучавшим в молитве. Когда Ибн Аби Сарх отказался взять его в морской поход 34/655 года против византийцев, он ответил: «Мы идем не с тобой - мы идем с мусульманами».

После этого он вышел в море либо один, либо, по некоторым сообщениям, вместе с Мухаммедом ибн Аби Бакром, на корабле, команда или пассажиры которого состояли исключительно из коптов. Ибн Аби Сарх тщетно пытался избавиться от обоих Мухаммедов. Он сообщал Усмани, что они сеют раздоры и что доверять им в походах нельзя, однако Усман отказался принимать против них меры или отзываться их из Египта.

«Что касается Мухаммеда ибн Аби Бакра, - писал он, - то я доверяю его Абу Бакру и Аише, Матери верующих. А Мухаммед ибн Аби Хузайфа - мой сын и сын моего брата; я сам его воспитал, и он - птенец курайшитов».²⁷³

Усман попытался склонить своего «сына» на свою сторону богатыми дарами, но тот предал этот шаг гласности и обвинил халифа в попытке подкупом отвратить его от долга доброго мусульманина. Затем Усман примирился с Аммаром ибн Ясиром и отправил его в Египет разобраться в деятельности Ибн Аби Хузайфы. Аммар поехал, но вместо того чтобы облегчить положение Усмана, укрепил позиции Мухаммеда.²⁷⁴

Позднее Аммар вернулся в Медину лишь для того, чтобы еще сильнее поддержать недовольных. На следующий год, 35/656, они хлынули в столичный город из всех главных провинций, кроме Сирии, требуя исправления злоупотреблений и смены наместников. Кандидатом на управление Египтом был Мухаммед ибн Аби Бакр, который вместе с египетским отрядом направился в Медину; его друг Мухаммед ибн Аби Хузайфа остался в египетской столице Фустате.

Когда Ибн Аби Сарх отправился вслед за отбывшими египтянами, Мухаммед ибн Аби Хузайфа поднял открытый мятеж, захватил власть в его отсутствие, а после возвращения

²⁷³ Там же, с. 49-51; ат-Табари, I, 2869-71; Ибн Тагриберди, *Nujum* («Annals»), изд. W. Popper (Беркли), I, 91; ср. Caetani, *op. cit.*, VIII, 95 и сл.

²⁷⁴ аль-Балазури, *Ansab*, V, 51; ат-Табари, I, 2943 и сл., 2961.

заставил его бежать в Палестину.²⁷⁵ Теперь мятежник делал все, чтобы поддерживать в египтянах ненависть к Усмани. Он даже прибегал к подделке писем, весьма эффективно рассылая их от имени Матерей верующих.

Употребление множественного числа здесь существенно. Следует помнить, что Аиша и Умм Салама были соответственно сестрами Мухаммеда ибн Аби Бакра и Аммара и что обе были известны своей оппозицией халифу. Суть этих писем сводилась к призыву к Аллаху и египтянам избавить людей от дурного правления Усмана.²⁷⁶

Мухаммед ибн Аби Хузайфа удерживал власть в Египте до времени после убийства Усмана и Битвы верблюда. Тогда Муавия и его сирийцы вторглись в Египет и вынудили его заключить перемирие, которое не было соблюдено. Его и нескольких товарищей заключили в тюрьму. Они бежали, но были настигнуты и убиты в 36/657 году.²⁷⁷

Тем временем мятежники, собравшиеся в Медине, становились все смелее в требованиях и все яростнее в обличениях. Их позиции усиливало отсутствие подлинной поддержки халифа и отсутствие в Медине или Хиджазе какой-либо единой партии. Город пророка буквально кишел влиятельными людьми, и крупнейшие из них, хотя временами и казались действующими совместно, в действительности каждый продвигал собственные политические амбиции.

Али, Тальха и Зубайр были соперниками Усмана еще во время его избрания. Первые двое принесли присягу неохотно и под некоторым давлением «делателя халифа» Абд ар-Рахмана ибн Ауфа. Они имели личные честолюбивые замыслы и одновременно олицетворяли надежды и стремления своих семей, кланов и сторонников.

²⁷⁵ аль-Балазури, *Ansab*, V, 61, 67; ат-Табари, I, 2999; Ибн Тагриберди, I, 91, 105 и сл.

²⁷⁶ аль-Кинди, *Kitab al-Wulah wa-Kitab al-Qudah* («Правители и судьи Египта»), изд. R. Guest (Лейден и Лондон, 1912), с. 14 и сл.; ср. также аль-Балазури, *Ansab*, V, 103; аль-Макризи, *Khitat* (Каир, 1270/1853), II, 335.

²⁷⁷ ат-Табари, I, 3233; Ибн Тагриберди, I, 106 и сл.; ср. Giorgio Levi Della Vida, «Il Califato di Ali secondo il Kitab Ansab al-Ashraf di al-Baladhuri», *Rivista degli studi orientali*, VI (1913-15), 498.

Собственные Омейяды халифа, по-видимому, оказались не готовы к кризису такого масштаба, а его двоюродный брат и секретарь Марван ибн аль-Хакам либо давал ему дурные советы, либо, как считали некоторые, сознательно вел двойную игру. Старый и растерянный халиф, которого Аиша, Али и другие убеждали занять примирительную позицию, одновременно слышал от Марвана призывы к жесткому сопротивлению восставшим.

В конце концов Усман уступил и отпустил прибывших из провинций людей с мягкими речами и многообещающими заверениями. Для Марвана это оказалось невыносимо: он едва не разрушил уже достигнутое, вновь прибегнув к грубым речам. Али, возмущенный Марваном, объявил Усману: если советы Марвана и дальше будут иметь силу, пусть халиф больше не рассчитывает на его помощь. В этом Али поддержала молодая и верная жена Усмана Наиля, ставившая под сомнение искренность Марвана и мудрость его советов и поступков.

Одной из уступок египетским требованиям стало назначение Мухаммеда ибн Аби Бакра наместником Египта.²⁷⁸ Мухаммед и его спутники, теперь успокоенные, отправились в провинцию. Но когда они отошли от Медины примерно на три дня пути, то заметили сзади всадника, стремительно приближавшегося к ним. Его остановили и спросили имя и цель поездки.

Юноша заявил, что является слугой халифа - либо, по другой версии, Марвана. На вопрос, везет ли он послание, ответил отрицательно. Однако египтяне заподозрили неладное. Его обыскали и обнаружили в тайнике при чернильнице письмо, скрепленное печатью халифа и адресованное Ибн Аби Сарху. В письме наместнику предписывалось казнить вождей возвращающейся египетской группы.

Очевидно, Усман не был в курсе последних успехов Мухаммеда ибн Аби Хузайфы в Египте. Как бы то ни было, Мухаммед ибн Аби Бакр и его товарищи, взбешенные двойной

²⁷⁸ Например, аль-Балазури, *Ansab*, V, 26, 64 и сл.; ср. там же, с. 61 и сл., 89, 94; ат-Табари, I, 2974-77; Ибн аль-Асир, III, 130-32.

игрой, вернулись в Медину в крайне мрачном настроении и предъявили Усману письмо и его носителя.

Признав и своего слугу, и собственную печать, Усман тем не менее отрицал, что знает что-либо о письме. Враги тут же заявили: если письмо написал он, значит, он преступник; если же не он - тогда глупец, полностью находящийся в руках преступников. Следовательно, громко заключали они, в любом случае он неспособен править. Усман, по-видимому, подозревал в авторстве Али или Марвана.²⁷⁹

Утверждали, что почерк принадлежал Марвану. Поэтому мятежники потребовали выдать Марвана для допроса. Усман отказался отдавать родственника в их руки.²⁸⁰ Возможно, он опасался за его жизнь: даже Али считал, что если бы Марвана передали разъяренной толпе, его убили бы прежде, чем состоялся какой-либо законный суд.²⁸¹

Требование отречения Усмана становилось все громче и зловещее, вскоре к нему добавились прямые угрозы убийством. Усман стоял на своем. Он заявил, что не снимет с себя - имея в виду халифат - одеяние, которым его облек сам Аллах, и не поднимет оружия против верующих. С этой упрямой и одновременно пассивной позицией он позволил окружить себя и подвергнуть осаде в собственном доме.

Пора спросить: что делала Аиша, пока положение ухудшалось с каждым днем? С ранними этапами этого периода не связано сколько-нибудь определенных эпизодов с ее участием, хотя часто встречается утверждение, что она подстрекала людей против Усмана, побуждала их к сопротивлению и сурово его порицала; либо что высмеивала и поносила его язвительными эпиграммами.²⁸²

Вероятно, история с письмом, предписывавшим предательски убить руководителей египетской делегации, включая ее собственного брата Мухаммеда, возмутила Аишу не меньше, если не больше, чем самих египтян. Возможно,

²⁷⁹ ат-Табари, I, 2964 и сл., 2983 и сл., 2992-97; аль-Балазури, *Ansab*, V, 66.

²⁸⁰ аль-Балазури, *Ansab*, V, 68 и сл.

²⁸¹ Там же, с. 70.

²⁸² Там же, с. 70, 68.

поэтому она присоединилась к требованию отречения Усмана, хотя прямого сообщения об этом снова нет.

Однако то, что она - и, скорее всего, Умм Салама - находилась в первых рядах оппозиции, можно заключить из нескольких вполне определенных эпизодов на поздней стадии кризиса. Осажденный халиф, отчаянно пытаясь спасти положение, смирился, раскаялся в поступках и пообещал практически все, кроме собственного отречения. Одно из обещаний звучало так: «Я не назначу ни одного эмира или наместника, кроме того, на ком сойдутся жены пророка и мудрые советники среди вас».²⁸³

Когда осада, длившаяся уже несколько недель, усилилась и Усману перекрыли воду, он обратился за помощью к Али, Тальхе, Зубайру, Аише и остальным вдовам пророка. Из этой последней группы Сафия, прежде уже защищавшая Усмана, попыталась лично пробраться к нему, но безуспешно; однако ей удалось передать ему пищу и воду по доске, проложенной между жилищами.²⁸⁴

Омейядка Умм Хабиба откликнулась без промедления, но толпа напала на нее и грубо обошлась с вдовой Мухаммеда, когда та пыталась пробиться к дому Усмана. Аиша обратила внимание на настроение людей, способных нанести такое унижение одной из вдов пророка.²⁸⁵

Теперь восставшие уже требовали крови Усмана. Это, должно быть, заставило Аишу остановиться и задуматься: настолько далеко она идти не хотела. Поэтому, когда ее прямо спросили о возможности убийства халифа, она решительно отказалась поддержать такую мысль.

Мятежник Аштар, который годом ранее добился своего в Куфе, во время осады пришел выяснить ее позицию и спросил:

«Что ты скажешь об убийстве Усмана?»

«Да сохранит Аллах, - ответила она, - чтобы я приказала пролить кровь мусульман и убить их имама».

²⁸³ Там же, с. 90, 76; ат-Табари, I, 3043.

²⁸⁴ EI, IV, 57; Caetani, *op. cit.*, VIII, 223-36.

²⁸⁵ аль-Балазури, *Ansab*, V, 77; ат-Табари, I, 3009-11.

Озадаченный, если не разочарованный, Аштар возразил: «Вы писали нам, а теперь, когда гражданская война стоит на том основании, которое вы же под нее заложили, вы запрещаете нам действовать».²⁸⁶

Аиша впоследствии неоднократно отрицала, что когда-либо писала письма против Усмана; несколько преданий прямо утверждают, что письма подделывались от ее имени.²⁸⁷ Употребленное Аштаром множественное число напоминает о письмах, которые Мухаммед ибн Аби Хузайфа в Египте подделывал от имени вдов Мухаммеда. Следует также помнить о значительном взаимодействии между заговорщиками двух провинций.

Тем временем приближалось ежегодное паломничество, и Аиша готовилась к поездке в Мекку. Усман, возможно уже знавший о ее заявлении против пролития его крови, послал Марвана с одним или двумя спутниками умолять ее не уезжать из города. Они убеждали, что Аллах может использовать ее и само ее присутствие для защиты Усмана.

Ответ Аиши передается по-разному. Возможно, Марван приходил к ней не раз; еще вероятнее, что его настойчивость заставила ее привести несколько причин отказа.

«Ты хочешь, чтобы со мной обошлись так же, как с Умм Хабибой, а затем не нашлось никого, кто защитил бы меня? Нет, клянусь Аллахом, я не позволю себя так унижить. Да и не знаю, чем вообще закончится дело этих людей», - говорится в одной версии.²⁸⁸

«Я уже села на верблюда и возложила на себя обязанность паломничества; клянусь Аллахом, я не сделаю того, о чем вы просите», - передает другая.²⁸⁹

Или еще: «Я уже вся вспотела, укладывая вещи, и закрыла мешки. Остаться не могу».²⁹⁰

²⁸⁶ аль-Балазури, *Ansab*, V, 102; Ибн Са'д, VIII, 356. Позднее Аштар отказался участвовать в убийстве; ср. аль-Балазури, *Ansab*, V, 81, 92, 96; Ибн Са'д, III(1), 50 и сл.; ат-Табари, I, 2990; Wellhausen, *op. cit.*, VI, 134; Della Vida, «Il Califato...», *op. cit.*, с. 459 и сл.

²⁸⁷ аль-Балазури, *Ansab*, V, 103; Ибн Са'д, III(1), 57; *Iqd*, II, 266.

²⁸⁸ ат-Табари, I, 3011.

²⁸⁹ аль-Балазури, *Ansab*, V, 75.

²⁹⁰ Ибн Са'д, V, 25.

Но Марван продолжал настаивать и окончательно разгневал Аишу, процитировав стих:

И Кайс разжег против меня всю страну, а когда огонь разгорелся - убежал.

«О ты, читающий мне стихи, - будто бы ответила она, - вот бы Аллах привязал к ноге тебе и твоему другу, доверившему тебе свои дела, по жернову и отправил вас обоих на дно моря».

По другой версии той же реплики: «О Марван, вот бы Усман оказался в одном из этих моих мешков, а я могла бы унести его и бросить в море».²⁹¹

Иными словами, Аиша стремилась вообще выйти из этого дела, поскольку оказалась между двух сторон. Она не находила в себе желания защищать Усмана, но и не была готова идти до конца вместе с его врагами. Более того, похоже, она сомневалась, способна ли теперь удержать последних.

На собственного брата Мухаммеда, одного из самых заметных участников египетской группы, ее влияние было невелико: она безуспешно пыталась уговорить его поехать вместе с ней в паломничество. Другой брат, Абд ар-Рахман, также остался в столице, но о его деятельности в это конкретное время известно мало. Итак, Аиша покинула охваченный смутой город и отправилась в Мекку.

²⁹¹ Там же; аль-Балазури, *Ansab*, V, 75; аль-Якуби, II, 204. Казтани (*op. cit.*, VIII, 196 и сл.) считает эти рассказы шиитскими выдумками. Профессор Спренглинг предполагал, что местоимение третьего лица в подобных репликах первоначально относилось не к Усману, а ко всей тяжелой ситуации и что именно ее Аиша хотела бы «бросить на дно моря».

Она покинула охваченную смутой Медину одна, унося в сердце гнев и на Усмана, и на египтян.²⁹²

Усман назначил Абдаллаха ибн аль-Аббаса руководителем паломничества и через него послал своим мекканским друзьям и собравшимся в священном городе паломникам просьбу прийти ему на помощь. Когда караван паломников остановился в Сульсуле, примерно в семи милях от Медины, Абдаллах подошел к Аише, и между ними состоялся разговор. Если отбросить явную аббасидскую окраску позднейшего рассказа, его смысл, по-видимому, таков: Аиша ожидала отстранения Усмана от власти, одобряла его и надеялась, что халифом станет ее родственник Тальха, который, как она полагала, будет хорошим правителем и последует примеру Абу Бакра.

«О Мать! - сказал сын Аббаса. - Если с этим человеком, то есть с Усманом, что-нибудь случится, люди обратятся не к кому иному, как к нашему другу Али».

«Замолчи! - резко оборвала его Аиша. - Не нужны мне ни твои похвалы, ни твои доводы».²⁹³

Но если Аиша оставила Усмана в час его величайшей нужды, то следует признать и другое: в то же самое время она оставила и своих родственников Тальху и Зубайра именно тогда, когда, как она должна была подозревать, если не знать наверняка, для них открывалась величайшая политическая возможность. Становилось все очевиднее, что в случае отстранения Усмана - мирным путем или насильственно - главными претендентами на освободившийся халифат окажутся Али, Тальха и Зубайр.

Возможно, желаемое Аиша принимала за действительное и потому убедила себя, что при таком исходе Тальха и Зубайр - поодиночке или вместе - смогут соперничать с Али. В целом ее поведение на этой тревожной стадии политического кризиса и решительный отъезд в Мекку скорее всего свидетельствуют о подлинном, хотя и запоздалом желании выйти из опаснейшей ситуации.

В течение следующих трех недель события в Медине понеслись с нарастающей скоростью.²⁹⁴ Мятежники понимали: надо действовать быстро и довести дело до конца прежде, чем

²⁹² ат-Табари, I, 3010 и сл.; Ибн аль-Асир, III, 139.

²⁹³ ат-Табари, I, 3040; аль-Балазури, Ansab, V, 75.

осажденному халифу придет действенная помощь из Мекки или Сирии, куда также был отправлен отчаянный призыв о спасении. Али, Тальха и Зубайр держались в стороне от халифа, хотя направили своих сыновей охранять его дом.²⁹⁵

Египтяне во главе с Мухаммедом ибн Аби Бакром ворвались в дом и расправились с беззащитным Усманом. Тот предпочел умереть, читая Коран, а не поднять меч против верующих. Его верная и мужественная жена Наила пыталась заслонить мужа собой; ей рассекли руку, и она лишилась нескольких пальцев.²⁹⁶ Мухаммед ибн Аби Бакр позволил себе оскорбить престарелого, не оказывавшего сопротивления халифа, однако сам, по-видимому, не нанес ему смертельного удара.

Наила, хотя и подтверждала, что Мухаммед собственноручно не пролил кровь ее мужа, все же считала его ответственным за убийство: именно он первым ворвался в дом и привел убийц к их жертве.²⁹⁷ И далеко не она одна причисляла Мухаммеда ибн Аби Бакра к подлинным цареубийцам.

Усман был убит восемнадцатого числа месяца зу-ль-хиджжа 35 года хиджры, то есть 17 июня 656 года. Через день или два его ночью, поспешно и тайно, похоронили. Брат Аиши Абд ар-Рахман хотел совершить над телом погребальную молитву, но ему в этом отказали.²⁹⁸

Тем временем часть Омейядов скрылась. Им помогала Умм Хабиба: она укрыла у себя множество людей, некоторых спрятала даже в амбаре.²⁹⁹ Другие бежали - одни в Мекку, другие в Сирию.

Теперь дорога к власти открылась трем соперникам - Али, Тальхе и Зубайру. Сторонники Али на этот раз сумели опередить остальных; одним из первых присягу Али принес Аштар.³⁰⁰ Тальха и Зубайр либо сами пришли к Али, либо были вызваны им на переговоры. Многие предания утверждают, что присягу они дали

²⁹⁴ ад-Динавари, Akhbar al-Tiwal, изд. Владимир Гиргасс (Лейден, 1888), с. 150.

²⁹⁵ Например: аль-Балазури, Ansab, V, 78, 79 и сл.

²⁹⁶ ат-Табари, I, 3020, 3255; аль-Балазури, Ansab, V, 69-71; Ибн ат-Тиктака, Al-Fakhri, изд. H. Derenbourg (Париж, 1895), с. 137; ср. Abbott, «Women and the State in Early Islam», JNES, I (1942), 106-126.

²⁹⁷ аль-Балазури, Ansab, V, 70 и сл.; ср. Ибн Са'д, II(2), 51.

²⁹⁸ аль-Балазури, V, 83, 86.

²⁹⁹ Там же, с. 80.

³⁰⁰ ат-Табари, I, 3075.

под принуждением - едва ли не под мечом Аштара. Некоторые даже настаивают, что Зубайр вообще не приносил присяги.³⁰¹

Тем не менее оба остались в Медине и, по крайней мере внешне, сотрудничали с Али.

Шли недели, затем месяцы, и становилось все яснее, что Али не намерен - хотя сам говорил, что пока не в состоянии - наказать убийц Усмана; что как правитель он нерешителен и склонен раздавать должности прежде всего своим сторонникам. Тальха и Зубайр просили назначить их наместниками соответственно Басры и Куфы, городов, где у каждого из них были многочисленные сторонники, но получили отказ.³⁰²

Они не раз пытались покинуть Медину, однако Али не давал разрешения. Лишь примерно через четыре месяца после убийства Усмана им удалось отправиться в Мекку под предлогом совершения умры, малого паломничества,³⁰³ а в действительности - чтобы присоединиться к мекканской оппозиции, которую уже возглавляла Аиша.³⁰⁴ Теперь следует обратиться к ее действиям.

Аиша, настоявшая на паломничестве, первоначально не помышляла ни о чем ином, кроме возвращения в Медину после его завершения. Отстранившись перед отъездом от обеих враждующих сторон, она практически выпала из непосредственного потока стремительно развивавшихся событий.

Нет сведений, что Усман и его сторонники вновь обращались к ней за помощью или что Тальха и Зубайр пытались держать ее в курсе происходящего. И все же Аиша не могла оставаться равнодушной к тому, что творилось в Городе Пророка. Она настойчиво расспрашивала прибывавших из Медины.

Первые вести были противоречивы. Один человек сообщил, будто Усман перебил египтян. Аиша, пораженная, воскликнула: «Неужели он убивает тех, кто пришел требовать своих прав и обличать несправедливость? Клянусь Аллахом, мы этого не одобряем». Но вскоре другой путник сообщил прямо противоположное: египтяне убили Усмана. Беженцы из Медины

³⁰¹ Там же, с. 3069, 3070-3078.

³⁰² ат-Табари, I, 3070, 3077.

³⁰³ Там же, с. 3060, 3073.

³⁰⁴ Там же, с. 3069, 3091, 3099; ср. Wellhausen, *The Arab Kingdom and Its Fall*, пер. Margaret Graham Weir (Калькутта, 1927), с. 52; Muir, *op. cit.*, с. 240 и сл.

подтвердили это и добавили, что никто пока не согласился принять власть.

«Ловко же вышло!» - сказала Аиша. А затем, очевидно имея в виду всю запутанную ситуацию, добавила: «Вот к чему привели ваши жалобы и непрерывные требования исправлений».³⁰⁵

Другое предание передает ее реакцию иначе: «Я вижу, что Усман навлечет беду на свой народ так же, как Абу Суфьян навлек беду на свой народ в битве при Бадре», - то есть в той битве, где Мухаммед разгромил курайшитов под предводительством Абу Суфьяна.³⁰⁶

Аиша не поспешила возвращаться в Медину, как это сделал, например, Абдаллах ибн аль-Аббас. Ей еще предстояло совершить умру. Закончив малое паломничество, она двинулась обратно. В Сарифе, местечке примерно в шести-двенадцати милях от Мекки,³⁰⁷ она встретила одного из родственников по матери - Убайда ибн Аби Саламу.

На вопрос о новостях тот сначала молчал, затем что-то невнятно пробормотал себе под нос.

«Чтоб тебе пусто было! - нетерпеливо воскликнула Аиша. - Это против нас или за нас?»

«Люди Медины согласились на избрание Али, а город находится во власти толпы».

«Не думаю, что дело на этом закончено», - сказала Аиша. И, повернувшись к спутникам, распорядилась: «Везите меня обратно».³⁰⁸

Один из алидских рассказов передает ее первую реакцию на убийство Усмана словами, которые можно свободно перевести как «Проклятье ему!», а ее оценку всей ситуации, включая избрание Али, - фразой: «Я не думала, что дело примет такой оборот».³⁰⁹

Вернувшись в Мекку, она встретилась с наместником Усмана в городе, Абдаллахом ибн Амиром аль-Хадрами.

³⁰⁵ ат-Табари, I, 3096, 3098.

³⁰⁶ аль-Балазури, Ansab, V, 91.

³⁰⁷ Якут, Mu'jam al-Buldan (географический словарь), изд. Wüstenfeld (6 т.; Лейпциг, 1924).

³⁰⁸ ат-Табари, I, 3096-3108.

³⁰⁹ аль-Якуби, II, 209; однако ср. ат-Табари, I, 3111 и сл.; Fakhri, с. 119; Caetani, op. cit., IX, 34.

«Что привело тебя назад, о Матерь верующих?» - спросил он.

«То, что Усман был убит несправедливо, - ответила она, - и порядок не восстановится, пока эта чернь властвует. Требуйте возмездия за кровь Усмана - так вы восстановите и укрепите ислам!»³¹⁰

Она направилась в мечеть и заняла место у Хиджра - священного участка у Каабы, который, согласно преданию, восходит к древнему основанию храма, заложенному Авраамом.³¹¹

Она торжественно закрыла лицо покрывалом. Вокруг собралась толпа. Аиша начала публичную речь:

*О люди! Чернь из провинций, люди, ошивающиеся у водопоев, и рабы мединцев объединились. Толпа упрекала недавно убитого Усмана за его уловки, за назначение на должности молодых людей там, где прежде служили старшие, и за то, что он объявлял некоторые земли заповедными для пользования своей партии. Но подобное делалось и до него, а порою иначе поступить было невозможно. Он выслушал их и отказался от того, что вызывало их недовольство, желая примирения. Когда же они не нашли больше ни предлога, ни оправдания, они возмутились и открыто проявили вражду. Их дела разошлись с их словами. Они пролили священную кровь, осквернили священный город, захватили священное имущество и нарушили святость запретного месяца. Клянусь Аллахом, один палец Усмана лучше целого мира, наполненного такими, как они. Не соединяйтесь с ними. Пусть другие накажут их примерным наказанием и рассеют тех, кто стоит за ними. Клянусь Аллахом, даже если то, в чем они обвиняли Усмана, и было проступком, он уже очистился от него, как золото очищают от примеси или одежду от грязи: они сами омыли его - его собственной кровью, как одежду омывают водой.*³¹²

«Я здесь! - воскликнул наместник Абдаллах. - Я первым потребую возмездия!» Так он стал первым человеком, открыто

³¹⁰ ат-Табари, I, 3096-3098.

³¹¹ Якут, Геог., II, 208.

³¹² ат-Табари, I, 3096-3098.

примкнувшим к Аише в гражданской войне, которой предстояло последовать.

Выбор Мекки в качестве нового штаба был вполне естественен. Это был родной город убитого халифа и древний центр курайшитов; если бы порядок, сложившийся в Медине во многом под давлением некурайшитских сил, сохранился, племя могло потерять значительную часть влияния и престижа.

Поэтому слова Аиши упали на плодородную почву, а число ее сторонников быстро росло. Видные мекканские Омейяды, прибывшие из провинций чиновники и беглецы из Медины охотно присоединялись к движению. Среди последних был Марван ибн аль-Хакам, который не удержался и напомнил плачущей теперь Аише о ее собственной прежней враждебности к Усмани и о той роли, которую она сыграла в событиях, завершившихся его гибелью.³¹³

Даже родственник Аиши Убайд, сторонник Али, отчасти возлагал на нее ответственность за убийство.³¹⁴ Защищаясь от обвинений и от очевидного противоречия между прежними и нынешними словами, Аиша объясняла: мятежники убили Усмана уже после того, как он раскаялся; да, поначалу она выступала против него, но затем - очевидно после его покаяния - изменила отношение. «Мои последние слова, - утверждала она, - лучше первых».³¹⁵

С подобными обвинениями - а значит, и с намеками на ее неискренность и политический оппортунизм - Аише предстояло сталкиваться еще не раз. Каждый раз она настаивала: к убийству она непричастна, а требование возмездия было искренним.³¹⁶

В последующие месяцы Али оказался едва ли не главным врагом самому себе. Очень скоро стало известно, что он не собирается - или, как утверждал он сам, пока не может - привлечь убийц Усмана к ответственности. Это усиливало подозрения, будто сам Али имел отношение к убийству, и подрывало его популярность среди части населения.

³¹³ ат-Табари, I, 3075; Iqd, II, 266.

³¹⁴ Ибн Са'д, V, 6 и сл.; ат-Табари, I, 3111 и сл.

³¹⁵ ат-Табари, I, 3112; Fakhri, c. 119.

³¹⁶ Например: аль-Балазури, Ansab, V, 101 и сл., 103; Ибн Са'д, III(1), 57; Fakhri, c. 119; ср. ниже, c. 165-172.

Еще опаснее для его положения была решимость сместить всех провинциальных наместников Усмана, включая Муавию, почти двадцать лет успешно правившего Сирией, и заменить их собственными сторонниками. Люди опытнее и дальновиднее предупреждали Али об опасности такого шага, но безрезультатно.

«Смести всех, кроме Муавии», - советовали ему.

«Муавии от меня достанется только меч», - отвечал Али.³¹⁷

Этим он сам толкнул в лагерь оппозиции нескольких свергнутых наместников и разбудил личную вражду самого хитрого и способного политика той эпохи - Муавии.

Мы уже видели, что Абдаллах, наместник Мекки, первым откликнулся на призыв Аиши. Другой Абдаллах ибн Амир - двоюродный брат Усмана по матери и его наместник Басры - также отправился в Мекку и присоединился к ней.³¹⁸ Я'ла ибн Умайя, наместник Усмана в Йемене, едва был смещен, как собрал все доступные ему государственные средства и тоже уехал в Мекку. Там он предоставил Аише и свое богатство, и своих людей.³¹⁹

Недели шли, а Али продолжал политику, которая лишь множила его врагов, и при этом не предпринимал энергичных шагов, чтобы укрепить собственную позицию против двух растущих центров угрозы - Хиджаза, где действовала Аиша, и Сирии Муавии.

Муавия и его сильная омейядская партия в Сирии с самого начала присоединились к требованиям возмездия за кровь Усмана. Но, уверенный в силе собственной провинции, Муавия, в отличие от бывших наместников Басры и Йемена, остался в Сирии.

Поначалу большинство требований Али принести присягу Муавия демонстративно оставлял без ответа. Вероятно, именно тогда он тайно переписывался с врагами Али, особенно с Зубайром, приглашая его в Сирию и обещая признать халифом.³²⁰

Наконец примерно через три месяца после убийства Усмана Али доставили тщательно рассчитанное оскорбление: пустое письмо, на котором было лишь написано: «От Муавии - Али».

³¹⁷ ат-Табари, I, 3082-3086; ср. Caetani, op. cit., IX, 13-15.

³¹⁸ ат-Табари, I, 3057, 3099; Ибн Са'д, V, 31, 34.

³¹⁹ ат-Табари, I, 3089, 3099.

³²⁰ ср. Caetani, op. cit., IX, 157, 211.

Однако посланнику Муавии было велено рассказать о настроениях Сирии.

«Я оставил за собой народ, - сказал он, - который не удовлетворится ничем, кроме мести».

«Кому же?» - спросил Али.

«Тебе самому. И еще: я оставил там шестьдесят тысяч человек, плачущих под рубахой Усмана, вывешенной над минбаром дамасской мечети».

Муавия очень быстро понял пропагандистскую силу окровавленной рубахи Усмана и отсеченных пальцев Наилы. Пальцы прикрепили к рубахе, которую ежедневно поднимали перед народом, возбуждая его чувства и заставляя все громче требовать возмездия. Перед этими страшными реликвиями люди клялись отказаться от удовольствий и удобств - не приближаться к женщинам, не мыться водой, довольствуясь песком, не спать на постели - пока кровь Усмана не будет отмщена. Целый год, вплоть до битвы при Сиффине, эти реликвии продолжали служить делу Муавии.³²¹

Однако Муавия играл только собственную игру. Напрасно было бы искать свидетельства настоящего сотрудничества между ним и группой Аиши. Да, оба требовали мести за кровь Усмана и оба испытывали личную неприязнь к Али. Но за этим сходство почти заканчивалось. Сына Абу Суфьяна и дочь Абу Бакра связывало слишком мало. Взаимное недоверие, пусть и скрываемое, и противоречащие друг другу амбиции, пока еще не высказанные открыто, помешали им сделать самый очевидный шаг, способный обеспечить поражение Али: согласованно двинуть силы Муавии с севера, а войска Аиши с юга, встретиться у Медины и совместным ударом подавить всякое военное сопротивление Али.³²²

Пока исход борьбы оставался неопределенным, Муавия не желал ради общей победы рисковать Сирией, оставляя ее открытой для египетского нападения. Аиша сначала многого ожидала от Муавии и одно время даже была готова соединиться с ним в Сирии. Однако советники вскоре убедили ее, что подлинной помощи от него ждать не приходится.

³²¹ ат-Табари, I, 3090 и сл.; там же, с. 3255; ср. Caetani, op. cit., IX, 233 и сл.

³²² ат-Табари, I, 3090 и сл.; там же, с. 3255; ср. Caetani, op. cit., IX, 233 и сл.

Много лет спустя, уже став халифом, Муавия перечислил Амру ибн аль-Асу - человеку, немало сделавшему для его победы, - четыре обстоятельства, сыгравшие в пользу Муавии и против Али. Одним из них он назвал собственную политику: позволить Али и Аише с ее сторонниками сначала истощить друг друга в борьбе.³²³

Вскоре после получения пустого письма Муавии Али начал подумывать о походе на Сирию. Тальха и Зубайр попросили разрешения отправиться в Мекку на паломничество. Ранее Али не позволял им покидать Медину, поскольку имел основания сомневаться в их верности; теперь же отпустил.

Так примерно через четыре месяца после трагического убийства Усмана Тальха, Зубайр и Аиша снова оказались вместе. Местом их встреч стал дом Аиши. Оба мужчины собственными глазами увидели, насколько крупное движение уже сумели поднять Аиша и ее мекканские помощники и советники.

На ее вопрос о положении в Медине они быстро ответили:

«Мы бежали из Медины - от черни и бедуинов. Мы оставили народ в растерянности: он не признает правого и не отвергает ложного и сам себя ничем не сдерживает».

«Посоветуйтесь о том, что следует делать, и восстаньте против этой черни», - сказала Аиша и подкрепила совет стихами:

*Если бы вожди моего народа были со мной единодушны, я избавила бы их от петли и от гибели.*³²⁴

Руководители движения расходились во мнениях. Одни хотели идти прямо на Али в Медину; другие советовали направиться в Сирию. Аиша, по-видимому, была готова принять любой из этих вариантов. Поначалу перевес был на стороне сирийского плана, пока бывший наместник Басры Абдаллах ибн Амир не выступил против него.

Абдаллах предложил вместо Сирии идти на Басру. Он утверждал либо, что Муавия сам вполне способен вести сирийское дело,³²⁵ либо - что Муавия не позволит руководить собой и вообще не станет искренне сотрудничать с ними.³²⁶ Зато в Басре у самого

³²³ Iqd, II, 301.

³²⁴ ат-Табари, I, 3099, 3102.

³²⁵ ат-Табари, I, 3099.

Абдаллаха оставались друзья и влияние, а у Тальхи - собственные сторонники.

Аиша согласилась. Ее убедили отправиться вместе с войском и поднять жителей Басры на их сторону так же, как ей уже удалось поднять Мекку.³²⁷

Решение было принято, и вскоре глашатай объявил мекканцам: Мать верующих идет в Басру, чтобы отомстить за кровь Усмана. Тем, кто желал присоединиться, но не имел ни верхового животного, ни средств, обещали предоставить и то и другое. На призыв откликнулось около тысячи человек, среди них множество курайшитов.

«Сестры» Аиши - вдовы Мухаммеда, находившиеся тогда в Мекке, - собирались вместе с нею вернуться в Медину. Но когда было решено идти в Басру, почти все, кроме Хафсы, отказались следовать дальше. Они проводили Аишу до близлежащего Зат-Ирка,³²⁸ и там прощание сопровождалось таким плачем, какого, по словам предания, ислам не слышал ни прежде, ни после. Этот мрачный день получил название «День плача».³²⁹

Лидерство Аиши поставило остальных Матерей верующих в неловкое положение. Некоторые, по-видимому, молчаливо одобряли ее намерения. Омейядка Умм Хабиба, вероятнее всего, разделяла взгляды своего единокровного брата Муавии. Только Хафса - давняя союзница Аиши еще по гаремным интригам - хотела пройти с подругой весь путь. Однако ее брат Абдаллах не позволил ей ехать в Басру: он предпочитал вернуться в Медину и сообразовываться с решениями и поступками тамошних руководителей.³³⁰

Совсем иначе повела себя Умм Салама. Еще при Мухаммеде она поддерживала Фатиму и Али и связывала себя с «людьми дома» пророка. Теперь она открыто выступила против Аиши. Умм Салама продолжила путь в Медину в то время, когда Аиша и, по-

³²⁶ аль-Масуди, *Muruj al-Dhahab (Les Prairies d'Or)*, изд. С. Barbier de Meynard (9 т.; Париж, 1861-77).

³²⁷ ат-Табари, I, 3099 и сл.

³²⁸ Якут, географический словарь, соответствующая статья о Зат-Ирке.

³²⁹ ат-Табари, I, 3100, 3114.

³³⁰ ат-Табари, I, 3101, 3105, 3113.

видимому, остальные вдовы Мухаммеда прервали возвращение и вновь повернули в Мекку.³³¹

Якуби, обычно благожелательный к алидам, изображает дело так, будто именно Аиша первой обратилась к Умм Саламе и просила присоединиться к ней; этот разговор он помещает уже в Мекке после прибытия Тальхи и Зубайра.³³² Если такая встреча действительно была, она, вероятнее всего, произошла раньше - на начальной стадии выступления Аиши, возможно непосредственно перед тем, как женщины разошлись в Сарифе.

Аиша должна была инстинктивно понимать бесплодность попытки склонить на свою сторону бывшую соперницу и давнюю сторонницу Али уже тогда, когда открытый вооруженный мятеж против него считался неизбежным. К тому же нет надежных подтверждений, что Умм Салама находилась в Мекке на этой поздней стадии; последующие события скорее указывают на ее пребывание в Медине.

О новом плане Аиши Али почти сразу узнал от особого гонца, которого из Мекки отправила Умм аль-Фадль - жена Аббаса и свояченица Али.³³³ Понимая, насколько опаснее стала угроза после того, как открытое восстание возглавили Аиша и группа влиятельнейших людей, чью силу Али прекрасно знал,³³⁴ он отказался от намеченного похода на север против Муавии и решил перехватить отряд Аиши по дороге в Басру.³³⁵

Умм Салама пришла к Али и предложила ему помощь собственного сына.

«О повелитель верующих, - сказала она, - если бы это не было неповиновением Всемогущему Аллаху и если бы ты согласился принять меня, я сама отправилась бы с тобой. Но вот мой сын Умар - Аллах знает, он дорожит мне собственной души, - пусть идет вместе с тобой».³³⁶

Решив оставаться дома, как подобало, по ее убеждению, благочестивой женщине, Умм Салама затем написала Аише письмо, призывая отказаться от несправедного и неподобающего

³³¹ аль-Балазури, Ansab, V, 91 и сл.

³³² аль-Якуби, II, 209 и сл.

³³³ Iqd, II, 281; Aghani, XI, 125; Ибн Ханбал, VI, 228.

³³⁴ См. выше, с. 128 оригинала.

³³⁵ ат-Табари, I, 3101, 3106.

³³⁶ Там же, с. 3101.

женщине пути, на который та вступила, будучи Матерью верующих.

Вдова Мухаммеда твердо и благочестиво утверждала: поведение Аиши не получило бы одобрения пророка, а место женщины - дома, а не на поле боя. Но ожидать, что Аиша, зашедшая уже так далеко, подчинится словам Умм Саламы, было невозможно.

Ее короткий ответ демонстративно начинался: «От Аиши, Матери верующих, - Умм Саламе». Буквальный перевод не передает всей иронии и вызывающей твердости этой классической записки. Профессор Спренглинг передает ее смысл свободно так:

*Какая честь - получить от тебя проповедь! Я прекрасно знаю твое право давать мне советы. Я совершаю умру не как праздная посетительница. Хороша та позиция, с которой я могу различить две партии мусульман, находящихся в разладе. Если я останусь на месте, то не потому, что меня к этому принудили; если же уйду, то ради дела, о котором нет нужды распространяться дальше. Прощай.*³³⁷

Верблюд Аскар, на котором Аиша отправилась в свое судьбоносное путешествие, был одним из лучших животных, каких могла дать Аравия. Его владелец ценил его выше любой кобылицы, но, узнав, что верблюда покупают для Матери верующих, немедленно предложил отдать его даром. Однако это было скорее проявлением почтительности: богатый Я'ла, один из главных финансистов предприятия, заплатил за животное высокую цену.³³⁸

Еще до того, как трехтысячное войско Аиши, выступившее под лозунгом мести, окончательно оставило Мекку позади, произошел первый из целого ряда эпизодов, показывавших личное соперничество и честолюбие в ее собственном лагере.

Марван поднял вопрос о том, кто должен руководить общей молитвой. Абдаллах считал, что это право принадлежит его отцу Зубайру; Мухаммед, сын Тальхи, настаивал на первенстве своего отца. Аиша мгновенно почувствовала опасность раздора и, подозревая истинные намерения Марвана, резко оборвала его:

³³⁷ соответствующий рассказ в источниках, приведенных автором; ср. Iqd, II.

³³⁸ ат-Табари, I, 3102 и сл., 3108 и сл.; ср. Caetani, op. cit., IX, 54 и сл.

«Ты хочешь нас разделить? Пусть молитвой руководит сын моей сестры Абдаллах».

Так и было: Абдаллах ибн аз-Зубайр оставался имамом молитвы до самого прибытия в Басру.³³⁹

Как уже говорилось, «сестры» Аиши расстались с нею у Зат-Ирка. Но либо там же, либо в Марр аз-Захране, примерно в пяти милях от Мекки,³⁴⁰ ее дело покинула еще более значительная группа. Здесь между руководителями состоялось несколько частных совещаний.

Саид ибн аль-Ас, бывший наместник Усмана в Куфе,³⁴¹ предлагал немедленно мечом расправиться с убийцами Усмана - а под ними он явно подразумевал не кого-нибудь, а их собственных спутников Тальху и Зубайра - и тем самым сразу завершить дело мести.

Марван советовал иное. Его план был стар как мир: разделяй и властвуй. Он хотел стравить партии, дожидаться гибели проигравших и ослабления, если не полного истощения, победителей, а затем без труда подчинить оставшихся.³⁴²

Саид же хотел прежде понять, ради кого и ради чего ему предстоит сражаться. Он подошел к Тальхе и Зубайру и спросил, кого они намерены выдвинуть в случае победы.

«Одного из нас двоих - того, кого предпочтут люди», - ответили они.

Саид возразил: если они действительно выступают только ради мести за Усмана, то естественнее было бы избрать одного из его сыновей. Тальха и Зубайр ответили, что нельзя отодвигать старших людей - первых мухаджиров, сподвижников Мухаммеда - ради их сыновей.

«Я не вижу смысла сражаться для того, чтобы отнять халифат у сынов Абд Манафа, то есть у Омейядов», - заключил Саид и решил покинуть лагерь. Вскоре за ним последовали другие, среди них Мугира ибн Шу'ба, уведя с собой и своих людей.³⁴³

³³⁹ ат-Табари, I, 3105 и сл.

³⁴⁰ Якут, соответствующая статья о Марр аз-Захране.

³⁴¹ См. выше, с. 112 и сл. оригинала.

³⁴² ат-Табари, I, 3103; Ибн Са'д, V, 23 и сл.; ср. также ат-Табари, II, 164; Wellhausen, *The Arab Kingdom and Its Fall*, с. 136.

³⁴³ ат-Табари, I, 3103 и сл.; Ибн Са'д, V, 23 и сл.; ср. ан-Навави, с. 281.

Отступничество целых групп, подозрения против Марвана и понимание скрытого соперничества между Тальхой и Зубайром не могли не подействовать на Аишу угнетающе. Возможно, именно поэтому особенно сильным оказалось впечатление от следующего эпизода пути.

Проезжая мимо водопоя Хауаб, Аиша услышала лай - или, вероятнее, вой - собак. Обычный лай в Аравии никого не удивлял, тогда как собачий вой суеверные арабы считали дурным предзнаменованием. Поэтому ее внезапное желание остановиться и вернуться в Мекку могло быть всего лишь приступом тревоги, усиленной всеми прежними тревожными событиями.

Однако предания, обычно неблагоприятные к Аише, объясняют ее смятение иначе: якобы она мгновенно вспомнила предсказание Мухаммеда о собаках Хауаба. В большинстве версий пророк обращается к своим женам:

«Хотел бы я знать, на которую из вас будут лаять собаки Хауаба!»³⁴⁴

По другой версии, он сказал непосредственно Аише: «Пусть только не ты будешь той, на кого станут лаять собаки Хауаба».³⁴⁵

А в явно шиитской версии Мухаммед будто бы говорит: «О Прекрасная, словно вижу тебя: собаки Хауаба лают на тебя, а ты несправедливо воюешь против Али».³⁴⁶

Аиша сошла с верблюда и отказалась продолжать путь. Зубайр и другие, стремившиеся идти дальше, клялись, что проводник ошибся и что это вовсе не Хауаб. Она не слушала. Прошел целый день. Тогда в отчаянии они подняли ложную тревогу: будто Али уже совсем близко. Лишь после этого им удалось заставить Мать верующих, без которой предприятие теперь почти теряло смысл, подавить сомнения и страхи и продолжить путь.³⁴⁷

Когда отряд подошел к окраинам Басры, вперед отправили Ибн Амира: как бывший наместник он хорошо знал город и его людей. В то же время Аиша написала нескольким влиятельным басрийцам, призывая их присоединиться к ее делу.

³⁴⁴ ат-Табари, I, 3127; Ибн аль-Асир, III, 169 и сл.; Абу-ль-Фида, I, 290; Ибн Ханбал, VI, 97; Якут, II, 353; ср. Muir, op. cit., с. 242; Caetani, op. cit., IX, 54-56, 84.

³⁴⁵ аль-Якуби, II, 210.

³⁴⁶ Iqd, II, 283 и сл.; ср. Caetani, op. cit., IX, 210, § 277.

³⁴⁷ ат-Табари, I, 3109; ср. также примечание выше.

Новый наместник Али в Басре, Усман ибн Хунайф, послал двух людей выяснить цель мятежников. Сначала они пришли к Аише, которая охотно решила объяснить все своим «сыновьям». Она перечислила бедствия, случившиеся в Медине, и сказала, что хочет довести сведения о них до тех мусульман, которые еще ничего не знают. Цель ее партии, утверждала Аиша, - отомстить за кровь Усмана и восстановить справедливый порядок в исламе.

Всегда готовая прибегнуть к словам поэтов или Корана, она процитировала аят:

*Нет добра во многих их тайных беседах, кроме тех, кто призывает к милостыне, к добру или к примирению между людьми.*³⁴⁸

Затем посланники встретились с Тальхой и Зубайром. Те заявили, что полностью разделяют цели Аиши, а обвинение в измене Али отвергли: присягу ему, по их словам, они дали под принуждением.

Перед возвращением к наместнику оба посланца вновь пришли проститься с Аишей. На прощание она дала им еще один коранический наказ:

*Будьте стойкими в справедливости, свидетельствуя перед Аллахом, даже если это обращено против вас самих, ваших родителей и близких... Не следуйте страсти, чтобы не уклониться от справедливости.*³⁴⁹

Выслушав вернувшихся посланников, Усман ибн Хунайф призвал жителей Басры сопротивляться пришельцам. Он быстро обнаружил, что у тех в городе уже есть серьезная поддержка - несомненно, благодаря влиянию и предварительной работе его предшественника Ибн Амира. Тем не менее наместник с людьми вышел навстречу мятежникам, занявшим позицию у Мирбада - городского рынка.³⁵⁰

Сначала выступил Тальха, затем Зубайр. Одни слушали их с одобрением, другие с раздражением. Вскоре басрийцы начали бросать друг в друга камни, и небольшая стычка грозила перерасти в беспорядки.

³⁴⁸ Коран 4:114.

³⁴⁹ Коран 4:135; ат-Табари, I, 3115-3117; Ибн аль-Асир, III, 170 и сл.

³⁵⁰ Якут, соответствующая статья о Мирбаде; ср. ат-Табари, I, 3118 и сл.

Тогда положение спасла Аиша. Она не была крупной женщиной, но обладала сильным голосом, который обычно заставлял людей слушать. Она рассказала, как прежде в Медине люди приходили к ней с жалобами на Усмана; как затем перешли границы правды и справедливости и стали действовать совсем не ради тех целей, которые провозглашали; как в конце концов ворвались в дом Усмана, пролили священную кровь, захватили священное имущество и осквернили священный город - без достаточного повода и оправдания.

Теперь, сказала Аиша, остается только одно: призвать убийц к ответу и руководствоваться Книгой Всемогущего Аллаха.

«Разве вы не видели, - закончила она аятом, - тех, кому дана часть Писания и кого призывают к Книге Аллаха, чтобы она рассудила между ними?»³⁵¹

Эта короткая, но действенная речь расколола сторонников Усмана ибн Хунайфа на две группы. Одни говорили: Аиша сказала правду и желает добра. Другие обвиняли первых во лжи и порицали ее за то, что она взялась за публичное руководство, нарушив тем самым установленное для жен Мухаммеда затворничество.³⁵² Наступившая ночь не дала спору перерасти в большое столкновение.

Весь следующий день прошел в жестоком бою между сторонниками Али и мстителями за Усмана. Первые понесли настолько тяжелые потери, что запросили перемирия.

Условия были такими: Усман ибн Хунайф сохраняет власть в Басре; в Медину отправляется посланник, который должен выяснить, действительно ли Тальха и Зубайр принесли присягу Али под принуждением. Если мединцы подтвердят принуждение, Усман должен передать Басру Тальхе и Зубайру. Если же жители Медины это отрицают, Аиша и ее партия обязаны покинуть город.

Обе стороны согласились поручить миссию Ка'бу ибн Суру (или Ширу), о котором еще пойдет речь. В Медине он обнаружил расхождение мнений по этому вопросу, теперь ставшему решающим.³⁵³

³⁵¹ Коран 3:23; ср. ат-Табари, I, 3118-3120; Ибн аль-Асир, III, 172.

³⁵² ат-Табари, I, 3118-3120; Ибн аль-Асир, III, 172.

³⁵³ ат-Табари, I, 3123-3126; Ибн аль-Асир, III, 173-175.

Тем временем Али примерно с тремя тысячами человек покинул Город Пророка - это произошло в конце октября 656 года - надеясь перехватить мятежников у ар-Рабазы, в нескольких милях к северо-востоку от Медины.³⁵⁴ Но двигался он недостаточно быстро и опоздал; поэтому продолжил путь в Ирак, направляясь к Куфе.

В дороге Али узнал о басрийском перемирии и его условиях. Он отправил Усмани ибн Хунайфу письмо, отрицая, что Тальха или Зубайр приносили присягу под принуждением. Усман решил остаться верным Али и потребовал, чтобы мятежники покинули Басру.

Те, в свою очередь, заявили: сообщение Ка'ба как раз подтверждает их право требовать, чтобы из города ушел сам Усман.

В тот же вечер, под прикрытием темноты и под предлогом вечерней молитвы, мятежники вошли в мечеть, внезапно напали на Усмана и его сторонников, разгромили их и захватили самого наместника. Некоторые хотели его убить, однако Аиша вмешалась и добилась освобождения пленника.³⁵⁵

Несчастливого публично высекли, а затем подвергли еще большому унижению: сбрили волосы на голове и бороду, выщипали брови и ресницы. В таком трагикомическом виде он и добрался до своего повелителя Али, который все еще двигался в сторону Ирака.

Победители не собирались проявлять мягкость к противникам. Некоторые руководители были казнены, других били плетью, чтобы запугать остальных; многим пришлось скрываться.³⁵⁶ По мнению части людей, этим кровь Усмана уже была достаточно отмщена. Но сами победители так не считали.

Захват Басры, как и предвидел ее бывший наместник Ибн Амир, оказался сравнительно легким. Однако до осуществления истинных - и прежде всего личных - политических целей победителей было еще далеко. До сих пор эти цели по большей части прикрывались общим лозунгом мести за кровь Усмана.

³⁵⁴ Якут, II, 448 и сл.; ат-Табари, I, 3106.

³⁵⁵ ат-Табари, I, 3126, 3143 и сл.

³⁵⁶ Там же, с. 3127-3130.

Лозунг мести никуда не исчез, но теперь все откровеннее связывался с требованием смещения Али,³⁵⁷ а его смещение, в свою очередь, открывало дорогу к избранию халифом Тальхи или Зубайра.

Но прежде чем вновь бросить вызов противнику, победителям надо было договориться между собой. Басрийские сторонники принесли присягу одновременно Тальхе и Зубайру, которые осуществляли совместное командование.³⁵⁸ Брат Аиши Абд ар-Рахман был поставлен во главе государственной казны.³⁵⁹

Снова возник щекотливый вопрос: кто будет вести общую молитву? По одной версии, Аиша вновь отдала предпочтение племяннику Абдаллаху ибн аз-Зубайру. По другой, она распорядилась, чтобы Абдаллах и Мухаммед, сын Тальхи, поочередно руководили молитвой - через день.³⁶⁰

Теперь перед ними стояли три задачи: упрочить власть в самой Басре, склонить на свою сторону соседнюю Куфу и добиться признания, а при необходимости и военной помощи от других провинций.

И партия Али, и партия Аиши должны были считаться с влиятельными людьми, родами и целыми племенами Ирака, которые хотели сохранять нейтралитет. Положение действительно было мучительным: им предстояло либо выступить против вдовы Мухаммеда и ближайших друзей пророка, либо против его двоюродного брата и зятя Али.

История Ка'ба ибн Сура хорошо показывает, как Аиша решала проблему нейтральных групп. Ка'б был судьей Басры и принадлежал к племени азд. Именно его, как уже говорилось, посылали в Медину выяснить, при каких обстоятельствах Тальха и Зубайр принесли присягу Али.

Вернувшись и убедившись, что даже в Медине на этот счет нет единого мнения, Ка'б, возможно, именно поэтому занял нейтральную позицию. Он советовал поступить так же своему

³⁵⁷ ат-Табари, I, 3135 и сл., 3125; Ибн аль-Асир, III, 176; ср. выше, с. 142 и сл. оригинала.

³⁵⁸ ат-Табари, I, 3136.

³⁵⁹ Там же, с. 3135.

³⁶⁰ Там же; аль-Якуби, II, 210 и сл.; Ибн Са'д, V, 39; ср. выше, с. 141 оригинала.

племени и его вождю Сабре ибн Шайману.³⁶¹ Сам он заперся у себя дома.

Аише объяснили: Ка'б - ключевая фигура среди аздитов, и без него племя на ее сторону не перейдет. Поскольку он отказывался выходить из дома, Аиша сама отправилась к нему.

Поначалу Ка'б не хотел даже разговаривать.

«О Ка'б, - крикнула она, - разве я не твоя Мать и разве у меня нет прав на тебя?»

«Сын» выслушал ее. Аиша убедила его, что стремится лишь восстановить порядок между мусульманами, и вскоре заручилась его поддержкой.³⁶²

Но даже ее влияние не могло привлечь всех жителей Басры. По мере приближения решающего столкновения город разделился на три лагеря: сторонников Аиши, сторонников Али и тех, кто настаивал на нейтралитете.³⁶³ Наиболее заметным лидером последней группы был Ахнаф ибн Кайс из племени тамим. Вместе с многочисленными соплеменниками он покинул Басру и отошел в соседнюю долину.³⁶⁴

Попытку склонить куфийцев на свою сторону - или хотя бы удержать их от активной помощи Али - поначалу приходилось вести письмами. Аиша вновь обращалась и к отдельным влиятельным людям, и к жителям Куфы в целом. В письмах она оправдывала свои действия, сообщала о сорванном покушении на нее, описывала победу в Басре и призывала куфийцев поддержать ее.³⁶⁵

Одновременно столь же напряженную агитацию вел Али. Он последовательно отправил в Куфу три пары посланников, которым поручил склонить город и его наместника Абу Мусу на свою сторону.³⁶⁶

³⁶¹ ат-Табари, I, 3138.

³⁶² Ибн Са'д, VII(1), 65 и сл.; ад-Динавари, с. 153.

³⁶³ ат-Табари, I, 3178 и сл.

³⁶⁴ Там же, с. 3168-3171, 3174, 3178 и сл.; Ибн аль-Асир, III, 195 и сл.; Iqd, II, 278 и сл.

³⁶⁵ ат-Табари, I, 3115, 3132-3134; Ибн аль-Асир, III, 178.

³⁶⁶ Ср. Caetani, op. cit., IX, 220: автор сомневается в некоторых деталях распределения ролей, однако существование сильной нейтральной партии в Куфе и усилия Али по ее преодолению сомнений почти не вызывают.

Первыми поехали брат Аиши Мухаммед и племянник Али Мухаммед ибн Джафар. Два Мухаммеда встретились с Абу Мусой и обнаружили, что тот гораздо больше заинтересован в законном наказании убийц Усмана, чем в поспешном вступлении в войну на стороне Али или Аиши. Посланники вернулись с неудачей.

Тогда Али отправил своего полководца Аштара и двоюродного брата Ибн аль-Аббаса. Они должны были образумить Абу Мусу, который во многом был обязан высоким положением именно Аштару.³⁶⁷

Но наместник твердо решил остаться нейтральным. Публичными речами и последующими дебатами, напоминавшими настоящее городское собрание, он убеждал куфийцев: это порочная гражданская война, и лучшее, что они могут сделать и для себя, и для веры, - держаться от нее как можно дальше.

И снова посланники Али были вынуждены сообщить о неудаче. Халиф предпринял еще одну попытку сломить влияние Абу Мусы и получить поддержку Куфы. На этот раз он послал собственного сына Хасана и своего ближайшего помощника, бывшего наместника Куфы Аммара ибн Ясира.

Аммар особенно боялся перехода куфийцев к Аише, влияние которой прекрасно понимал. Поэтому, признавая ее высокий статус и в этом мире, и в будущем как супруги Мухаммеда, он все же предупреждал слушателей: Аллах испытывает их через Аишу - проверяет, кому они будут повиноваться, ей или Ему.³⁶⁸

Но и эта пара не смогла склонить наместника. Абу Муса оправдывал нейтралитет кораническими словами, запрещающими раздоры и кровопролитие среди верующих:

*О вы, которые уверовали! Не пожирайте имущество друг друга несправедливо и не убивайте самих себя... А кто умышленно убьет верующего, воздаянием тому будет Геенна, где он пребудет; Аллах разгневется на него, проклянет его и приготовит ему великое наказание.*³⁶⁹

Аммар отвечал резко. Он высмеивал Абу Мусу и в ответ слышал грубости от сторонников наместника. Абу Муса пробрался

³⁶⁷ аль-Якуби, II, 208; ср. выше, с. 113 оригинала.

³⁶⁸ аль-Бухари, IV, 376 и сл.; Iqđ, II, 276, 283; ат-Табари, I, 3150.

³⁶⁹ Коран 4:29 и 4:93; ат-Табари, I, 3139-3147, 3155; Ибн аль-Асир, III, 181-185; Iqđ, II, 276.

сквозь рассерженную толпу к мечети, поднялся на кафедру и продолжил миролюбивые речи в защиту нейтралитета.

Тем временем в спор вмешался Зайд ибн Сухан из племени Абд аль-Кайс. Он был одним из куфийских противников Усмана³⁷⁰ и одним из тех руководителей, к кому лично обращалась Аиша.

Ее письмо гласило:

*От Аиши, дочери Абу Бакра, Матери верующих, Возлюбленной Посланника Аллаха - ее верному сыну Зайду ибн Сухану. Далее. Когда это мое письмо дойдет до тебя, приходи и помоги нам в нашем деле. Если же не сделаешь этого, по крайней мере удержи людей от следования за Али.*³⁷¹

Ответ Зайда был не менее прям:

Я останусь твоим верным сыном при условии, что ты откажешься от этого предприятия и вернешься домой; иначе я буду первым, кто воспрепятствует тебе.

В общем письме к куфийцам Аиша призывала их оставаться дома и не принимать участия в борьбе, если только речь не идет о наказании убийц Усмана.

Зайд взял оба письма, сел верхом у входа в мечеть и, прочитав последнее вслух, произнес короткую речь:

«Ей было дано повеление, и нам было дано повеление. Ей приказано оставаться в доме, а нам - сражаться, чтобы пресекать смуту. Теперь она велит нам делать то, что было приказано ей самой, тогда как сама едет исполнять то, что приказано нам».³⁷²

На защиту Аиши встал Шабас ибн Риб:

«Ты воровал - и Аллах отсек тебе руку. Ты ослушался Матери верующих - и Аллах поразит тебя смертью. Она велит лишь то, что велел Всемогущий Аллах: примирить людей и восстановить порядок».³⁷³

³⁷⁰ ат-Табари, I, 2921, 2954, 3034.

³⁷¹ ат-Табари, I, 3137; Ибн аль-Асир, III, 174 и сл.; Iqd, I, 277.

³⁷² Там же.

³⁷³ В источниках эта реплика связана с рассказом о Зайде; ср. ат-Табари, I, 3147-3149.

Абу Муса по-прежнему пытался вывести куфийцев на путь нейтралитета. Зайд же провозглашал: теперь нейтралитет столь же невозможен, как повернуть воды Евфрата обратно к истоку.³⁷⁴

Пока в мечети звучали речи и ответы, в Куфу вновь прибыл Аштар. Всем, кого встречал, он велел следовать за ним к дворцу наместника и стремительным, дерзким ударом захватил его. Двое дворцовых слуг вскоре принесли Абу Мусе известие о случившемся. Для него это означало окончательное поражение борьбы за нейтралитет.

Большое куфийское войско, среди руководителей которого были Зайд и Аштар, двинулось сушей и по Евфрату на соединение с силами Али, стоявшими лагерем у Зу-Кара.³⁷⁵

Несмотря на столь значительное подкрепление, Али по многим причинам хотел избежать открытой войны. Он начал мирные переговоры и отправил к противникам одного из куфийских вождей - Ка'ка ибн Амра.³⁷⁶

Ка'ка отправился в Басру для переговоров с мятежниками. По некоторым сообщениям, еще до этого Али посылал туда Ибн аль-Аббаса с поручением встретиться наедине с Зубайром и призвать его вернуться к прежней присяге. Похоже, Али считал Зубайра более рассудительным из двух соперников и винил прежде всего его сына Абдаллаха в том, что отец примкнул к партии Аиши. Но ответ Зубайра на эту попытку был отнюдь не миролюбивым.³⁷⁷

Ка'ка, по-видимому, оказался удачливее. Прибыв в Басру, он, как прежде посланники Усмана ибн Хунайфа, направился прямо к Аише. Она снова заявила, как уже говорила Ка'бу ибн Суру, что хочет лишь одного - примирить людей и исправить положение.

Ка'ка попросил позвать Тальху и Зубайра, чтобы Аиша могла присутствовать при разговоре. Те пришли и подтвердили, что их желания совпадают с желаниями Аиши. Когда Ка'ка потребовал назвать цель точнее, они, согласно преданию, упомянули только наказание убийц Усмана.

Но Али никогда не отрицал виновности убийц; он лишь утверждал, что немедленно наказать их фактически не в силах.

³⁷⁴ ат-Табари, I, 3147-3149; ср. Caetani, op. cit., IX, 97.

³⁷⁵ ат-Табари, I, 3152-3155, 3172 и сл.

³⁷⁶ Далее см. ат-Табари, I, 3156 и сл.

³⁷⁷ Iqd, II, 276.

Поэтому его посланник объяснил собеседникам: если они признают власть Али и восстановится мир, порядок и единство, убийцы в свое время понесут заслуженное наказание.

Ка'ка напомнил и другое: ради мести за Усмана они уже пролили немало крови и тем самым породили новые требования мести - теперь уже за родственников, убитых их собственной партией. Он старался убедить их, что они стоят на пороге дела куда более огромного и пагубного, чем представляли вначале.

Предание продолжает: они попросили Ка'ку вернуться к Али и выяснить, действительно ли халиф мыслит так же. Если да, дело, возможно, удастся решить мирно.³⁷⁸

Однако не следует думать, будто к размышлениям о примирении их привела одна лишь логика Ка'ки. Они сознавали и собственную относительно слабость в Ираке: большинство Куфы уже встало на сторону Али, а сама Басра раскололась на три лагеря.

Кроме того, письма Аиши, отправленные после захвата Басры в Сирию, Медину и Ямаму в Неджде, не принесли ей военной помощи и почти никакой, если вообще какой-либо, моральной поддержки.³⁷⁹ Ключевая провинция Хиджаз сохраняла спокойствие. Молчала и омейядская крепость - Сирия, где Муавия продолжал политику выжидания.

Наконец, сомнительно, насколько искренними были сотрудничество и единство целей внутри самого лагеря Аиши: с одной стороны - она и два соперничающих между собой кандидата из ее семьи, с другой - Марван и его Омейяды. Показательно, что ни один из омейядских вождей не присутствовал на встрече с Ка'кой и никто не спрашивал их мнения относительно новой линии - возможного примирения.

Ка'ка доложил Али, и тот двинулся к Басре, чтобы лично продолжить мирные переговоры. Две армии увидели друг друга на окраине города у местечка Хурайба.

Аише приписывается еще одна пространная речь к басрийцам.³⁸⁰ Вероятнее всего, она была произнесена в течение трехдневного промежутка между появлением вражеского войска и

³⁷⁸ ат-Табари, I, 3156-3158; Ибн аль-Асир, III, 189-191.

³⁷⁹ ат-Табари, I, 3131 и сл., 3152; Ибн аль-Асир, III, 178, 187.

³⁸⁰ Iqd, II, 190, 276 и сл.

началом сражения. Все три дня армии оставались в лагерях, пока продолжались переговоры.

Али выезжал для беседы с Тальхой и Зубайром. В обоих лагерях распространился слух: примирение близко. Насколько он соответствовал действительности, сказать трудно. Не менее трудно восстановить предполагаемые условия соглашения, потому что рассказы о встречах Али с главными противниками сильно окрашены позднейшими симпатиями.

В этих версиях Тальха и Зубайр изображены людьми, которых мучает совесть и которые готовы раскаться. Али будто бы винит не столько самого Зубайра, сколько его сына Абдаллаха - будущего соперника Омейядов.³⁸¹

Аиша, что на нее совершенно не похоже, ничего не говорит, когда Зубайр сообщает о желании выйти из борьбы и уехать. Отношения между ним и сыном, если верить тем же преданиям, почти дошли до открытого разрыва: встревоженный внезапным миролюбием отца, Абдаллах бросил ему обвинение в трусости.

Есть, однако, некоторые свидетельства, что соперничество между Тальхой и Зубайром сохранялось даже тогда, а также что Зубайр действительно подумывал перейти к Муавии, который прежде обещал поддержать его притязания.³⁸²

В лагере Али находилась группа людей, имевших все основания опасаться настоящего примирения. Это были убийцы Усмана и те, кто прямо или косвенно участвовал в его гибели. Среди их руководителей находился полководец Али Аштар.

Большинство источников молчит о непосредственной причине, из-за которой между двумя армиями внезапно начались боевые действия, хотя их вожди будто бы уже находились на пороге соглашения. Некоторые сообщения целиком возлагают ответственность на сравнительно небольшую группу убийц Усмана: утверждается, что они внезапно атаковали ничего не подозревавший басрийский лагерь.³⁸³

³⁸¹ Ср., например, ад-Динавари, с. 156, где говорится, что басрийцы не откликнулись на мирные предложения Али.

³⁸² ат-Табари, I, 3175 и сл., 3181; Ибн аль-Асир, III, 196-198; ср. Caetani, *op. cit.*, IX, 222; также Caetani, IX, 157 и выше, с. 134 оригинала.

³⁸³ ат-Табари, I, 3162-3165, 3182 и сл.; Caetani, *op. cit.*, IX, 178 и сл., 222.

Две армии сошлись в бою ранним утром в четверг, 4 декабря 656 года - 10-го числа джумада II 36 года хиджры.³⁸⁴

Ка'б ибн Сур привел Аишу на место столкновения, надеясь, что ее присутствие и влияние еще смогут остановить большой бой. Она сидела в красном паланкине, защищенном кольчугой и установленном на ее верблюде Аскаре, и так въехала в самую гущу сражения.³⁸⁵

Но это уже ничего не изменило.

Бой разгорелся всерьез, и басрийцы несли столь тяжелые потери, что начали отступать. Тогда Аиша, сама не зная трусости, поднялась на высоту положения.

Она велела Ка'бу оставить ее и выйти к передним рядам, призывая к миру и суду Корана. По некоторым версиям, Аиша дала ему собственный экземпляр священной книги, чтобы он поднял ее над головой и заставил сражающихся остановиться. Но Ка'б почти сразу был убит стрелой.

Аиша сама отчаянно пыталась прекратить бегство и вновь собрать свои силы. Она громко и многократно кричала:

«О мои сыновья, стойте! Помните Всевышнего Аллаха и Суд!»

Когда это не остановило отступающих, она попробовала другой призыв - прокляла убийц Усмана и их сторонников. Воины подхватили проклятие почти как боевой клич и снова пошли в атаку. Словно полководец, раздающий распоряжения, Аиша посылала командирам приказы удерживать позиции.³⁸⁶

Ее войску отчаянно не хватало единого способного главнокомандующего. С самого начала ни Тальха, ни Зубайр не оказались вполне равными задаче. Рассказы о том, как они держались в этот день, несомненно, несколько пристрастны, но все же весьма нелестны и для их военных способностей, и для личной храбрости.³⁸⁷

Поэтому неудивительно, что самый ожесточенный бой вскоре сосредоточился вокруг самой Аиши и ее верблюда.

³⁸⁴ ат-Табари, I, 3218; ср. Caetani, op. cit., IX, 166 и сл.

³⁸⁵ ат-Табари, I, 3183; Ибн аль-Асир, III, 199; Ибн Асакир, VII, 84.

³⁸⁶ ат-Табари, I, 3211; Ибн Асакир, VII, 85.

³⁸⁷ ат-Табари, I, 3191, 3211 и сл.; Ибн аль-Асир, III, 201; Ибн Асакир, VII, 84 и сл.

Бесстрашная Мать верующих, с одной стороны, резко осуждала смуту и трусость,³⁸⁸ а с другой - продолжала возбуждать воинов к героическому сопротивлению боевыми кличами и воинственной поэзией. В этом она напоминала языческую «госпожу победы» доисламских времен: захват такой женщины в бою означал неминуемое поражение.³⁸⁹

Стрелы густо летели вокруг красного паланкина. Несколько отрядов превзошли остальных мужеством в его защите. Среди них были бану Дабба и их родственники бану Ади - род, к которому принадлежала семья Умара ибн аль-Хаттаба.³⁹⁰

Один за другим ее храбрые «сыновья» бросались к узде Аскара, защищая Аишу ценой собственной жизни и вызывая врага на бой с почти безумной отвагой. Многие - обычное число в источниках семьдесят - так и обрели героическую смерть в битве, которая с тех пор получила название Битвы верблюда.³⁹¹

Резня вокруг животного вскоре вошла в поговорку.³⁹² Среди погибших был Мухаммед, сын Тальхи.³⁹³

Абдаллах, сын Зубайра, вступил в личный поединок с полководцем Али Аштаром.³⁹⁴

Абдаллах выжил, но получил в тот день не меньше сорока ран.³⁹⁵

Али, поняв, какую роль играет Аиша, находящаяся на верблюде в самом центре сопротивления, приказал подрубить животному сухожилия.³⁹⁶ Аскар рухнул - и вместе с ним рухнули надежды Аиши. Ее личное мужество уже ничего не могло изменить. Битва была проиграна, а вместе с нею погибло и все ее дело.

³⁸⁸ Ср. Iqd, I, 39, 52.

³⁸⁹ Ср. Abbott, «Women and the State on the Eve of Islam», JASL, LVIII (1941), 262 и сл., 274, 280.

³⁹⁰ ат-Табари, I, 3177, 3196-3198, 3224; Iqd, II, 281, 47; аль-Масуди, IV, 326.

³⁹¹ ат-Табари, I, 3186; Ибн Са'д, IV(1), 27.

³⁹² Ср. Ибн Са'д, VII(1), 118 и сл.

³⁹³ ат-Табари, I, 3208, 3228; Ибн Са'д, V, 39.

³⁹⁴ Ибн Тагриберди, I, 117-119; ат-Табари, I, 3200, 3207; Ибн Халликан, Biographical Dictionary, пер. W. M. de Slane (4 т.; Париж, 1843-71), IV, 536.

³⁹⁵ ат-Табари, I, 3199 и сл.; Ибн Асакир, VII, 402.

³⁹⁶ ат-Табари, I, 3200; но см. там же, с. 3204, 3209; ад-Динавари, с. 160; ср. Della Vida, «Il Califato...», op. cit., с. 444 и сл.

Ее сторонники снова обратились в бегство; вскоре погибли и оба кандидата на халифат.

Тальха, пытавшийся покинуть поле поражения, был сражен стрелой. Предание утверждает, что ее намеренно пустил Марван, который считал Тальху отчасти виновным в убийстве Усмана и таким образом решил отомстить за халифа.³⁹⁷ То, что Марван был способен на подобный поступок, вполне вероятно. Но действительно ли он это сделал - спорный вопрос. В самих мусульманских источниках рассказ распространен широко,³⁹⁸ однако современные исследователи не без оснований подозревают в нем позднейшую антиомейядскую пропаганду.³⁹⁹

Зубайр, раненный в бою, отступил. Проезжая мимо лагеря Ахнафа ибн Кайса, он был узнан, после чего за ним последовали и вероломно убили.⁴⁰⁰

К концу сражения красный паланкин Аиши был настолько густо утыкан стрелами, что его сравнивали с ежом.⁴⁰¹ Сама она отделалась лишь несколькими легкими царапинами.⁴⁰²

После падения Аскара к ней поспешили брат Мухаммед, Аммар и еще несколько человек. Они отвязали паланкин от верблюда и вынесли его из толпы. Аммар, защищая «возлюбленную Мухаммеда» от оскорблений простонародья,⁴⁰³ все же воспользовался моментом, чтобы упрекнуть свою «Мать» за пролитую кровь ее «сыновей». Аиша в ответ заявила, что он ей больше не «сын».⁴⁰⁴

Вскоре к паланкину подошел сам Али и потребовал ответа за ту роль, которую она сыграла.

Аиша ответила с достоинством и сдержанностью:

³⁹⁷ ат-Табари, I, 3186; Ибн аль-Асир, III, 200; Ибн Са'д, III, 158 и сл.; там же, V, 26; Iqd, II, 279; Ansab, V, 126; аль-Якуби, II, 212; аль-Масуди, IV, 321; ад-Динавари, с. 159.

³⁹⁸ Например, Ибн Асакир, VII, 85, даже утверждает, что Марван сам признался в выстреле.

³⁹⁹ Например, Caetani, op. cit., IX, 81, 224.

⁴⁰⁰ ат-Табари, I, 3187 и сл.; Ибн аль-Асир, III, 200 и сл.; ад-Динавари, с. 157 и сл.

⁴⁰¹ ат-Табари, I, 3216 и сл.

⁴⁰² аль-Масуди, IV, 327; Iqd, II, 267.

⁴⁰³ Ибн Са'д, VIII, 44; ср. ат-Табари, I, 3217; ат-Тирмизи, XIII, 259.

⁴⁰⁴ ат-Табари, I, 3217, 3232 и сл.; Ибн аль-Асир, III, 213; ср. Ибн Ханбал, IV, 58; Caetani, op. cit., IX, 152.

«Ты победил - будь великодушен».⁴⁰⁵

Он был великодушен. Али приказал ее брату Мухаммеду позаботиться о ней. Тот отвез Аишу в Басру и поселил в доме Абдаллаха ибн Халафа. Как и многие племена, втянутые в эту борьбу,⁴⁰⁶ семья хозяина раскололась: часть сражалась за Аишу, часть - за Али.⁴⁰⁷

Некоторые ее сторонники, в том числе, по отдельным рассказам, Марван ибн аль-Хакам, также нашли в этом доме убежище.⁴⁰⁸

Узнав, что любимый племянник Абдаллах остался жив, Аиша обрадовалась настолько, что наградила принесшего известие поистине царским подарком.⁴⁰⁹ Абдаллах передал ей, где скрывается, и Аиша велела брату Мухаммеду безопасно доставить его к ней.⁴¹⁰

Подробные рассказы о следующих днях особенно подчеркивают великодушие Али к побежденным.⁴¹¹ В большинстве из них и Али, и Аиша изображены в очень выгодном свете. Многолетняя неприязнь между ними сведена к минимуму; оба будто бы стремятся похоронить прошлое и начать новые отношения.

Один источник утверждает даже, что Аиша предложила остаться при Али и сопровождать его в будущих походах против врагов.⁴¹²

Но почти несомненно, что внешняя дружелюбность диктовалась не столько сердцем, сколько здравым смыслом и политической необходимостью. Али, вероятно, потерял бы часть достигнутого, если бы попытался мстить Матери верующих, которая и без того лишилась своих кандидатов и главных сторонников - кто погиб, кто покинул ее.⁴¹³

⁴⁰⁵ ат-Табари, I, 3186; Ибн аль-Асир, III, 216; аль-Якуби, II, 213; Iqd, II, 252.

⁴⁰⁶ ат-Табари, I, 3182.

⁴⁰⁷ Там же, с. 3216, 3218, 3221, 3224 и сл.; ср. Ибн Асакир, VII, 65; Aghani, XIX, 154.

⁴⁰⁸ ат-Табари, I, 3221; Ибн аль-Асир, III, 213; аль-Масуди, IV, 331.

⁴⁰⁹ Ибн Асакир, VII, 402; Iqd, I, 45.

⁴¹⁰ ат-Табари, I, 3221; Ибн аль-Асир, III, 213.

⁴¹¹ ат-Табари, I, 3223-3227; аль-Масуди, IV, 331 и сл.; Iqd, II, 279 и сл.; Ибн Асакир, VII, 86.

⁴¹² аль-Масуди, IV, 331.

⁴¹³ Ср., например, Kamil, с. 577.

Аиша была достаточно практична, чтобы понять: время действенного сопротивления и открытого неповиновения прошло. Поэтому Али ограничивался лишь мягкими угрозами, когда она проявляла упрямство. Аиша, сталкиваясь с твердостью, сначала пыталась отвечать привычной вспыльчивостью, но, поняв, что это не помогает, приняла последствия поражения настолько достойно, насколько умела, и уступила поле победителю.

Как это происходило, показывает следующий эпизод. Детали, вероятно, были приукрашены первоначальным рассказчиком - Абдаллахом ибн аль-Аббасом, который сам, наряду с Али и Аишей, был одним из главных действующих лиц.

После того как брат Мухаммед увез Аишу обратно в Басру, Али направил к ней Абдаллаха с приказом возвращаться в Медину. Аиша отказалась его принимать. Тот все равно вошел и сам сел.

Она упрекнула его за то, что он без разрешения вторгся в ее дом.

«Твой дом - в Медине, - ответил Абдаллах. - Там тебе и следовало оставаться».

Затем он передал распоряжение Али. Аиша отказалась слушаться. Абдаллах не смягчал выражений. Аиша, доведенная до слез и видевшая, что выхода нет, все же сумела ударить мучителя острым языком.

«Да, я уеду, - воскликнула она, - потому что город, где живете вы, мне ненавистнее всего».⁴¹⁴

Сам Али, как уже говорилось, обращался с нею гораздо мягче. Он выделил ей значительные средства, богато снарядил в обратный путь и подготовил достойное сопровождение.

Для обратной дороги в Хиджаз Али выделил ей достойное сопровождение - и мужчин, и женщин. В день отъезда он сам пришел попрощаться.

В короткой прощальной речи Аиша вновь оказалась на высоте положения. Она призвала своих «сыновей» не хранить друг против друга злобы и не стремиться причинять друг другу вред. В качестве примера заверила: между нею и Али никогда не было настоящей личной ненависти - лишь обычные трения, какие порой

⁴¹⁴ Iqd, II, 282; аль-Якуби, II, 213; аль-Масуди, IV, 330 и сл.

возникают между женщиной и родственниками мужа. Она пошла еще дальше и засвидетельствовала его добрые качества.

Али, в свою очередь, подтвердил перед собравшимися, что она сказала правду, и благородно поддержал ее положение Матери верующих, назвав ее «женой вашего пророка в этом мире и в мире будущем».⁴¹⁵

Под защитой брата Мухаммеда Аиша покинула Басру в субботу, первого раджаба 36 года хиджры - 24 декабря 656 года. Она отправилась в Мекку, где осталась до ежегодного паломничества, а затем вернулась в свой дом в Медине.⁴¹⁶ Ей было немного за сорок. Возвращалась она разочарованной, но несомненно более мудрой женщиной.

III

Вопрос о том, насколько Аиша была ответственна и за убийство Усмана, и за последовавшую гражданскую войну, стал одним из самых живых и спорных сюжетов исламской исторической традиции.

Ее примирение с Али и его партией, по-видимому, побудило самого Али, некоторых его ближайших людей и позднейших шиитов возлагать главную ответственность за бедствия не столько на Аишу, сколько на ее советников - прежде всего на уже погибших Тальху и Зубайра; немалая доля обвинений доставалась и Абдаллаху ибн аз-Зубайру. Сам Али одним из первых повел рассуждение именно в эту сторону.⁴¹⁷

Его посланник мира Ка'ка после окончания боя утешал Аишу словами, что она - «лучшая из матерей, но мать, которую не послушались».⁴¹⁸

Аштар, прежде резко нападавший на ее племянника Абдаллаха и едва не убивший его в бою, последовал примеру своего повелителя и сделал примирительный жест: отправил Аише дорогого верблюда взамен погибшего Аскара. Однако этот подарок она так и не смогла принять.⁴¹⁹

⁴¹⁵ ат-Табари, I, 3186 и сл., 3228, 3231; аль-Масуди, IV, 334 и сл.; аль-Якуби, II, 213.

⁴¹⁶ ат-Табари, I, 3228, 3231; аль-Масуди, IV, 334.

⁴¹⁷ Iqd, II, 283; ср. там же, I, 336; ад-Динавари, с. 153.

⁴¹⁸ ат-Табари, I, 3221.

⁴¹⁹ Там же, с. 3200, 3227 и сл., 3162.

В то же время Аштар и Аммар лично посетили Аишу. Она упрекнула Аштара за намерение убить ее племянника и прочла обоим короткую нравоучительную проповедь, напомнив слова Мухаммеда: кровь человека дозволено пролить лишь за три преступления - прелюбодеяние, отступничество от веры и убийство.⁴²⁰

Абдаллах ибн аль-Аббас, который, как мы видели, не раз обменивался с Аишей резкими словами, теперь прямо сказал Абдаллаху ибн аз-Зубайру, что именно он, его отец и его дядя по матери Тальха вовлекли Мать верующих в гражданскую войну.⁴²¹

Даже Муавия, уже став халифом, обвинял Абдаллаха и весь род Зубайра в том, что они обманули Аишу.⁴²²

Много лет спустя, когда и Али, и Аиша уже умерли, Абдаллах ибн аз-Зубайр все еще сталкивался с тем же обвинением - теперь со стороны хариджитов-азарикитов, обсуждавших, стоит ли поддержать его как соперника непосредственных преемников Муавии. Эти люди считали: Аиша должна была оставаться дома, а не выходить на войну.⁴²³

Секта продолжала порицать ее поступок. Даже в третьем веке ислама встречаются свидетельства, что азарикиты публично проклинали ее наряду с Тальхой, Зубайром, Али и Усманом.⁴²⁴

Са'д ибн Аби Ваккас - высокочтимый сподвижник пророка, член совета, избравшего Усмана, и возможный претендент на халифат в случае его смещения - был потрясен убийством халифа.⁴²⁵

По его образному выражению, нечестивое дело было совершено «мечом, который обнажила Аиша, наточил Тальха и отравил Али».⁴²⁶

Са'д сознательно не приносил присягу Али до тех пор, пока избрание последнего не стало надлежащим образом признанным.

⁴²⁰ Ибн Ханбал, VI, 58; Ибн Халликан, IV, 536.

⁴²¹ соответствующий рассказ у автора; ср. Iqd.

⁴²² Iqd, соответствующее место, с. 139.

⁴²³ Там же, I, 262 и сл.; Kamīl, с. 606, 608.

⁴²⁴ ат-Табари, III, 1424; Ибн аль-Асир, VII, 52; Ибн Тагриберди, II, 49; ср. Kate Chambers Seelye, Moslem Schisms and Sects (Нью-Йорк, 1919).

⁴²⁵ ат-Табари, I, 2969 и сл., 2998, 3019, 3072 и сл.; ср. Iqd, II, 267, 273; Ибн Асакир, VI, 105.

⁴²⁶ Iqd, II, 267.

А когда присягу принес, позже отказался участвовать в восстании против него.⁴²⁷

Поэтому Са'д не участвовал ни в Битве верблюда, ни в битве при Сиффине, разразившейся несколько месяцев спустя между армиями Али и Муавии в 37/657 году.

Муавия тем временем подхватил знамя борьбы «за кровь Усмана» именно там, где потерпела поражение Аиша. На последовавшем знаменитом третейском разбирательстве Амр ибн аль-Ас перехитрил представителя Али - мягкого и подчеркнуто миролюбивого Абу Мусу, добившись того, что тот объявил Али отстраненным и предложил избрать новый совет.⁴²⁸

Али оспорил решение и отверг его, но само разбирательство открыло перед Муавией новые возможности. Теперь он уже сам стремился к халифату и старался привлечь к себе как можно больше влиятельных людей.

Он написал Са'ду, убеждая того не оставаться в стороне от дела Усмана - дела, ради которого боролись его товарищи Тальха и Зубайр и к которому поспешила Матерь верующих.

Са'д ответил: Муавия сам не принадлежит к числу людей, имеющих законное право претендовать на халифат, тогда как Али принадлежит; Тальхе и Зубайру было бы гораздо лучше оставаться дома; а что касается Матери верующих - «да простит ей Аллах то, что она сделала».⁴²⁹

Когда Аиша встретила Мугиру ибн Шу'бу, который, как говорилось выше,⁴³⁰ покинул ее дело и занял нейтральную позицию, она рассказала, как густо летели стрелы в ее паланкин в Битве верблюда и как некоторые даже царапали ей кожу.

«Вот бы Аллах сделал так, чтобы одна из них убила тебя!» - воскликнул Мугира.

«Да смиляется над тобой Аллах, зачем ты так говоришь?» - спросила Аиша.

«Может быть, это стало бы искуплением за твои нападки на Усмана».

⁴²⁷ ат-Табари, I, 3068, 2993; аль-Масуди, V, 43.

⁴²⁸ Ср. Wellhausen, Arab Kingdom and Its Fall, c. 91-93.

⁴²⁹ Iqd, II, 286 и сл.; аль-Якуби, II, 217.

⁴³⁰ См. выше в этой главе.

«Клянусь Аллахом, - ответила она, - ты говоришь это потому, что думаешь: Аллах знал, будто я желала его смерти. Но Аллах знал, что я желала сражения - и против меня сражались; желала стрельбы - и стреляли в меня; желала восстания - и против меня восстали. Если бы Аллах действительно знал, что я желала смерти Усмана, тогда убили бы и меня».⁴³¹

Амр ибн аль-Ас, хотя и имел собственные причины быть недовольным Усманом и поначалу с удовлетворением наблюдал за выступлениями Аиши против него, проявил политическую осторожность: когда дело дошло до убийства и гражданской войны, он занял нейтральную позицию и выжидал.⁴³²

После Битвы верблюда он объединился с Муавией против Али. Вероятно, именно в период напряженной войны и политического соперничества между Али и Муавией Амр сказал Аише:

«Хотел бы я, чтобы тебя убили в Битве верблюда».

Озадаченная Аиша спросила, зачем.

«Тогда ты умерла бы на вершине славы и вошла бы в рай, а мы объявили бы твою смерть самым позорным преступлением Али».⁴³³

Иными словами, Амр совершенно бесцеремонно говорил Аише: для дела Муавии - а значит, и для самого Амра - она принесла бы больше пользы мертвой, чем живой.

Существуют предания, по которым даже сторонники Аиши, а иногда и сама Аиша, будто бы принимали подобные оценки ее вины и ответственности. Так, сообщается, что Мухаммеда ибн Тальху спросили об убийстве Усмана, и он ответил: ответственность за его кровь делится на три части. Одна треть лежит на «той, что была в паланкине», то есть на Аише; другая - на «том, кто был на рыжем верблюде», то есть на его собственном отце Тальхе; третья - на Али.⁴³⁴

Однако несколько признаков показывают, что это, скорее всего, позднейшая выдумка алидского автора. Человек, задавший

⁴³¹ Iqd, II, 267; ср. аль-Балазури, Ansab, V, 101 и сл.

⁴³² ат-Табари, I, 3249-3254; ад-Динавари, с. 167 и сл.; аль-Якуби, II, 214-217; ср. Della Vida, «Il Califato...», op. cit., с. 453 и сл.

⁴³³ Kamil, с. 151.

⁴³⁴ ат-Табари, I, 3121.

вопрос Мухаммеду, назван «юношей из Джухайны». Услышав ответ, тот рассмеялся и сложил стих, заканчивавшийся строкой: «О первых двух ты сказал правду, но ошибся относительно сияющего третьего», - после чего ушел и присоединился к войску Али.

Между тем паланкин Аиши и рыжий верблюд Тальхи становятся устойчивыми образами лишь в связи с самой Битвой верблюда. Поэтому маловероятно, чтобы Мухаммед, погибший в бою у верблюда Аиши, называл ее «той, что была в паланкине», а собственного отца - «тем, кто был на рыжем верблюде».

Кроме того, возвышенные эпитеты в адрес Али получили распространение лишь на более позднем этапе формирования шиитской партии. Поэтому едва ли собеседник Мухаммеда мог тогда называть Али «сияющим» или «светозарным».

Наконец, сам Мухаммед ибн Тальха обычно изображается человеком благочестивым и богобоязненным. Такой человек вряд ли сражался бы до смерти за тех, кого сам считал виновниками преступления. Вероятнее всего, алидский автор решил придать обвинению Аиши и Тальхи особую силу, вложив его в уста человека столь набожного и столь близкого к обвиняемым.

Есть и другое предание. Аише приписывают слова:

«Не по собственному решению я вышла с этими людьми на войну».⁴³⁵

Якобы она сказала это в разгар Битвы верблюда, когда поняла, что ее сторонники разобщены и деморализованы. Если Аиша действительно произнесла подобную фразу, она могла относиться лишь к ее личному появлению непосредственно на поле боя. Как уже было показано, именно Ка'б ибн Сур уговорил ее выехать в боевые ряды в надежде остановить большое сражение.

Как бы ни оценивали друзья и враги ее вину в убийстве Усмана и как бы ни старались снять с нее основную ответственность за последовавшее восстание и гражданскую войну, сама Аиша, как уже отмечалось, неоднократно и решительно отрицала причастность к убийству, но мужественно принимала свою долю ответственности за войну.⁴³⁶

⁴³⁵ Iqd, I, 37; ср. там же, с. 336; аль-Масуди, IV, 335.

⁴³⁶ Ср. ответ Аиши Мугире и дальнейшее изложение у автора.

Ее ответ Мугире предельно ясно выражал позицию по обоим вопросам, но ничего не говорил о мотивах. Главной причиной своих действий Аиша много раз называла желание «исправить положение среди мусульман» - то самое стремление к примирению и порядку, которым она объясняла и критику Усмана, и восстание против Али.

Однажды, обращаясь к растерянным и не желавшим вмешиваться басрийцам, она рассуждала примерно так: неужели они думают, что она, порицавшая Усмана за его проступки, станет закрывать глаза на куда более тяжкие преступления его убийц?⁴³⁷

То обстоятельство, что одновременно она надеялась возвести на престол человека своего рода, само по себе еще не опровергает искренности заявленной цели. Среди ее современников были люди, одобрявшие ее действия и принимавшие ее объяснение. В последующие века находились и те, кто хотел следовать ее примеру,⁴³⁸ и те, кто продолжал защищать искренность ее мотивов.⁴³⁹

Аиша была слишком практичным человеком, чтобы нуждаться в Амре ибн аль-Асе или в ком-либо другом, кто объяснил бы ей очевидное: поражение в Битве верблюда стало переломным моментом ее политической карьеры.

По многим причинам она впоследствии вспоминала этот период с сожалением. Предприятие, сколь бы искренним и оправданным оно ни казалось ей самой, завершилось полной неудачей.

Оно привело к пролитию огромного количества мусульманской крови, к гибели некоторых из самых близких и дорогих ей людей и к потере значительной части ее собственного авторитета.⁴⁴⁰

Неудивительно, что порой Аиша говорила: лучше бы ей умереть не в Битве верблюда, а за двадцать лет до нее.⁴⁴¹

⁴³⁷ ат-Табари, I, 3159.

⁴³⁸ аль-Масуди, VI, 485.

⁴³⁹ ат-Тирмизи, XIII, 254 и сл.; маргинальный комментарий Ибн аль-Араби (ум. 543/1148).

⁴⁴⁰ ат-Табари, I, 3197, 3201; аль-Масуди, IV, 333 и сл.

⁴⁴¹ ат-Табари, I, 3221 и сл., 3236; аль-Балазури, Ansab, V, 101.

Неудивительно и то, что она плакала, читая коранические слова: «О жены Пророка... оставайтесь в своих домах».⁴⁴²

Этой бездетной вдове Мухаммеда приписывают и другую горькую фразу:

«Я предпочла бы остаться у себя дома и не отправляться в поход на Басру, даже если бы в обмен мне было суждено родить Мухаммеду десять благородных и героических сыновей».⁴⁴³

Большинство причин поражения смелого предприятия Аиши уже проявилось в ходе рассказа. Она не смогла преодолеть вековую привычку племен и родов оценивать любую ситуацию прежде всего с точки зрения собственной выгоды.

Она не получила безусловной поддержки двух главных Омейядов - Марвана и Муавии, которые при иных обстоятельствах должны были бы принять куда более деятельное участие в движении, провозглашавшем месть за кровь Усмана.

И в собственном лагере у нее были два конкурирующих претендента на верховное руководство - Тальха и Зубайр. Более того, даже ее семья была расколота: брат Мухаммед многими причислялся к убийцам Усмана и сражался в лагере Али против сестры.

Любимый племянник Аиши Абдаллах ибн аз-Зубайр гораздо больше соответствовал ее характеру и всей душой был предан делу. Но авторитет первых сподвижников пророка и членов избирательного совета был настолько велик, что Аиша не могла выдвинуть юного Абдаллаха впереди его отца Зубайра и родственника Тальхи - и тем более противопоставить его Али.

Но сверх всех этих причин неудачу Аиши в определенной мере следует связывать и с тем, что она была женщиной. При всей необыкновенной личной честолюбивости, огромной политической энергии и явном таланте к организации и пропаганде ей трудно было избежать судьбы курайшитки Хинд и тамимитки Саджах, которые примерно четверть века назад тоже потерпели политическое поражение.⁴⁴⁴

⁴⁴² Коран 33:33; ср. Ибн Са'д, VIII, 56.

⁴⁴³ Ибн Са'д, V, 1.

⁴⁴⁴ См. Abbott, «Women and the State on the Eve of Islam», op. cit., с. 269-278, 281-284.

Однако препятствия, стоявшие перед Аишей, были даже серьезнее тех, с которыми эти две деятельные женщины столкнулись в переходную эпоху от языческой Аравии к исламу.

На Аишу давил институт затворничества, первоначально введенный для гарема Мухаммеда и затем подкрепленный кораническим предписанием женам пророка оставаться в своих домах.⁴⁴⁵

Эти новые и чрезвычайно сильные аргументы противники Аиши использовали неоднократно и весьма эффективно. В некоторых отношениях они более чем уравнивали преимущества, которые давал ей высокий статус Матери верующих.

До и после Битвы верблюда над ее партией насмехались как над «партией, которую возглавляет женщина».⁴⁴⁶ После поражения один из ее собственных смертельно раненных сторонников жаловался, что его «обманула женщина, пожелавшая стать Повелителем верующих».⁴⁴⁷

Неприязнь части верующих к правлению и политическому руководству женщины была столь глубока, что вскоре нашелся человек, готовый утверждать: сам Мухаммед якобы осуждал власть женщины над народом.

Хотя предание существует в нескольких немного различающихся вариантах, по сути это одиночная линия передачи: все версии, по-видимому, восходят к одному человеку - Абу Бакре. Скорее всего, речь идет о вольноотпущеннике Мухаммеда Нафи ибн Масрухе, известном передатчике хадисов.⁴⁴⁸

Он утверждал, что Аллах уберег его от присоединения к войску Аиши, когда та пришла в Басру, напомнив ему слова Мухаммеда. Пророк, якобы услышав, что на персидский престол возведена царевна,⁴⁴⁹ сказал:

«Не преуспеет народ, который поручит свои дела женщине».⁴⁵⁰

⁴⁴⁵ Коран 33:33; ср. выше, с. 20-26 и 57 оригинала.

⁴⁴⁶ ат-Табари, I, 3185; Iqd, II, 169 и сл., 137; ср. также Якут, I, 646 и сл.

⁴⁴⁷ аль-Масуди, IV, 333 и сл.

⁴⁴⁸ Ибн Са'д, II, 114 и сл.; Isabah, III, 1178, № 8303; IV, 39.

⁴⁴⁹ Ср. Ибн аль-Асир, I, 363-365; Caetani, op. cit., II(1), 304.

⁴⁵⁰ аль-Бухари, IV, 376 и сл.; Ибн Ханбал, V, 38 и сл., 43, 47, 50, 51; ан-Насаи, Sunan (Каир, 1894), II, 305; ат-Тирмизи, Sahih, IX, 118 и сл.

Одна версия, хотя и восходит к тому же Абу Бакре, заметно отличается: в ней Мухаммед трижды повторяет: «Мужчины погибнут, если будут повиноваться женщинам».⁴⁵¹

В другом месте предпринималась попытка доказать, что Мухаммед, принимавший советы своих жен Хадиджи и Умм Саламы и положительно упоминавший в Коране правление царицы Савской, едва ли мог произнести подобные слова.⁴⁵²

Тем не менее предание получило чрезвычайно широкое признание и со временем стало одним из главных оснований политической дискриминации мусульманской женщины.⁴⁵³

Так завершилась эта чрезвычайно человеческая и чрезвычайно сложная история - военным и политическим поражением Аиши.

Но даже после столь полного краха энергичная Аиша еще около четверти века продолжала оказывать личное влияние на мусульманское государство и общество.

Это, однако, уже тема следующей главы.

⁴⁵¹ Ибн Ханбал, V, 45.

⁴⁵² См. Abbott, «Women and the State in Early Islam», *op. cit.*, с. 121-124.

⁴⁵³ Ср. аль-Маварди, *Kitab al-Ahkam al-Sultaniyah* (Каир, 1298 г. х.), с. 26.

Мудрец и святая в исламе

I

Хотя Аиша примирилась с Али и отошла от непосредственного участия в политической борьбе, Муавия продолжал поддерживать с ней связь и использовать ее прежнее восстание как довод в пользу собственного дела. Сама Аиша, которая едва ли могла оставаться равнодушной к продолжению гражданской войны, теперь уже между Муавией и Али, по-видимому, старалась, по крайней мере внешне, держаться нейтрально.

Муавия счел нужным послать к ней специального гонца, Зуфара ибн аль-Хариса, с известиями о битве при Сиффине (37 г. х./657 г.).⁴⁵⁴ Можно подозревать, что ни подробности, ни истинная цель этого послания не сохранились в источниках: едва ли Муавия стремился подробно рассказывать о почти состоявшемся поражении своей сирийской армии - поражении, которого удалось избежать лишь благодаря своевременной уловке: Кораны подняли на копьях и призвали решить спор между враждующими сторонами по Книге.

Хотел ли Муавия прямо или косвенно использовать Аишу в последовавшем арбитраже? Или он лишь стремился удержать ее от активной поддержки Али? Не могла ли Аиша в глубине души считать, что Муавия, действовавший особняком, нес хотя бы часть ответственности за ее собственное поражение и последующую утрату престижа? Какова же могла быть ее подлинная реакция на вести о Сиффине? На эти вопросы можно лишь строить предположения.

Источники сообщают только, что Зуфар известил ее о гибели ряда участников сражения, в том числе ее бывшего противника и ближайшего сподвижника Али - Аммара ибн Ясира, о котором Аиша теперь отзывалась с похвалой.

Не сохранилось и сведений о реакции Аиши на последовавший арбитраж, в ходе которого Абу Муса, представлявший сторону Али, оказался переигран Амром ибн аль-Асом. Однако отношение ее брата Абд ар-Рахмана, возможно, отражает и ее собственную

⁴⁵⁴ Ибн Асакир, *Tarikh al-Kabir* (Дамаск, 1329 г. х./1911 г. и далее), V, 376.

позицию, поскольку в политике и публичных выступлениях брат и сестра обычно поддерживали друг друга.

Абд ар-Рахман - как, впрочем, и сама Аиша - прекрасно понимал, что Муавия при содействии Амра добивается не только мести за кровь Усмана, но и самого халифата. Поэтому он относился с подозрением не только к мотивам арбитража, но и к самой его процедуре. Ему приписывают слова: «Если бы аль-Ашари, то есть Абу Муса, умер до этого, для него было бы лучше».⁴⁵⁵

Возможно, такая желанная смерть Абу Мусы оказалась бы лучше и для детей Абу Бакра. Великие амбиции и тщательно продуманные планы Муавии и Амра вскоре стоили жизни Мухаммеду ибн Аби Бакру, а его смерть принесла Аише и Абд ар-Рахману и горе, и унижение.

За службу Али Мухаммед наконец получил награду: тот назначил его наместником богатого и чрезвычайно желанного Египта.⁴⁵⁶ Но именно эту должность Амр заранее выговорил себе у Муавии. Поэтому он не стал терять времени и двинулся возвращать Египет.

В последовавшей военной борьбе неопытный Мухаммед, к тому же столкнувшийся с недовольством внутри собственной провинции, потерпел поражение. После разгрома на поле боя он скрылся, но был обнаружен и доставлен к Амру и его военачальнику Муавии ибн Худайджу.⁴⁵⁷

Именно последнего обычно называют человеком, отправившим беспомощного, но по-прежнему вызывающе державшегося Мухаммеда на смерть. Свой поступок он оправдывал возмездием за участие Мухаммеда в убийстве Усмана. Абд ар-Рахман, которого Аиша послала к Амру ходатайствовать за

⁴⁵⁵ Ибн Са'д, *Tabaqat* (9 т.; Лейден, 1905-1940), IV, 5; ат-Табари, *Tarikh* («Annales»), изд. de Goeje (15 т.; Лейден, 1879-1901), II, 84.

⁴⁵⁶ ат-Табари, I, 3245-3248; аль-Кинди, *Kitab al-Wulah wa-Kitab al-Qudah* («Наместники и судьи Египта»), изд. R. Guest (Лейден и Лондон, 1912), с. 26-31; Ибн Тагриберди, *Nujum* («Annals»), изд. W. Popper (Беркли, 1909 и далее), I, 120-128; ср. Della Vida, «Il Califato di Ali secondo il Katab Ansab al-Asraf di al-Baladura», *Rivista degli studi orientali*, VI (1913-1915), 498-503.

⁴⁵⁷ ат-Табари, I, 3390-3407.

брата, умолял сохранить Мухаммеду жизнь. Амр попытался удержать Муавию ибн Худайджа, но тот не послушался.⁴⁵⁸

Казнь была варварской. Сначала Мухаммеду пригрозили, что зашьют его в ослиную шкуру и зажарят заживо. Затем Муавия ибн Худайдж, потеряв терпение, убил его на месте. Но и после этого его ярость и жажда мести не были удовлетворены: тело завернули в ослиную шкуру и сожгли.⁴⁵⁹

Поражение и убийство Мухаммеда в сафаре 38 года хиджры (июль-август 658 года) означали, что Амр вновь завладел любимым Египтом, а Муавия одержал важное преимущество над своим противником Али. Для партии Мухаммеда и разных ветвей его семьи эта смерть стала потрясением и источником глубокого горя.

Али отлично понимал значение победы врага в богатом Египте, тем более что она последовала вскоре после загадочной смерти его военачальника Аштара, который направлялся туда, чтобы сменить Мухаммеда на посту наместника. Али скорбел по обоим, но особенно оплакивал своего «сына» Мухаммеда.⁴⁶⁰ Мать Мухаммеда Асма, бывшая в то время женой Али, также предалась безутешной скорби.⁴⁶¹

Когда известие об убийстве дошло до Аиши, она дала волю горю и гневу, проклиная виновников - Муавию и Амра.⁴⁶² Источник не уточняет, какого именно Муавию она имела в виду: Муавию ибн Аби Суфьяна, как полагает Ламменс,⁴⁶³ или Муавию ибн Худайджа, непосредственного убийцу Мухаммеда. Впрочем, Аиша вполне могла проклинать обоих.⁴⁶⁴

Что некоторое время Аиша питала к Муавии ибн Аби Суфьяну сильную неприязнь, показывает следующий эпизод. Во время своих паломничеств Муавия считал полезным лично навещать

⁴⁵⁸ ат-Табари, I, 3405; там же, II, 84; Ибн Тагриберди, I, 125; ад-Дамири, *Nayat al-Hayawan* (Каир, 1881), I, 343.

⁴⁵⁹ ат-Табари, I, 3405 и сл.

⁴⁶⁰ аль-Якуби, *Tarikh*, изд. Houtsma (2 т.; Лейден, 1883), II, 207.

⁴⁶¹ аль-Кинди, с. 31; Ибн Хаджар, *Kitab al-Isabah* (Калькутта, 1873), IV, 439.

⁴⁶² ат-Табари, I, 3406; Ибн аль-Асир, *al-Kamil fi al-Tarikh* («Chronicon»), изд. С. J. Tornberg (14 т.; Уппсала и Лейден, 1851-1876), III, 300; ср. Абу Закария Яхья ан-Навави, *Kitab Tahdhib al-Asma*, изд. Wüstenfeld (Гёттинген, 1842-1847), с. 110.

⁴⁶³ Lammens, «Mo'awia Ier», *MFOB*, II (1907), 3 и сл., прим. 8.

⁴⁶⁴ Ср. ат-Табари, II, 145; Ибн аль-Асир, III, 422.

Аишу. Он возглавлял хадж в 44-м и в 50-м или 51-м годах хиджры, а в 56-м совершил умру.⁴⁶⁵

Вероятнее всего, во время первого из этих визитов Аиша спросила его, не боится ли он входить в ее дом: ведь она могла приказать убить его в отместку за смерть брата. Ибн аль-Асир относит этот эпизод к 56 году хиджры,⁴⁶⁶ что выглядит крайне маловероятным, поскольку, как будет видно далее, задолго до этого Аиша и Муавия уже научились ладить друг с другом.

Однако даже скорбеть о брате спокойно и с достоинством Аише не позволили. Умм Хабиба, омейядская Мать верующих, и Наила, вдова Усмана, имели веские причины ненавидеть детей Абу Бакра. Первая была старой соперницей Аиши в гареме и ее противницей в защите Усмана; вторая считала Мухаммеда виновным в убийстве мужа.

Поэтому смерть Мухаммеда они отметили способом, напоминавшим о варварской расправе над ним: зажарили барана и послали его Аише с жестоким посланием: «Так был зажарен твой брат». Историк добавляет, что после этого Аиша «до конца жизни не могла есть жареное мясо».⁴⁶⁷

Каковы бы ни были подлинные чувства Аиши к Али и Муавии, с Али она сохраняла мир до конца его жизни. Однажды, когда ее спросили о практике пророка или правилах ритуального омовения, она направила спрашивающего к Али, сказав, что тот осведомлен об этом лучше нее. Время эпизода не указано, но именно этот период представляется наиболее вероятным.⁴⁶⁸

Когда в Медину пришла весть об убийстве Али в рамадане 40 года хиджры (январь 661 года), глубокая скорбь Аиши и ее публичный траур удивили присутствующих и убедили их в искренности ее чувств. Рассказывают, что она стояла у могилы Мухаммеда и перед собравшейся толпой, плача, перечисляла достоинства Али, особо подчеркивая кровное родство и узы любви, связывавшие пророка с его двоюродным братом и зятем.

⁴⁶⁵ аль-Якуби, II, 283; аль-Масуди, *Muruj al-Dhahab*, изд. С. Barbier de Meynard (9 т.; Париж, 1861-1877), IX, 57; ат-Табари, II, 94, 156.

⁴⁶⁶ Ибн аль-Асир, III, 422; ср. ат-Табари, II, 145, где эпизод связан со вторым из этих хаджей, хотя помещен в явно неподходящем контексте.

⁴⁶⁷ аль-Кинди, с. 30; Ибн аль-Асир, III, 300.

⁴⁶⁸ Ибн Ханбал, *Musnad* (6 т.; Каир, 1313/1895-1896), I, 113.

Хотя язык этой речи носит явный отпечаток позднейшего шиитского энтузиазма, вполне возможно, что в ее основе лежало какое-то реальное публичное выступление Аиши.⁴⁶⁹ Сообщение ат-Табари о ее первой реакции на известие, напротив, как будто указывает на чувство облегчения, которое, однако, она не захотела выражать открыто.⁴⁷⁰

Смерть Али и последующее соглашение между его сыном Хасаном и Муавией, оставившее последнего единственным и бесспорным халифом ислама (41/661), побудили даже такую крупную алидскую фигуру, как Абдаллах ибн аль-Аббас, прийти к соглашению с Муавией и Омейядами - соглашению, принесшему ему огромную сумму из басрийской казны.⁴⁷¹

Признание Муавии Аишей не требовало от нее подобной смены лагеря. Она сама была среди первых, кто потребовал мести за кровь Усмана, а этот лозунг сыграл одну из главных пропагандистских ролей в возвышении Муавии до халифата как родственника и мстителя за убитого халифа.

Тем не менее Муавия, прекрасно знавший человеческую природу, не ожидал ни восторженной поддержки своей политики, ни безоговорочного подчинения со стороны этой Матери верующих. За короткие пять-шесть лет, когда его собственные успехи были огромны, ее личные утраты оказались столь же значительными, только с обратным знаком.

Муавия, разумеется, не был человеком, который недооценивал бы политическую проницательность Аиши и ее способность нарушить сложившееся равновесие. Государственный расчет подсказывал ему добиваться ее дружбы и одобрения: то царским подарком, то лестной просьбой поделиться сведениями, то исполнением ее просьбы, то хотя бы видимостью того, что он прислушался к ее упреку.

Со своей стороны и Аиша умела вовремя оказывать услуги и прекрасно чувствовала, насколько далеко можно зайти в этой игре взаимных уступок с таким опытным мастером политики, как

⁴⁶⁹ Ибн Абд Раббихи, *Iqd al-Farid* (3 т.; Каир, 1293/1876), I, 382 и сл.

⁴⁷⁰ ат-Табари, I, 3466; Ибн аль-Асир, III, 331.

⁴⁷¹ Ср. Wellhausen, *The Arab Kingdom and Its Fall*, пер. Margaret Graham Weir (Калькутта, 1927), с. 104-112.

Муавия. Одним из наиболее действенных ее средств в этом условном сотрудничестве было признанное всеми красноречие.

Однажды Муавия спросил своего сводного брата Зияда, кого тот считает самым красноречивым человеком.

«Тебя, о Повелитель верующих», - ответил Зияд.

Но Муавия, слишком хорошо знавший, что его собственные дарования лежат в иной области, не позволил отделаться лестью и настоял на искреннем ответе.

«Раз уж ты настаиваешь, - сказал Зияд, - тогда это Аиша».

Муавия ответил: «Еще ни разу не случалось, чтобы я открыл тему, которую она хотела закрыть, и она не закрыла бы ее; и не случалось, чтобы я закрыл тему, которую она хотела открыть, и она не открыла бы ее».⁴⁷²

Не всегда можно определить, по какому поводу и в каком размере Муавия делал Аише подарки; едва ли и немногие зафиксированные источниками примеры дают полную картину этой стороны их отношений. Известно об одном или двух случаях, когда он посылал ей крупные суммы денег, часть или даже все из которых она, как утверждается, затем раздавала.⁴⁷³ Иногда его дары состояли из дорогой одежды или драгоценностей, которыми она, по-видимому, делилась со своими «сестрами».⁴⁷⁴

Аиша тоже могла делать Муавии подарки, хотя и иного рода. Однажды она послала ему тунику пророка.⁴⁷⁵

Но куда ценнее для Муавии, чем даже такая почитаемая реликвия, было участие Аиши в пропаганде, способствовавшей утверждению «усмановской легенды», столь непосредственно связанной с попытками Муавии обосновать свое право на халифат как наследника Усмана.

Вклад Аиши в это дело имел и отрицательную, и положительную сторону. Отрицательную - в том смысле, что она предпочитала умалчивать о родственных и духовных связях Али с Мухаммедом, особенно когда речь заходила о праве на преемство.

⁴⁷² Ибн аль-Джаузи, *Sifat al-Safwah* (4 т.; Хайдарабад, 1936-1937), II, 18; ср. Абу аль-Фарадж аль-Исфахани, *Kitab al-Aghani* (20 т.; Каир, 1285/1868), XXI, 14 и сл.

⁴⁷³ Абу Нуайм, *Hilyat al-Awliya* (10 т.; Каир, 1932-1938), II, 47; однако см. также там же, с. 49; Ибн Са'д, V, 18.

⁴⁷⁴ Абу Нуайм, II, 48; *Sifat al-Safwah*, I, 13 и сл.

⁴⁷⁵ Ср. Lammens, «Le "Triumvirat"...», *MFOB*, IV (1910), 121 и сл.

Положительную - в том, что она подчеркивала аналогичные связи между Мухаммедом и Усманом.

Предания сохраняют один весьма показательный пример. Нуман ибн Башир активно поддерживал усмановское дело и пользовался большим расположением Муавии. Именно он доставил Муавии послание Наилы после убийства Усмана. Он находился при Муавии и в битве при Сиффине. Когда после провала знаменитого арбитража боевые действия возобновились, Нуман снова сражался против Али.⁴⁷⁶

Однажды Муавия отправил через него послание Аише. Сам текст послания не сохранился. Однако в ходе беседы Аиша рассказала Нуману, что Мухаммед якобы прямо велел Усману не отказываться от должности, которую Аллах дарует ему. Когда ее спросили, почему она никогда не упоминала об этом прежде, она ответила, что совершенно забыла этот разговор и даже не вспоминала, что когда-либо его слышала.

Нуман пересказал разговор Муавии. Тот написал Аише и попросил изложить эти слова письменно; она так и сделала.⁴⁷⁷

Этот эпизод хорошо показывает, каким образом высказывания нередко приписывались Мухаммеду ради поддержки позднейшей политической цели. В данном случае знаменательный разговор между пророком и Усманом почти наверняка является поздней конструкцией. Вопрос лишь в том, кем и когда она была создана.

Возможны два варианта: либо рассказ возник среди Омейядов уже после смерти Аиши, либо был создан самой Аишей в сотрудничестве с Муавией. Второе представляется более вероятным, поскольку позволяло пустить предание в обращение именно тогда, когда оно могло принести наибольшую политическую пользу.

С точки зрения собственных интересов Аиши именно период после гибели Али был самым удобным временем, чтобы вдруг «вспомнить» такой рассказ. Совершенно неуместно было бы вспоминать его тогда, когда сама Аиша требовала отстранения Усмана, а тот неоднократно отказывался «сложить должность,

⁴⁷⁶ ат-Табари, I, 3070, 3255, 3444 и сл.

⁴⁷⁷ Ибн Ханбал, VI, 86 и сл., 149. Иные версии бесед Мухаммеда с Усманом см. там же, с. 52, 63, 75, 114, 214 и сл., 263.

дарованную ему Аллахом», употребляя почти те же слова, которые позднее были вложены в уста Мухаммеда.⁴⁷⁸

Не прибегала Аиша к этому преданию и в период собственного открытого восстания против Али. Маловероятно и то, что после поражения, но еще при жизни Али она стала бы вводить его в оборот исключительно ради пользы Муавии. Поэтому рассказ продолжал оставаться «совершенно забытым» до тех пор, пока не стал полезен в игре взаимных уступок между Аишей и теперь уже победившим, могущественным Муавией.

В это же время произошел другой характерный эпизод. Однажды Абдаллах ибн аль-Аббас, уже примирившийся с новой властью, увидел, как люди совершают молитву в необычное время дня. Он пришел к Муавии и потребовал объяснений, заявив, что никогда не видел, чтобы пророк совершал такую молитву или повелевал совершать ее.

Муавия ответил, что молитва совершается со слов Абдаллаха ибн аз-Зубайра. Вскоре явился сам Ибн аз-Зубайр, и ему задали тот же вопрос. Он сослался на Аишу, Матерь верующих, будто бы рассказавшую ему, что Мухаммед совершал эту молитву у нее дома.

Чтобы разрешить спор, Муавия отправил к Аише двух посланцев. Она ответила, что сама узнала об этой молитве от Умм Саламы и что Ибн аз-Зубайр запомнил ее слова неточно: да, она действительно говорила ему, что Посланник Аллаха совершал такую молитву, но пояснила, что это было продолжение более ранней обычной молитвы, которую в тот день пришлось прервать.⁴⁷⁹

Абдаллах ибн аз-Зубайр и представители семьи Али не раз сталкивались при дворе Муавии и в его присутствии. Однажды он и Хасан ибн Али вновь принялись перебирать старую вражду и гражданскую войну между Али, с одной стороны, и Аишей, Тальхой и Зубайром - с другой.

В словесную перепалку вмешался Абу Саид, племянник Али. Среди прочих насмешек и обвинений он попытался унизить дело Зубайридов тем, что его, мол, возглавляла женщина. Как и кем именно эти слова были переданы Аише, неизвестно.

⁴⁷⁸ Например, ат-Табари, I, 2997, 2989.

⁴⁷⁹ Ибн Ханбал, VI, 183 и сл., 303, 311.

Когда Абу Саид в следующий раз проходил мимо ее дома, она окликнула его и сурово отчитала за сказанное ее племяннику. Но Абу Саид оказался достаточно находчив, чтобы ответить ей остроумной репликой; в итоге Аиша рассмеялась, и неприятный эпизод был исчерпан.⁴⁸⁰

Аиша обладала редким умением одним своевременным поступком добиваться сразу нескольких целей. В начале своего правления, в 44/664 году, Муавия по важным политическим причинам решил признать законным происхождение Зияда ибн Абихи - «Зияда, сына своего отца», которого считали внебрачным сыном Абу Суфьяна и, следовательно, сводным братом Муавии.

Шаг был смелым, поскольку бросал тень на репутацию Абу Суфьяна. Муавии и Зияду пришлось подумать, как примирить с уже совершившимся фактом других членов семьи, включая их сводную сестру Умм Хабибу, вдову Мухаммеда.⁴⁸¹

И Омейяды, и люди за пределами рода были потрясены; некоторые отказались признать решение Муавии. Среди них оказался и брат Аиши Абд ар-Рахман.

Его вольноотпущенник Мурра, некогда попавший в плен при Басре, хотел добиться расположения Зияда, которого Муавия назначил наместником Басры. Он попросил Абд ар-Рахмана написать Зияду рекомендательное письмо. Тот согласился, но отказался адресовать его словами: «Зияду ибн Аби Суфьяну».

Мурра понял, что письмо без такого обращения скорее повредит, чем поможет его делу, и не стал им пользоваться. Вместо этого он обратился к Аише. До сих пор она осторожно, но многозначительно адресовала письма так: «От Аиши, Матери верующих, ее сыну Зияду».⁴⁸²

Теперь же она воспользовалась моментом, написала новое письмо и адресовала его: «Зияду ибн Аби Суфьяну».

Когда Мурра явился с этим письмом, Зияд пришел в восторг: значение такого обращения со стороны Аиши было ему прекрасно понятно. Он немедленно извлек из него максимум пользы -

⁴⁸⁰ *Iqd*, II, 47 и сл.

⁴⁸¹ аль-Якуби, II, 273; Ибн Халликан, *Biographical Dictionary*, пер. W. M. de Slane (4 т.; Париж, 1843-1871), IV, 249; Ибн аль-Асир, III, 369 и далее.

⁴⁸² Ибн аль-Асир, III, 372.

приветливо принял Мурру и попросил вслух прочитать обращение перед собравшимися людьми.

Таким образом он публично объявил, что сама Аиша, Матерь верующих, признала законность его происхождения. В награду за столь своевременную услугу Зияд охотно пожаловал вольноотпущеннику семьи Абу Бакра земельный участок в Басре.⁴⁸³ Одним ударом Аиша решила сразу три задачи.

Существует достаточно указаний на частую переписку между Аишей и Муавией, хотя далеко не всегда можно установить, когда и по какому поводу были написаны отдельные письма. Например, ей приписывают такое предупреждение Муавии: «Когда человек делает то, что ненавистно Аллаху, те люди, которые прежде хвалили его, затем станут его порицать. Прощай».⁴⁸⁴

Что именно вызвало эту записку, неизвестно. Возможно, она была связана со следующим эпизодом, а возможно, и нет.

Киндит Худжр ибн Ади⁴⁸⁵ принадлежал к тем куфийцам, которые еще при Усмани протестовали против правления Саида в Куфе. Позднее он продолжал активную оппозицию Усману, а затем занял видное место в окружении Али, чьему делу был безоговорочно предан.

После победы Муавии положение Хужра и людей сходных убеждений стало весьма непрочным. Многие приспособились к новой власти, а немало людей просто перешли в лагерь победителя. Среди последних оказался Зияд ибн Абиhi: бывший сторонник партии Али превратился в Зияда ибн Аби Суфьяна и вошел в политический лагерь Муавии.

Но его прежний политический товарищ и друг Хужр последовать этому примеру отказался.

Мугира, наместник Муавии в Куфе, не собирался облегчать жизнь ши'а - партии Али. Хужр, которого вскоре стали считать одним из ее руководителей, выступал против несправедливого отношения нового режима к своим единомышленникам и начал возбуждать недовольство в Куфе.

⁴⁸³ Ибн Са'д, VII(1), 71; аль-Балазури, *Futuh al-Buldan*, изд. de Goeje (Лейден, 1886), с. 360 и сл.

⁴⁸⁴ *Iqd*, I, 24; *Sifat al-Safwah*, II, 15.

⁴⁸⁵ ат-Табари, II, 111-155; Ибн аль-Асир, III, 392-408; Ибн Са'д, VI, 152 и сл.; *Aghani*, XVI, 2-11.

Его противники обращались к престарелому Мугире с жалобами. Однако тот, чувствуя близость собственной смерти, предпочел, чтобы ответственность за кровь Хужра и его друзей легла не на него, а на следующего наместника. Ирония заключалась в том, что этим преемником оказался старый друг Хужра - Зияд.

Едва Зияд вступил в должность наместника Куфы, он занялся делом Хужра. Он вызвал его к себе и сначала дал дружеское предупреждение. Вся его прежняя любовь к Али, сказал Зияд, теперь превратилась в ненависть, а вся прежняя ненависть к Муавии - в любовь.

Он напомнил об их старой дружбе и выразил желание сохранить ее, если Хужр прекратит политическую деятельность. Хужр обещал не причинять ему беспокойства.

Но Зияд управлял одновременно Куфой и Басрой, а потому делил время между двумя провинциями и на время отсутствия оставлял в каждой заместителя. Именно во время одного из его отъездов Хужр, по-видимому, стал еще резче возмущаться обращением с шиитами и смелее обличать усмановско-омейядский режим.

Вскоре вокруг него собралось столько сторонников, что Зияд, опасаясь начала крупного восстания, решил действовать быстро. После беспорядков и столкновений Хужра арестовали. На него вновь попытались надавить, требуя отказаться от верности Али и порвать связи с ши'а. Он отказался.

Муавия, которому регулярно сообщали о развитии событий, распорядился доставить Хужра и главных его сторонников в Сирию. Некоторое время он колебался между казнью и помилованием пленников, не будучи уверен, какой выбор лучше послужит его интересам. Он написал об этом Зияду.

Ответ был категоричен: ни при каких условиях возвращать пленников в Куфу нельзя; Зияд снова настойчиво советовал их казнить. В конце концов Муавия так и поступил.

Для Аиши это новое волнение в мусульманской державе во многом напоминало провинциальные кризисы эпохи Усмана. Однако ее собственное положение теперь было иным, и перемена ясно отразилась на ее поведении.

Она чувствовала себя достаточно влиятельной, чтобы обратиться к Муавии с просьбой пощадить обвиняемых, но письмо пришло слишком поздно.⁴⁸⁶ Когда Аиша узнала о массовой казни Хужра и по меньшей мере шести его ближайших сторонников, она уже не считала себя в положении, позволяющем действовать открыто.

Ее реакцию передают так: «Если бы не то, что, изменяя одно, мы всякий раз приходим к положению еще худшему, чем прежде, мы непременно потребовали бы возмездия за кровь Хужра. Насколько я знаю, он был добрым мусульманином, совершавшим хадж и умру».⁴⁸⁷

Казнь датируют по-разному - от 50 до 53 года хиджры,⁴⁸⁸ хотя ряд обстоятельств указывает скорее на 50 или 51 год. Зияд стал наместником Басры в 50 году и явно не стал медлить с устранением Хужра.

Во время второго паломничества Муавии, состоявшегося в 50 или 51 году, Аиша прямо спросила его: «О Муавия, разве ты не боялся Аллаха, когда убивал Хужра и его товарищей?»

«Не я их убил, - ответил Муавия, - а те, кто свидетельствовал против них»; по другой версии: «Со мной не оказалось человека, который наставил бы меня на верный путь».⁴⁸⁹

Историки часто добавляют, что позднее Муавия возлагал вину за эту казнь на Зияда и до конца жизни сожалел о содеянном.⁴⁹⁰

В последнее десятилетие своего правления Муавия особенно активно стремился обеспечить престол своему сыну Язиду. Сначала он готовил почву осторожно и тайно, пока не убедился, что достаточно друзей и сторонников готовы публично поддержать этот шаг.

Однако Муавии предстояло преодолеть сопротивление не только среди других ветвей Омейядов. Одним из первых протестовал Марван ибн аль-Хакам,⁴⁹¹ хотя позднее и его удалось склонить на сторону нового порядка.

⁴⁸⁶ ат-Табари, II, 145; Ибн Са'д, VI, 152 и сл.; *Aghani*, XVI, 11.

⁴⁸⁷ См. предыдущие ссылки на ат-Табари и *Aghani*.

⁴⁸⁸ аль-Масуди, V, 15-17; аль-Якуби, II, 275, 283.

⁴⁸⁹ ат-Табари, II, 145, 116; аль-Якуби, II, 275.

⁴⁹⁰ ат-Табари, II, 116 и сл., 146; *Aghani*, XVI, 11.

⁴⁹¹ аль-Масуди, V, 69-73; *Aghani*, XII, 72-74; XVIII, 71; ср. Lammens, «Le Califat de Yazid Ier», *BMFO*, V (1912), 96-104.

Гораздо больше усилий Муавия приложил к тому, чтобы либо запугать, либо переубедить представителей второго поколения мусульман - людей, которые благодаря родству с Мухаммедом, первыми четырьмя халифами и членами избирательного совета сами считали себя, либо считались в глазах мусульман, законными кандидатами на халифат.

К ним относились Абд ар-Рахман ибн Аби Бакр, Хусайн ибн Али и три Абдаллаха - Абдаллах ибн Умар, Абдаллах ибн аль-Аббас и Абдаллах ибн аз-Зубайр.⁴⁹²

Естественно, Аишу особенно интересовали судьба и позиция первого и последнего из названных: они были соответственно ее родным братом и любимым племянником, и оба разделили ее поражение в Битве верблюда. Однако источники не сохранили сведений о том, что она пыталась первой выступить в их защиту, хотя оба открыто возражали против выдвижения Язида наследником.

Абд ар-Рахман отказался подчиниться, когда Марван, наместник Муавии в Медине, призвал жителей Хиджаза принести присягу Язиду как наследнику. Более того, он противопоставил действия Муавии примеру собственного отца Абу Бакра, который не передал власть сыновьям, а назначил своим преемником Умара.

Он обвинил Муавию в попытке создать наследственную династию по образцу византийцев и персов, передававших власть от отца к сыну.

Марван попытался дискредитировать Абд ар-Рахмана, бросив тень и на его веру, и на почтительность к родителям. Он воскликнул, что именно о нем якобы был ниспослан коранический стих: «А тот, кто сказал своим родителям: “Тьфу на вас! Неужели вы обещаете мне, что я буду выведен из могилы, тогда как поколения до меня уже прошли?”»⁴⁹³

Для Аиши это было уже слишком. Она громко крикнула Марвану: «Неужели ты говоришь это об Абд ар-Рахмане? Клянусь Аллахом, ты лжешь! Этот стих относится не к нему. Если хочешь, я назову человека, о котором он был ниспослан. Но я свидетельствую, что слышала, как Посланник Аллаха проклинал

⁴⁹² ат-Табари, II, 175 и сл., 196 и сл.; *Iqd*, II, 303; однако ср. Wellhausen, *op. cit.*, с. 144.

⁴⁹³ Коран 46:17; ср. Richard Bell, *The Quran* (Эдинбург, 1939), II, 509 и сл.

твоего отца, когда ты еще находился в его чреслах, а значит, и ты сам включен в проклятие Аллаха».

Похоже, этим всплеском она не ограничилась. Сообщают, что Аиша пригрозила публично выступить против Марвана в пятницу, когда в мечети собиралось особенно много людей. Марван встревожился и позднее попытался умиротворить ее извинениями. Он даже поклялся не вести молитву, пока она не пообещает не нападать на него публично; такое обещание ему в конце концов удалось получить.⁴⁹⁴

Позднее, когда в 56/675 году Муавия сам прибыл в Медину, чтобы добиться признания Язида наследником, он, как сообщается, безуспешно пытался подкупить Абд ар-Рахмана.⁴⁹⁵

Но даже тогда Муавия понимал, что в действительности тот был наименее опасным из противников его сына: репутация Абд ар-Рахмана как любителя удовольствий и женщин не ускользнула от наблюдательного халифа.⁴⁹⁶

Тем не менее внезапная смерть Абд ар-Рахмана несколько упростила положение. Дату его смерти приводят по-разному - 53, 55 или 56 год хиджры. Однако говорится также, что он умер за год до Аиши; поэтому последняя дата, хорошо согласующаяся с упомянутыми событиями, выглядит наиболее вероятной.⁴⁹⁷

Связана ли его смерть каким-то образом с тем, что в том же году Аиша дружелюбно приняла Муавию, когда он обсуждал с ней вопрос о наследовании власти, сказать трудно.

Похоже, она знала, что Муавия подумывает о жестких мерах против главных противников его плана. Поэтому Аиша прежде всего произнесла перед ним красноречивое нравоучение, тогда как Муавия уверял, что слишком высоко ценит этих людей, чтобы убивать их. Вместе с тем он жаловался на их сопротивление и указывал, что и он сам, и многие другие уже принесли Язиду присягу, а значит, отменить свершившееся невозможно.

Аиша, несомненно прекрасно понимая, что Муавия твердо решил осуществить свой замысел и располагает средствами для

⁴⁹⁴ *Iqd*, II, 303; *Aghani*, XVI, 94; Ибн аль-Асир, III, 419 и сл.; *Isabah*, II, 979 и сл.

⁴⁹⁵ *Isabah*, II, 980; ан-Навави, с. 378.

⁴⁹⁶ ат-Табари, II, 196 и сл.; ад-Динавари, *Akhbar al-Tiwal*, изд. Vladimir Guirgass (Лейден, 1888), с. 238 и сл.; ср. выше, с. 89 и сл. оригинала.

⁴⁹⁷ *Isabah*, II, 980 и сл.; ан-Навави, с. 378; *Aghani*, XIV, 70.

этого, благоразумно посоветовала ему проявить терпение и снисходительность: тогда, сказала она, противники в конце концов сделают то, чего он хочет.⁴⁹⁸

Сохранился еще один эпизод прямого общения между Аишей и Муавией. Он связан с продажей одного из принадлежащих ей помещений, примыкавших к Мечети Пророка.

Покупателем называют Муавию, хотя другие источники утверждают, что помещение приобрел ее племянник Абдаллах, который, по иной версии, впоследствии «унаследовал» его от нее. Путаница, по-видимому, возникла потому, что к этому времени Аише принадлежали уже два таких помещения: Сауда, умершая в 54/674 году, завещала ей свое.

Именно это второе помещение Аиша продала Муавии за щедрую сумму в 180 000 или 200 000 дирхамов, сохранив за собой право пользоваться им до конца жизни.⁴⁹⁹

При этом у нее оставалось собственное первоначальное жилье. Вероятно, именно его впоследствии купил Абдаллах за столь огромную наличную сумму, что деньги пришлось перевозить на пяти верблюдах. И он также оставил Аише право пользоваться домом до смерти.⁵⁰⁰

Ламменс видит в покупке Муавии «замаскированную щедрость».⁵⁰¹ Абдаллаху же не было никакой нужды маскировать щедрость по отношению к своей тетке Аише: она продолжала жить в своем доме, а в завещании передала его ему.⁵⁰² Поэтому эта «продажа» скорее напоминает своего рода внешнее соперничество с Муавией.

Точная дата ни одной сделки не указана, но обе, вероятно, относятся ко времени последнего визита Муавии в Медину.

Похоже, в местной политике Медины Аиша уже почти не участвовала открыто. Ее влияние действовало через другие каналы, о которых еще будет сказано. И все же было несколько

⁴⁹⁸ Ибн аль-Асир, III, 422; ср. Ибн Кутайба (псевд.), *Kitab al-Imamah wa al-Siyasah* (Каир, б. г.), I, 133.

⁴⁹⁹ Ибн Са'д, VIII, 118; Caetani, *Annali dell'Islam* (10 т.; Милан, 1905-1926), I, 379, прим. 1; ср. Абу Нуайм, II, 47, 49.

⁵⁰⁰ Ибн Са'д, там же.

⁵⁰¹ Lammens, «Mo'awia Ier», *op. cit.*, с. 110.

⁵⁰² Ибн Асакир, VII, 400, 402.

случаев, когда она вновь оказывалась в центре общественного внимания.

Один из них связан со смертью Хасана ибн Али. Ее относят к 49, 50 или 51 году хиджры, но вероятнее всего это был 50-й или 51-й год, поскольку Хасан умер уже после казни Хужра ибн Ади, самой ранней датой которой считается 50 год.⁵⁰³

Во время последней болезни Хасан выразил желание быть похороненным рядом со своим дедом, пророком Мухаммедом. Поскольку Мухаммед покоем в помещении Аиши, считалось, что для исполнения этого желания требуется ее согласие.

Рассказывают, что брат Хасана Хусайн добился такого согласия, и после смерти Хасана погребальная процессия двинулась к гробнице пророка.

Однако ее остановили Марван ибн аль-Хакам и Саид ибн аль-Ас, занимавший тогда пост наместника Медины. Они утверждали, что такое погребение может вызвать гражданскую войну.

Нетрудно понять, почему эти двое, представлявшие омейядские интересы, возражали: погребение рядом с пророком окружило бы сына Али тем же ореолом святости, который уже окружал Мухаммеда, Абу Бакра и Умара, чьи останки покоились в этом освященном месте в доме Аиши, входившем в комплекс священной Мечети Пророка.

Но трудно представить, что Аиша с самого начала действительно дала согласие на такое погребение. Другая версия эпизода лучше согласуется с ее общим характером.

Согласно ей, Аиша, верхом на серой мулице, выехала навстречу похоронной процессии и заявила: «Это мой дом. Я не разрешаю хоронить в нем никого».

В огромной толпе начались волнения, и возникла опасность серьезного столкновения. Тогда к Аише подошел ее молодой племянник Касим, сын Мухаммеда ибн Аби Бакра, и сказал: «Тетушка, мы еще не успели отмыть головы после Битвы красного верблюда. Неужели ты хочешь, чтобы теперь люди заговорили о Битве серой мулицы?»

⁵⁰³ ат-Табари, II, 143, 144; III, 2323 и сл.; Ибн аль-Асир, III, 383; аль-Якуби, II, 267; ср. выше, с. 193 оригинала.

После этих слов она вернулась домой. А вскоре, благодаря действиям Марвана и Саида, процессия направилась на мусульманское кладбище аль-Баки.⁵⁰⁴

Другим публичным эпизодом в Медине, где Аиша сыграла заметную роль, вновь стали похороны - на этот раз Са'да ибн Аби Ваккаса, знаменитого сподвижника, который отказался участвовать в гражданских войнах и в свое время возлагал на Аишу часть ответственности за гибель Усмана.⁵⁰⁵

Но и здесь, как в отношениях с Али и Муавией, она, по-видимому, была готова оставить прошлое в прошлом.

Са'д умер, вероятнее всего, в 55 году хиджры в местности примерно в семи-десяти милях от Медины, однако тело привезли в город для погребения.⁵⁰⁶

Аиша и остальные вдовы Мухаммеда попросили родственников покойного принести носилки с телом в мечеть, чтобы они могли совершить над ним молитву. Так и сделали.

Это вызвало возражения: некоторые считали, что тело нельзя вносить в мечеть. Аиша резко ответила критикам и напомнила, что сам Мухаммед совершал в мечети погребальную молитву над телом одного из сподвижников.⁵⁰⁷

В третий раз Аиша вмешалась, чтобы обеспечить справедливое исполнение завещания своей «сестры» Сафии, умершей в 50 или 52 году хиджры (670 или 672 год). Вдова Мухаммеда завещала треть своего значительного имущества племяннику. Но поскольку тот был иудеем, нашлись люди, пожелавшие признать завещание недействительным.

Когда дело дошло до Аиши, она велела исполнителям соблудности волю покойной. Они подчинились.⁵⁰⁸ Возможно, на них подействовала ее верность желанию бывшей соперницы, которая к тому же когда-то выступала против Аиши в деле Усмана.⁵⁰⁹

Хотя политическое влияние Аиши в этот период заметно ослабло, ее положение в мусульманском обществе в целом

⁵⁰⁴ аль-Якуби, II, 267; Ибн аль-Асир, III, 383.

⁵⁰⁵ Ср. выше, с. 167 оригинала.

⁵⁰⁶ Ср. ан-Навави, с. 276; *Isabah*, II, 162 и сл.

⁵⁰⁷ Ибн Са'д, III(1), 104 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 169; *Sifat al-Safwah*, I, 140.

⁵⁰⁸ Ибн Са'д, VIII, 92.

⁵⁰⁹ Ср. выше, с. 122 оригинала.

постепенно приобрело величие, соответствовавшее и ее особой связи с Мухаммедом, и ее живому уму и богатому жизненному опыту, и уважению, которое внушал ее преклонный возраст.

Мужчины и женщины всех сословий приезжали к Матери верующих издалека, чтобы слушать ее, задавать вопросы и получать наставления. Простые люди просили ее молитв или совета в личном, семейном либо денежном деле.⁵¹⁰ Знатные и влиятельные мужчины искали ее совета или общества,⁵¹¹ а курайшиты считали своим долгом навещать ее во время ее приездов в Мекку.⁵¹²

Женщины приходили слушать передаваемые ею предания, просить помощи в сложных семейных вопросах⁵¹³ или даже получать наставления о том, как следует одеваться женщине и пользоваться косметикой.⁵¹⁴

Неудивительно, что в длинном перечне тех, кто слушал Аишу и передавал услышанное от нее, встречаются имена крупнейших ранних мусульманских традиционалистов.⁵¹⁵

Сама она стоит в одном ряду с ведущими передатчиками мединской школы - Абу Хурайрой, Ибн Умаром и Ибн аль-Аббасом.⁵¹⁶ Ей приписывают 2210 преданий, причем 1210 из них якобы были непосредственно услышаны от Мухаммеда.⁵¹⁷

Нельзя полностью исключить, что в отдельных случаях, когда на карту ставилось нечто, казавшееся ей особенно важным, Аиша могла приписывать Мухаммеду удобные слова. Но куда вероятнее, что позднее другие люди, преследуя собственные цели, вкладывали нужные выражения уже в уста самой Аиши - как это происходило и с большинством других выдающихся сподвижников.

То, что образованные мусульмане хорошо понимали, насколько плодородной почвой являлась традиция для

⁵¹⁰ *Aghani*, XXI, 276; Ибн Ханбал, VI, 246; аль-Байдави, *Anwar al-Tanzil*, изд. Fleischer (2 т.; Лейпциг, 1846-1848), I, 100.

⁵¹¹ Ибн Са'д, VI, 49, 202.

⁵¹² Там же, V, 341 и сл., 329.

⁵¹³ Там же, с. 218; ср. Якут, *Mu'jam al-Buldan*, II, 228.

⁵¹⁴ Ибн Са'д, VIII, 358; Ибн Ханбал, VI, 272.

⁵¹⁵ Ибн Са'д, VIII, 49 и сл., 352, 358; Ибн Ханбал, VI, 210.

⁵¹⁶ Ср. *Isabah*, IV, 694 и сл.; ан-Навави, с. 849.

⁵¹⁷ ан-Навави, с. 849; ср. Lammens, «Mo'awia Ier», *MFOB*, III, 208 и сл.

позднейших подделок, ясно видно из работы великих собирателей хадисов - аль-Бухари и Муслима. Они отбросили огромную часть колоссального массива преданий, находившихся в обращении.

Так, в случае Аиши из 1210 сообщений, якобы услышанных ею непосредственно от Мухаммеда, оба признали достоверными лишь 174. Еще 54 принял отдельно аль-Бухари, а 68 - Муслим.⁵¹⁸

Нет сомнения, что подавляющее большинство вопросов, задававшихся Аише, касалось предполагаемых высказываний Мухаммеда и подробностей его общественной и частной жизни.

Показательно, что спрашивавшие нередко использовали Аишу и ее главную соперницу по гарему в области преданий - Умм Саламу - как взаимную проверку и источник подтверждения слов друг друга.⁵¹⁹

У двух Матерей верующих наверняка было немало поводов дополнять, а иногда и прямо опровергать одна другую, особенно когда речь шла об Али и членах его семьи, поскольку Умм Салама последовательно придерживалась проалидской позиции.

В таких случаях слушатели либо судили сами, либо следовали собственным симпатиям, отдавая предпочтение одной из версий.

Тем не менее по множеству вопросов их рассказы совпадали. Перед таким совпадением даже Абу Хурайре приходилось признавать, что женщины осведомлены лучше него,⁵²⁰ а Ибн аль-Аббас был вынужден действовать в соответствии с их решением.⁵²¹

Бывали, конечно, случаи, когда именно Аиша по собственной инициативе или по просьбе других подтверждала либо опровергала предания, распространяемые кем-то еще.

Однажды она поправила Ибн Умара, и тот молча принял исправление.⁵²² В другой раз тот же Ибн Умар взял своего товарища-традиционалиста Абу Хурайру за руку и привел к Аише,

⁵¹⁸ ан-Навави, с. 849; ср. Ибн Ханбал, VI, 29-282, где собран *ее* *musnad*- корпус преданий, приписываемых Аише.

⁵¹⁹ Ср. Ибн Ханбал, VI, 296, 299, 301, 311, а также выше, с. 187 и сл. оригинала.

⁵²⁰ Ибн Ханбал, VI, 312.

⁵²¹ ан-Навави, с. 387.

⁵²² Ибн Ханбал, VI, 55; аль-Бухари, *Sahih*, изд. Krehl (4 т.; Лейден, 1862-1908), I, 443 и сл.; ат-Табари, I, 1765 и сл.

чтобы она подтвердила или отвергла сообщение, которое тот передавал. На этот раз Аиша подтвердила слова Абу Хурайры.⁵²³

Но в другом случае она обвинила его в том, что он повторяет то, чего на самом деле не слышал. Абу Хурайра ответил, что пока он занимался собиранием преданий, она была занята собственным туалетом.⁵²⁴

Аиша, несомненно, хорошо знала многие откровения Мухаммеда, особенно те, которые непосредственно касались гарема. Однако утверждение, будто уже при жизни пророка она знала наизусть все ниспосланные ему откровения - то есть весь Коран, - является попыткой позднейших почитателей возвысить религиозный и интеллектуальный статус к тому времени уже почти священной Аиши.

Аиша так и не научилась писать, хотя, по некоторым сведениям, умела читать.⁵²⁵ Существуют предания, восходящие к самой Аише, которые указывают на то, что в молодости ее знание коранического текста было еще ограниченным.

Рассказывая историю клеветнического обвинения, связанного с ней и молодым Сафваном, она вспоминала, как неверно процитировала один коранический стих, а затем объяснила пропуск тем, что в ту пору была еще юной девушкой и не успела много читать или читать наизусть из Корана.⁵²⁶

В другом случае Аиша рассказывала, как они - то есть женщины в гареме - соблюдали предписания, вводившиеся очередным откровением, не обязательно запоминая при этом сам текст.⁵²⁷

Немногочисленные сообщения о том, что Аиша делала незначительные поправки в усмановском тексте,⁵²⁸ вполне согласуются с этими ее собственными свидетельствами.

⁵²³ Ибн Са'д, IV(2), 57 и сл.

⁵²⁴ Там же, II(2), 119; *Isabah*, IV, 394.

⁵²⁵ аль-Балазури, *Futuh*, с. 472.

⁵²⁶ аль-Бухари, III, 107; аль-Вакиди, *Kitab al-Maghazi*, пер. Wellhausen (Берлин, 1882), с. 187; ср. выше, с. 35 оригинала.

⁵²⁷ *Iqd*, I, 209.

⁵²⁸ Ибн Ханбал, VI, 73, 95, 178; ад-Дани, *Muqni'*, изд. Otto Pretzl (Стамбул, 1932), с. 126-129; Nöldeke и др., *Geschichte des Qorans* (2-е изд.; Лейден, 1937), II, 47, 53 и сл., 163, прим. 2; Ignaz Goldziher, *Die Richtungen der islamischen Koranauslegung* (Лейден, 1920), с. 14, 27, 32, 35, 50, прим. 2; Jeffery, *Materials for the History of the Text of the Quran* (Лейден, 1937), с. 231-233; арабский текст - с. 83-85.

С другой стороны, есть достаточно оснований полагать, что в более поздние годы у Аиши, как у Хафсы и Умм Саламы, имелся собственный список - возможно, даже несколько списков - коранического текста, по всей вероятности уже стандартной усмановской редакции.⁵²⁹

О том, что она была знакома с очень значительной частью Корана, если не со всем его содержанием, свидетельствует легкость, с которой она цитировала аяты и в публичных речах, и в частных разговорах.

Прекрасная память Аиши не менее успешно служила ей и в области поэзии, что уже проявилось во многих приведенных выше эпизодах. Сама она не была поэтессой в творческом смысле, однако обладала истинно арабской страстью к тому виду словесного искусства, который тогда был любимой формой литературного выражения народа.

Ее знакомство с огромным поэтическим наследием арабов и легкость, с которой она пользовалась стихами, вызывали восхищение слушателей.⁵³⁰ Это, несомненно, было одной из составляющих того красноречия, которым Аиша прославилась.⁵³¹

Похоже, она также восприняла и сохранила немалую долю знаний своего отца в области арабской истории и родословий.⁵³² К ее интеллектуальным навыкам относили и некоторые практические познания в медицине⁵³³ и астрономии.⁵³⁴

Все эти способности позволили Аише создать и удержать уникальное положение в мусульманском обществе. Умелое применение ее дарований стало основой для целой цепи постепенно преувеличивавшихся оценок ее интеллектуальной мощи.

Сначала ортодоксальный ислам признал, что по знаниям Аиша превосходит любую другую Матерь верующих. Затем - что превосходит их всех вместе взятых. Вскоре стали говорить, что ее

⁵²⁹ См. ссылки в предыдущем примечании.

⁵³⁰ Ср., например, *Aghani*, III, 13; XV, 141; *Iqd*, I, 105, 232; *Isabah*, IV, 693; *Sifat al-Safwah*, II, 16.

⁵³¹ Ср. выше, с. 184 оригинала.

⁵³² *Sifat al-Safwah*, II, 16; Абу Нуайм, II, 49 и сл.; ср. аль-Бухари, III, 427, где приводится ее рассказ о доисламских формах брака.

⁵³³ См. предыдущее примечание и *Isabah*, IV, 693.

⁵³⁴ *Aghani*, X, 60; см. ниже, с. 208 оригинала.

знание больше знания всех женщин вместе. Наконец она была причислена к наиболее мудрым и знающим людям вообще.⁵³⁵

II

Значительная общественная деятельность Аиши в этот период не вытеснила ее деятельного интереса к судьбам многочисленных членов семьи Абу Бакра.

Несмотря на семейные ссоры и отдельные разногласия, она продолжала заботиться об общем благополучии и личном счастье родных и была готова защищать любого брата, сестру, племянника или племянницу от нападков извне.

Выше уже рассказывалось о роли Аиши в том, что она помешала браку своей молодой сестры Умм Кульсум с халифом Умаром.⁵³⁶ Вероятно, именно Аиша позднее устроила брак этой сестры с Тальхой.

После гибели Тальхи в Битве верблюда Аиша снова взяла овдовевшую Умм Кульсум под свое покровительство. Позднее та вышла замуж еще раз, но сестринская близость сохранялась настолько, что Умм Кульсум по просьбе Аиши вскормила грудью внука Умара. Благодаря этому он стал молочным родственником и мог свободно посещать Аишу.⁵³⁷

Забота Аиши распространялась и на детей Умм Кульсум и Тальхи. Она следила за поведением их юного сына Закарии⁵³⁸ и пришла на помощь их дочери - своей тезке Аише.

Молодая Аиша во многом походила на знаменитую тетку. Не связанная ограничениями, которым как Матери верующих должна была подчиняться старшая Аиша, Аиша бинт Тальха вела яркую светскую жизнь и заняла видное место в блестящем обществе своего времени.

Она соперничала с Сукайной, внучкой Али, за первое место в аристократических кругах Мекки. Обе были богаты сами по себе и щедро покровительствовали певцам и поэтам того еще весьма жизнерадостного периода раннего ислама.

⁵³⁵ *Isabah*, IV, 692 и сл.; *Sifat al-Safwah*, II, 15 и сл.; Абу Нуайм, II, 49 и сл.

⁵³⁶ См. выше, с. 91-93 оригинала.

⁵³⁷ Ибн Са'д, VIII, 338 и сл.; ср. выше, с. 27-29 оригинала.

⁵³⁸ Ибн Са'д, VIII, 99, 338.

Восхищенные современники, возможно не желая отдавать предпочтение ни одной из соперниц, называли их «двумя жемчужинами курайшитов».⁵³⁹

Обе красивые и блестящие женщины пользовались огромным успехом у женихов. Одним из достижений Мусаба ибн аз-Зубайра, родного брата Абдаллаха и, следовательно, племянника старшей Аиши и двоюродного брата младшей, стало то, что ему удалось жениться и на Сукайне, и на Аише.⁵⁴⁰

Первый брак своей юной племянницы старшая Аиша устроила с двоюродным братом девушки - Абдаллахом, сыном Абд ар-Рахмана ибн Аби Бакра.

Однако брак, похоже, оказался несчастливym. В какой-то момент супруги расстались, и младшая Аиша перебралась к тетке. Та не одобрила происходившего и через четыре месяца сумела примирить молодую пару.⁵⁴¹

Именно эта племянница позднее утверждала, что своими необыкновенными познаниями в звездах обязана урокам тетки Аиши.⁵⁴²

Похоже, Аиша вообще стремилась устраивать браки между племянниками и племянницами. Так, в отсутствие брата Абд ар-Рахмана она договорилась о браке его дочери Хафсы с Мунзиром, сыном Зубайра и Асмы бинт Аби Бакр. Вернувшись, Абд ар-Рахман возмутился самостоятельностью сестры, но брак все же состоялся.⁵⁴³

У Аиши и Абд ар-Рахмана возник еще один семейный спор - на этот раз из-за заботы о сиротах их убитого брата Мухаммеда.

Абд ар-Рахман, находившийся неподалеку в момент убийства Мухаммеда, сумел спасти его детей - мальчика Касима и девочку Курайбу - и увез их из Египта в Медину.

И Абд ар-Рахман, и Аиша хотели воспитывать детей у себя. Победила Аиша, но спор на некоторое время испортил отношения между братом и сестрой.

⁵³⁹ Ибн Халликан, II, 200; ср. Abbott, «Women and the State in Early Islam», *JNES*, I (1942), 347 и сл., 351, 363 и сл.

⁵⁴⁰ аль-Балазури, *Ansab*, V (Иерусалим, 1936), 282-285, 345; *Aghani*, III, 103 и сл., 122, 170-172.

⁵⁴¹ *Aghani*, X, 56.

⁵⁴² Там же, с. 60.

⁵⁴³ Ибн Са'д, VIII, 344; Малик, *Muwatta'* (Каир, 1339 г. х.), II, 37 и сл.

Позднее Касим объяснял ее мотив так: тетка хотела уберечь беспомощных сирот от возможного дурного обращения со стороны многочисленных жен Абд ар-Рахмана. Касим с любовью и благодарностью вспоминал заботу и нежность, которыми тетка окружила его и сестру. Когда дети выросли и уже могли постоять за себя, Аиша передала их Абд ар-Рахману.⁵⁴⁴

Абд ар-Рахман умер внезапно, вдали от дома, хотя и недалеко от Мекки. Тело доставили в город для погребения. Аиша пришла к могиле своего старшего, единокровного и к тому времени последнего оставшегося в живых родного брата и оплакивала его словами поэта.⁵⁴⁵

Выше уже неоднократно упоминались эпизоды, показывающие близость между Аишей и ее племянником Абдаллахом ибн аз-Зубайром. Однако источники знают и один случай серьезной размолвки.

Причиной стали деньги, хотя точную природу спора установить трудно. Возможно, Аиша распорядилась каким-то имуществом или средствами в виде даров и пособий либо продала часть собственности - вероятно, Муавии⁵⁴⁶ - при обстоятельствах, которые обеспокоили или рассердили Абдаллаха.

Услышав о сделке, он будто бы сказал, что непременно запретит Аише подобные действия, если она сама не прекратит их.

Его слова дошли до Аиши. В ответ она поклялась, что до конца жизни больше не будет разговаривать с Абдаллахом.

Прошло много времени, но она продолжала упорно держаться клятвы. Все просьбы за Абдаллаха она отвергала и даже отказывалась принимать его.

Наконец, при помощи друзей, племянник проник к ней хитростью. Миротворцы пришли вместе с ним к ее дому и попросили разрешения войти.

«Все?» - переспросили они.

«Да, все», - ответила Аиша, не подозревая, что среди них находится Абдаллах.

⁵⁴⁴ *Aghani*, XXI, 14 и сл.; имя девочки ср. ас-Суюти, *Lubb al-Albab*, изд. Veth (Лейден, 1840), с. 206.

⁵⁴⁵ *Aghani*, XIV, 70; *Isabah*, II, 980 и сл.

⁵⁴⁶ См. выше, с. 197 и сл. оригинала.

Когда они оказались лицом к лицу, начались долгие и слезные мольбы положить конец ссоре. В конце концов Аиша уступила.

Но заговорив с племянником, она нарушила собственную клятву. Чтобы успокоить совесть, она отпустила на волю сорок рабов.⁵⁴⁷

Упоминания о возможной продаже имущества показывают, что Аиша, вероятно, занималась операциями с недвижимостью, хотя масштабы такой деятельности установить невозможно.

Есть и отдельные сообщения о торговле рабами. Но и здесь трудно сказать, покупала и продавала ли она людей только для домашних нужд или также ради прибыли, как предполагают некоторые авторы.⁵⁴⁸

В любом случае самостоятельное ведение дел не отличало бы ее от многих аристократических арабских женщин того времени.

Сорок рабов, которых она, по преданию, освободила после ссоры с Абдаллахом, были специально куплены для этого случая.⁵⁴⁹ Впрочем, само число «сорок» вполне может быть позднейшим преувеличением, призванным усилить репутацию Аиши как благочестивой и щедрой женщины, поскольку освобождение раба считалось большой заслугой.

Еще будучи молодой женой Мухаммеда, Аиша не раз прибегала к такой форме благотворительности.⁵⁵⁰ Известны и случаи, когда она обещала собственным рабам свободу после своей смерти.⁵⁵¹

Рассказывают любопытную историю о рабыне, которой была обещана свобода после смерти хозяйки. Желая ускорить день освобождения, девушка якобы навела на Аишу смертельное колдовство.

Некий «врач», находившийся тогда в Медине, объявил, что Аиша вовсе не больна, а околдована. Рабыня призналась. Щедрая

⁵⁴⁷ аль-Бухари, IV, 129 и сл.; Ибн Ханбал, IV, 327 и сл.; Абу Нуайм, II, 49; *Sifat al-Safwah*, II, 14; ср. аль-Бухари, I, 383.

⁵⁴⁸ Например, Dermenghem, *Life of Mahomet*, пер. Arabella Yorke (Лондон, 1930), с. 286; однако источники автора не указаны.

⁵⁴⁹ Абу Нуайм, II, 49.

⁵⁵⁰ аль-Бухари, I, 29 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 135; Ибн аль-Асир, II, 209, 266.

⁵⁵¹ Ибн Са'д, V, 203; VIII, 42.

Аиша не наказала ее иначе, чем приказав продать и заменить другой.⁵⁵²

Помимо политических, семейных и хозяйственных дел, каким был внутренний строй жизни Аиши в этот период?

В преданиях множество ссылок на ее богобоязненность и молитвенность, проявлявшиеся и в поступках, и в словах. Рассказывают, что она читала Коран со слезами, подолгу постилась и молилась.⁵⁵³

Ей приписывают, например, мысль, которую можно свободно передать так: неважно, порицают человека или хвалят; важно лишь, достоин ли он на самом деле порицания или похвалы.⁵⁵⁴

Или, когда ее спросили, в какой момент человек становится грешником, Аиша будто бы ответила: «Когда начинает считать себя праведником».⁵⁵⁵

Не менее многочисленны рассказы об почти аскетической простоте ее быта. Во многих из них говорится или подразумевается, что Аиша не могла позволить себе жить в удобстве, а тем более в роскоши, пока помнила лишения и бедность жизни Мухаммеда⁵⁵⁶ и его личный совет довольствоваться малым из земных благ - запасом путника и поношенной одеждой - и остерегаться общества богачей.⁵⁵⁷

Поэтому, как рассказывают, она носила залатанную одежду и порой упрекала сподвижников пророка в роскошном образе жизни и дорогих нарядах.⁵⁵⁸

Собственные средства Аиши, происходившие из разных источников и, судя по всему, довольно значительные, по преданию, она в большой мере раздавала на благотворительность. Но похожие истории о почти безмерной щедрости рассказывались и о некоторых других Матерях верующих.⁵⁵⁹

⁵⁵² Ибн Ханбал, VI, 40; ср. Dermenghem, *op. cit.*, с. 286.

⁵⁵³ Например, *Sifat al-Safwah*, II, 14 и сл.; Абу Нуайм, II, 47-49.

⁵⁵⁴ *Iqd*, I, 220; II, 86.

⁵⁵⁵ Ср. Margaret Smith, *An Early Mystic of Baghdad* (Лондон, 1935), с. 137, 273.

⁵⁵⁶ Например, Ибн Са'д, I(2), 114.

⁵⁵⁷ Там же, VIII, 52 и сл.

⁵⁵⁸ Там же, I(2), 117 и сл.; *Iqd*, I, 394.

⁵⁵⁹ Например, Ибн Са'д, VIII, 45 и сл., 118.

Во всяком случае, для Аиши благотворительность начиналась дома.⁵⁶⁰ Причем понятие «дом» включало и отцовский, и материнский род.⁵⁶¹

Ее племянник Абдаллах ибн аз-Зубайр, который, как мы уже видели, считался также ее «сыном» и «наследником», сравнивал ее щедрость с щедростью своей матери Асмы.

Асма немедленно раздавала то, что оказывалось у нее под рукой. Аиша, напротив, предпочитала сначала накапливать полученное до значительной суммы или количества, а затем распределять так, чтобы помощь принесла наибольшую пользу.⁵⁶²

Но внимательное изучение источников заставляет сделать вывод, что Аиша не лишала себя земных благ и не позволяла благочестию чрезмерно ограничивать ее общественную свободу.

Она разумно избрала средний путь и в целом соблюдала принятые нормы приличия. Поэтому ее нельзя назвать ни столь «прогрессивной», как, например, ее племянницу и тезку Аишу, ни столь «консервативной», как ее «сестру» Умм Саламу.

Исходя из очевидных умеренности и самообладания, характерных для этого периода ее жизни, мусульманское предание постепенно создало образ почти аскетичной и глубоко благочестивой Аиши, чьим жизненным принципом будто бы было жить верой, надеяться на ее награду и щедро творить милостыню.

В результате она стала занимать высокое место не только среди мудрецов, но и среди святых ортодоксального ислама.⁵⁶³

Но как сама Аиша смотрела на себя? Чем гордилась? Как в конце жизни оценивала смысл пройденного пути?

Предания обычно перечисляют десять особых преимуществ, которыми, по ее словам, она отличалась от остальных жен Мухаммеда и которыми будто бы открыто и охотно гордилась.

Она была единственной женой Мухаммеда, вступившей с ним в брак девственницей; оба ее родителя принадлежали к мухаджирам; сам Аллах объявил ее невиновность; Джибрил

⁵⁶⁰ Ибн Са'д, VIII, 45 и сл., 118.

⁵⁶¹ Там же, с. 46, 77 и сл.; Ибн Ханбал, VI, 121.

⁵⁶² ан-Навави, с. 824; *Sifat al-Safwah*, II, 31.

⁵⁶³ Ср., например, Абу Нуайм, II, 43 и далее; *Sifat al-Safwah*, II, 14 и сл.; см. также Margaret Smith, *Rabi'a the Mystic and Her Fellow Saints in Islam* (Кембридж, 1928), с. 4.

показал Мухаммеду ее образ и велел жениться на ней; она совершала омовение из одного сосуда с Мухаммедом; Мухаммед молился в ее присутствии; получал откровения, когда она находилась рядом; умер у нее на руках; скончался в ночь, отведенную ей; и был похоронен в ее доме.⁵⁶⁴

Рассказывают также, что Аиша гордилась тем, что была самой любимой женой Мухаммеда, благородной и надежной дочерью надежного Абу Бакра и одной из тех, кому было обещано прощение и вознаграждение.⁵⁶⁵

Таким образом, предметы ее особой гордости были связаны либо с происхождением, либо с любовью Мухаммеда, либо с милостью Аллаха. И почти все они относились к раннему и, несомненно, самому счастливому периоду ее жизни - к годам, когда она была молодой и любимой женой пророка.

Если, оглядываясь назад, Аиша испытывала какую-либо гордость за грандиозное предприятие второго, бурного периода своей жизни, или если третий, сумеречный период принес ей подлинное удовлетворение, ортодоксальные предания об этом молчат.

Когда началась ее последняя болезнь - природа ее не указана, - Аиша поняла, что конец близок, и переубедить ее было невозможно.⁵⁶⁶

Она дала несколько распоряжений относительно похорон. Некоторые предлагали похоронить ее в собственном доме рядом с Мухаммедом. Аиша категорически запретила это и сказала, что хочет быть погребенной вместе с остальными своими «сестрами».⁵⁶⁷

Причины нежелания лежать рядом с Мухаммедом передаются в источниках неопределенно. По одной версии, Аиша чувствовала, что после смерти пророка уже не сохранила прежней чистоты или праведности.⁵⁶⁸

⁵⁶⁴ Ибн Са'д, VIII, 43 и сл.; *Isabah*, IV, 694.

⁵⁶⁵ *Isabah*, IV, 694; ан-Навави, с. 849.

⁵⁶⁶ Ибн Са'д, VIII, 53.

⁵⁶⁷ Ибн Кутайба, *Kitab al-Ma'arif*, изд. Wüstenfeld (Гёттинген, 1850), с. 66; *Iqd*, II, 283.

⁵⁶⁸ Ибн Кутайба, *Ma'arif*, с. 66; Ибн Са'д, VIII, 51.

По другой - считала, что после него ввела некое дурное новшество,⁵⁶⁹ что вполне можно понимать как намек на гражданскую войну против Али.

Есть и третья версия: она боялась, что погребение рядом с пророком заставит людей считать ее женщиной исключительной чистоты и праведности.⁵⁷⁰

Если соединить эти свидетельства, перед нами предстает умирающая Аиша, сознающая собственные слабости, искренне сожалеющая о них и прежде всего стремящаяся избежать тяжкого греха самодовольной уверенности в собственной праведности.⁵⁷¹

Читая различные рассказы о ее болезни и смерти, невольно замечаешь отсутствие в них радостного чувства духовной победы или предвкушения небесного блаженства.

Когда Аише сообщили, что Абдаллах ибн аль-Аббас просит разрешения войти, она ответила, что не нуждается ни в нем, ни в его похвалах.

Один или несколько ее племянников уговорили ее все же позволить этому праведному «сыну» проститься с ней. Аиша неохотно согласилась.

Пытаясь утешить ее, Ибн аль-Аббас перечислил несколько из тех десяти и более отличий, о которых говорилось выше; напомнил, как Аллах обратил различные события ее жизни на пользу верующим, и говорил о близкой встрече с Мухаммедом.

Ответом Аиши стало желание исчезнуть, раствориться в полном забвении.⁵⁷²

Некоторые передатчики опускают эту мрачную ноту,⁵⁷³ другие стараются объяснить разные формы этого высказывания как выражение ее покаяния.⁵⁷⁴

Среди вариантов встречаются такие: она хотела бы быть листком или деревом, которое возносит хвалу Аллаху и тем самым

⁵⁶⁹ *Iqd*, II, 283.

⁵⁷⁰ аль-Бухари, IV, 434.

⁵⁷¹ Ср. выше, с. 212 оригинала.

⁵⁷² Ибн Са'д, VIII, 51 и сл.; Ибн Ханбал, I, 276, 349; аль-Бухари, III, 297 и сл.

⁵⁷³ аль-Бухари, III, 297 и сл.

⁵⁷⁴ Ибн Са'д, VIII, 51.

исполняет свой долг; хотела бы быть одним из растений земли, о котором никто не вспоминает; камнем или куском глины.⁵⁷⁵

В других версиях ей приписывают слова о том, что она хотела бы, чтобы Аллах вообще не создавал ее или чтобы она никогда не была сотворена.⁵⁷⁶

Иначе говоря, умирающая Аиша желала, чтобы ей вовсе не довелось родиться.

Было ли это последнее, горестное желание любимой жены Мухаммеда и Матери верующих плодом глубокой религиозной убежденности в собственном недостойнстве - как можно было бы заключить из преданий, изображающих ее мудрецом и святой? Или оно исходило скорее из усталой души, трагически разочаровавшейся в жизни?

Аиша умерла во вторник, семнадцатого рамадана 58 года хиджры - 13 июля 678 года,⁵⁷⁷ в возрасте примерно шестидесяти четырех лет.

Из вдов Мухаммеда ее пережила Умм Салама и, возможно, также Маймуна.⁵⁷⁸

Похороны состоялись той же ночью. На них собралось одно из самых больших и впечатляющих стечений народа, какие до тех пор видел Город Пророка.

Абу Хурайра, исполнявший в то время обязанности наместника Медины, произнес над телом последнюю молитву. Ее «сын» Абдаллах ибн аз-Зубайр и его брат Урва были среди племянников и внучатых племянников, исполнивших у могилы обязанности ближайших родственников.

Аиша обрела последний покой рядом со своими умершими «сестрами» на кладбище аль-Баки.⁵⁷⁹

III

Последнему желанию Аиши - исчезнуть в полном забвении - не суждено было исполниться.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ Там же, с. 51 и сл.

⁵⁷⁷ Ср. *EL*, I, 217.

⁵⁷⁸ Абу Нуайм, II, 44; ат-Табари, III, 2437 и далее, особенно 2444 и 2453 и сл.; *Isabah*, IV, 795.

⁵⁷⁹ Ибн Са'д, VIII, 53 и сл.

На протяжении веков ортодоксальные мусульмане-сунниты продолжали восхвалять ее и чтить память о ней, тогда как неортодоксальные течения, особенно шииты - последователи Али, - продолжали публично проклинать ее вместе с прославленной троицей Абу Бакра, Умара и Усмана.

Запад в целом проявлял умеренный интерес к романтической стороне ее отношений с Мухаммедом. Востоковеды, уделявшие ей несколько больше внимания, порой ставили ее в один ряд с Агриппинами и Елизаветами мировой истории.⁵⁸⁰

Сегодня Аиша, по-видимому, готова вновь ожить - возможно, еще ярче, чем когда-либо прежде, - в сознании и сердцах все возрастающего числа мужчин и женщин Востока и Запада.

⁵⁸⁰ Ср. D. S. Margoliouth, *Mohammed and the Rise of Islam* (Лондон, 1927), с. 450.

УКАЗАТЕЛЬ

- Аарон, 42.
- Аббас, 40, 77, 115, 139.
- Аббасиды, 114-115, 125.
- Абдаллах ибн аль-Аббас, 125, 129, 151, 155, 164, 166, 183, 187, 194, 201, 203, 216.
- Абдаллах ибн Абд ар-Рахман, 208.
- Абдаллах ибн Аби Бакр, 5, 87.
- Абдаллах ибн Аби Кухафа - см. Абу Бакр.
- Абдаллах ибн Амир - см. Ибн Амир.
- Абдаллах ибн Амир аль-Хадрами, 130-131, 133.
- Абдаллах ибн Халаф, 162.
- Абдаллах ибн Масуд - см. Ибн Масуд.
- Абдаллах ибн Са'д - см. Ибн Аби Сарх.
- Абдаллах ибн Убайй, 29-32, 34, 37.
- Абдаллах ибн Умар, 138, 194, 201, 203.
- Абдаллах ибн аз-Зубайр, 64-65, 102, 141, 149, 155, 157, 160, 163, 166-167, 174, 187-188, 194, 197-198, 209-210, 213, 217.
- Абд Манаф, 143.
- Абд аль-Мутталиб, 16.
- Абд аль-Кайс, племя, 153.
- Абд ар-Рахман ибн Аби Бакр, 89-91, 102, 113, 124, 127, 149, 178-179, 189, 194-196, 208-209.
- Абд ар-Рахман ибн Ауф, 94, 101, 106-107, 110, 118.
- Авраам, 68, 131.
- Абу Бакр, viii, 58, 69, 74, 89-92, 96-97, 99-100, 102-103, 125, 153, 179, 182, 190, 194, 214, 218
- и Аиша - см. Аиша
 - назначение Умара преемником, 194-195
 - погребение рядом с Мухаммедом, 86, 100, 199
 - халиф, 81-86
 - и Мухаммед, 1-6, 12-13, 15, 32-36, 53-55, 74
 - интриги вокруг преемства, 69-80

— и Умар, 9-10, 12, 15, 104.

Абу Бакра, 175-176.

Абу аль-Фарадж аль-Исфахани, 26, 93.

Абу аль-Фида, 107.

Абу Хурайра, 201, 203, 217.

Абу Муса аль-Ашари, 88, 113, 151-154, 168, 178-179.

Абу Нуайм, 16.

Абу Саид, 188.

Абу Салама, 12-13.

Абу Шайба, 75.

Абу Суфьян, 15, 39-40, 129, 135, 188-189.

Абу Талиб, vii.

Абу Убайда, 70, 83.

Абиссинцы, 8, 40.

Прелюбодеяние, 36, 166.

«Агани», 26, 93.

Агриппина, 218.

Ахль аль-Байт, 15, 114, 139.

Ахмад Эрзерумский, xi.

Ахнаф ибн Кайс, 150, 161.

Аиша: рождение, 1

— погребение, 217-218

— благотворительность, 211, 213

— консерватизм, 93, 213

— внешность и описание, 24, 31, 146

— и избирательный совет, 100-102

— красноречие, 183, 196, 203-205

— забота о семье, 87-88, 92-93, 102, 180-181, 195, 206-

210, 213

— надежды на избрание Тальхи, 125

— болезнь и смерть, 214-217

— ревность, 14, 18-19, 29, 32-33, 44-45, 49-51, 63-65, 72

— стремление быть осведомленной, 97.

Аиша и Абу Бакр: одобрение его правления, 86, 125

- отношение к его избранию, 103-104
- интриги в его пользу, 69-80
- поручение семейных дел, 85-86, 90-91
- содержание, 85
- выговоры со стороны Абу Бакра, 2, 8, 55, 70
- дело «клеветы», 32, 34-36.

Аиша и Али: поражение в Битве верблюда, 158-163

- победа над наместником Басры, 142-149
- потеря поддержки куфийцев, 149-151
- поход против Али, 137-142
- траур после смерти Али, 182-183
- организация оппозиции, 128-137
- предпочтение Усмана Али, 102-104
- прием мирной миссии, 155-156
- примирение, 163-166, 177, 182-183
- неприязнь, 33, 37-38, 47.

Аиша: помолвка с Джубайром, 3.

Аиша и Мухаммед ибн Аби Бакр: убийство брата, 179-181.

Аиша: нейтралитет в войне между Али и Муавией, 177-179

- продажа имущества, 197-198
- вопрос о наследовании Язида, 193-196
- заговор против ее жизни, 151
- Коран, 203-205
- причины политического поражения, 173-176
- речи, 86, 131, 146, 157, 182-183
- торговля, 210-211
- как передатчица преданий, 97-98, 201-203.

Аиша и Умар: одобрение Умара, 96-97

- сотрудничество, 86-87, 91-94, 96, 102
- имущественные требования, 87
- отношение к избранию, 83-84
- разрешение на погребение в ее доме, 100

- первое место в государственном содержании, 95-96, 105
- отказ выдать за него Умм Кульсум, 91-93.
- Аиша и Усман: сопровождение в паломничестве, 105
- утверждение своей невиновности в убийстве, 132, 165-172
- осуждение убийства, 122, 130-132, 146, 168, 172
- критика Усмана, 105-112, 121, 132
- требование мести, 129-132, 138, 145-146, 168, 173, 183
- отношение к его избранию, 102-104
- участие в оппозиции, 109-110
- отказ на последний призыв о помощи, 123-125
- поддержка усмановской легенды, 185-187.
- Аиша бинт Тальха, 24, 207-208, 213.
- Али ибн Аби Талиб, 15, 113, 132, 144, 174, 188, 190-191, 216
 - и Аиша - см. Аиша
 - назначение Мухаммеда ибн Аби Бакра наместником Египта, 179
 - Битва верблюда, 158-162
 - задержка присяги Абу Бакру, 84
 - смещение наместников Усмана, 133-134
 - избрание, 127-128, 130
 - поход против мятежников, 140, 147-148
 - и Муавия, 133-140, 168-170, 177-178
 - убийство, 182-183
 - убийство Усмана, 126, 133-134, 167, 170
 - споры с Мухаммедом, 47-48
 - цареубийцы, 133, 155, 158, 173-174
 - отказ от арбитража, 168
 - соперничество с Тальхой и Зубайром, 125-127, 145, 150
 - соперничество с Усманом, 100, 102-104, 118-120, 122, 125-127
 - попытки привлечь Абу Мусу, 151-154, 168, 178-179
 - мирная инициатива, 154-156

— преемство Мухаммеда, 76-77, 81-84, 185.

Алиды, 114-115, 130, 139, 170-171, 183; см. также ши'а и шииты.

Аллах, 4-5, 14, 17-20, 33, 35-38, 40, 43, 48, 50, 55-57, 59-60, 123, 140, 169, 193, 195, 214-216.

Аммар ибн Ясир, 107-108, 110, 116-117, 152-153, 162, 166, 178.

Амр ибн аль-Ас, 92, 108, 115, 136, 168-170, 172, 178-179.

Андрэ, Тор, 18, 61.

Ансары, 6, 54.

Битва при Акрабе, 90.

Аравия, 1, 18, 22, 141.

Арабы, ix, 27-28, 82-83, 109, 143, 210.

Арбитраж между Али и Муавией, 168, 178, 186.

Аштар, 110, 112-113, 117, 126, 149, 153-154, 158, 160, 166, 180.

Аскар, верблюды Аиши, 141, 158-161, 166.

Асма бинт Аби Бакр, 5, 64, 208.

Асма бинт Нуман, 62-63.

Асма бинт Умайс, 113-115, 180.

Атика бинт Зайд, 87-89.

Аус, племя, 34.

Аус ибн Хаула, 54.

Азраки, 167.

Азд, племя, 150.

Бадр, битва при, 6, 9, 12, 90, 129.

Бахрейн, 85.

Аль-Байдави, 16.

Аль-Балазури, 10, 68.

Бану Ади, 160.

Бану Дабба, 160.

Бану Хашим, vii; см. также Хашимиты.

Бану Махзум, vii, 105, 107; см. также Махзумиты.

- Бану Мугира, 13.
Бану Мусталик, 27, 30.
Бану Надир, 38.
Бану Курайза, 38.
Бану Умайя, vii, 104-105; см. также Омейяды.
Бану Зубайр, 167.
Аль-Баки, кладбище, 100, 199, 218.
Барира, 33.
Басра, 106, 128, 133-134, 137-138, 140-141, 144-151, 155-157, 162, 164-165, 173, 183, 189-191, 193.
Басрийцы, 146, 149-150, 157-158, 172.
Белл, Ричард, 37.
Бойс, Уотсон, xi.
Брокельман, 74.
Буль, 30.
Аль-Бухари, 2, 202.
Византия, 116, 195.
Каэтани, x, 6, 70.
Битва верблюда, 90, 115, 118, 158-163, 168-173, 175, 194, 199, 206.
Казанова, x.
Китайцы, ix.
Западное христианство, 17.
Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, 19.
Копты, 39, 50-51, 116.
Даджжалъ, 11-12.
Дамаск, 89, 135.
Ад-Дамири, 180.
Ад-Дани, 204.
Дар аль-маль, 101.
«День плача», 138.
Делла Вида, 102, 118.
Дерменгем, 32.

- Зат Ирк, 138, 142.
 Зу-Кар, 154.
 Ад-Динавари, 126.
 Египет, 39, 113, 115-121, 179-180, 209.
 Египтяне, 117, 119, 124-127, 129, 136.
 Елизавета, 218.
 Евфрат, 154.
 «Фахри», 126.
 Фатима, 5, 15, 46-48, 77, 84, 92, 138-139.
 Фолсом, Харриет Амелия, 19.
 Молочное родство, 1, 27-29, 207.
 Фустат, 117.
 Джибрил, 214.
 Голт, Кэролайн Моррис, 25.
 Гассаниды, 51, 54.
 Гольдциер, х, 204.
 Хабаша, 8.
 Хафса бинт Абд ар-Рахман, 208.
 Хафса бинт Умар, 9-12, 26, 41-42, 44, 50-54, 63, 77, 96, 138, 205.
 Хайкал, Мухаммад Хусайн, 16.
 Хейл, Эмма, 19.
 Хамна бинт Джахш, 32, 37.
 Хамран ибн Абин, 106.
 Харун ар-Рашид, 75.
 Хасан ибн Али, 152, 183, 188, 198.
 Хассан ибн Сабит, 32, 37, 73.
 Хауаб, 143-144.
 Хиджаб, 20-29, 41, 49, 174.
 Хиджаз, 94, 118, 134, 156, 165, 194.
 Хиджр, 131.
 Хиджра, бегство Мухаммеда, viii, 4-5.
 Хинд, жена Абу Суфьяна, 174.

- Хинд бинт Аби Умайя - см. Умм Салама.
Хишам ибн Утба, 112.
Хишам ибн аль-Валид, 108.
Худайбийский договор, 40, 90.
Хузайфа ибн аль-Яман, 113.
Хужр ибн Ади, 190-193, 198.
Хусайн ибн Али, 89, 194, 198.
Ибн аль-Аббас - см. Абдаллах ибн аль-Аббас.
Ибн Абд Раббихи, 63.
Ибн Аби Сарх, 108-109, 115-117, 120.
Ибн Аби Шайба, 75.
Ибн Амир, 133, 137, 144-145, 148.
Ибн аль-Араби, 172.
Ибн Асакир, 65.
Ибн аль-Асир, 87, 181.
Ибн Хаджар, 3.
Ибн Ханбал, 1.
Ибн Хишам, 1.
Ибн аль-Джаррах - см. Абу Убайда.
Ибн аль-Джаузи, 107.
Ибн Халликан, 160.
Ибн Манзур, 33.
Ибн Масуд, 109-110.
Ибн Кутайба, 197, 215.
Ибн Са'д, 1.
Ибн Тагриберди, 116.
Ибн ат-Тиктака, 126.
Ибн Умар - см. Абдаллах ибн Умар.
Ибн аз-Зубайр - см. Абдаллах ибн аз-Зубайр.
Ибрахим, сын Мухаммеда, 39.
Индийцы, ix.
«Икд», 63.

- Ирак, 115, 147-149, 156.
 «Исаба», 3.
 Джафар ибн Аби Талиб, 72, 113-114.
 Джеффери, 204.
 Евреи, 19, 38-39, 42-43, 94, 200.
 Джинн, 20.
 Джубайр ибн Мутим, 3-4.
 Джухайна, племя, 170.
 Джувайрия бинт аль-Харис, 26-27, 29, 38, 42-43, 95.
 Ка'б ибн Сур, 147-150, 155, 158-159, 171.
 Кааба, 48, 156.
 «Камиль», 97.
 Кербела, битва при, 89.
 Хадиджа, vii-viii, 1-2, 4, 16, 48, 61, 176.
 Хайбар, 39, 42, 94.
 Халид ибн аль-Валид, 40, 54, 90, 108.
 Битва у Рва, 58.
 Хариджиты, 167.
 Хаула бинт Хаким, тетка Мухаммеда, 2-4.
 Хазрадж, племя, 34.
 Хурайба, 157.
 Кинана, 39.
 Кинда, 62.
 Аль-Кинди, 118.
 Куфа, 107, 109-110, 112-113, 122, 128, 142, 147, 149, 151-154, 191-192.
 Куфийцы, 112, 151-154, 156, 190.
 Кунья, 64.
 Лайла бинт аль-Джуди, 89.
 Ламменс, х, 6, 48, 64, 70-72, 74-75, 80, 91, 197.
 Макдональд, Элизабет Мэри, 25.
 Маймуна бинт аль-Харис, 15, 40, 51-52, 54, 68, 77, 105, 114, 216.

Махзумиты, 1, 12, 15, 47, 82, 108; см. также Бану Махзум.

Малик ибн Анас, 90.

Малик ибн аль-Харис - см. Аштар.

Аль-Макризи, 118.

Марголиут, Д. С., 218.

Марр аз-Захран, 142.

Брак, 17, 19-20, 22, 60-63, 205; см. также гаремная жизнь и многоженство.

Марван ибн аль-Хакам, 115, 118-120, 123-124, 132, 141-143, 156, 161, 173, 194-195, 198-199.

Мария Коптка, 39, 50-51.

Аль-Масуди, 137.

Аль-Маварди, 176.

Мекка, vii-viii, 1, 4-6, 13, 15, 27, 29, 40, 58, 69, 74, 94, 110, 123, 125-131, 133, 136-139, 141-143, 165, 201.

Мекканцы, 40, 82, 138.

Медина, vii-viii, 4-6, 13, 16, 27, 29-31, 34, 37, 39, 42, 58, 61-62, 65, 69, 85, 89, 110-114, 117-120, 125-126, 128-132, 135-139, 145-147, 150, 156, 164-165, 182, 194, 196, 198-201, 209, 211, 217.

Мединцы, 51, 82, 89, 147.

Мистах ибн Усаса, 37.

Мисвар ибн Махрама, 101.

Мухаммед, Пророк, 143-144, 166, 194, 200, 212, 214-216

— и Аиша - см. Аиша

— погребение, 69, 86, 100, 198-199, 214

— детство и юность, vii-viii

— забота о женах, 66-67

— любимые жены, 43-44

— Хиджра, viii, 4-5

— запрет вдовам снова выходить замуж, 21, 57-58

— предоставление женам права уйти, 55-56

— мнение о правлении женщин, 174-175

— гарем и политические партии, 15, 41, 44

— эпизод с медом, 44-45

- болезнь и смерть, 68-69, 75, 82
- установление затворничества, 20-26, 28-29
- сцены ревности, 41-44, 49-51, 98
- браки, vii-viii, 1-9, 26-27, 38-40, 59-61
- реликвии, 108, 185
- временное отделение от жен, 48-55
- стремление к равенству между женами, 41-45, 49-50, 68-69
- и Усман, 76, 103, 185
- вдовы, 84-85, 94-95, 98-99, 105, 121-123, 139, 147, 149, 173, 217.
- Мухаммед ибн Аби Бакр, 91, 113-117, 119-121, 124, 151, 162-165, 173, 179-182, 209.
- Мухаммед ибн Аби Хузайфа, 115-118, 120, 123, 126.
- Мухаммед ибн Джафар, 151.
- Мухаммед Шафи, 75.
- Мухаммед ибн Тальха, 141, 149, 160, 170-171.
- Монголы, ix.
- Моисей, 41.
- Матери верующих, 21, 57-58, 84, 94-96, 98-99, 107, 121, 139, 149, 173, 201; см. также вдовы Мухаммеда.
- Муавия ибн Аби Суфьян, 112, 167, 210
 - и Аиша - см. Аиша
 - обращение Усмана за помощью, 126
 - назначение Язида наследником, 193-196
 - притязания на халифат, 168
 - казнь Хужра ибн Ади, 192-193, 198
 - вторжение в Египет, 118
 - противостояние Али, 133-135, 168-169
 - политика выжидания, 135-138, 156, 169-170, 173
 - примирение с Ибн аль-Аббасом, 199
 - тайная переписка с Зубайром, 134, 158
 - соглашение с Хасаном ибн Али, 183.
- Муавия ибн Худайдж, 179-181.

- Аль-Мубаррад, 97.
 Мугира ибн Шуба, 92-93, 143, 168, 172, 191.
 Мухаджиры, 6, 29-30.
 Мухаммад Али, Маулви, 16.
 Мьюир, 39, 101.
 Мунафикуны, лицемеры, 24, 29.
 Мунзир ибн аз-Зубайр, 208.
 Мурра, вольноотпущенник Абу Бакра, 189-190.
 Мусаб ибн аз-Зубайр, 207-208.
 Мусайлима, 90.
 Муслим, традиционалист, 202.
 Мутим ибн Ади, 3-4.
 Аль-Муттаки, 75.
 Нафи ибн Масрух - см. Абу Бакра.
 Наила, жена Усмана, 119, 126-127, 135, 180, 182.
 Неджд, 62, 156.
 Ан-Насаи, 44.
 Ан-Навави, 1.
 Негус Абиссинии, 40.
 Нёльдеке, х, 204.
 Нуман ибн Аби аль-Джаун, 62.
 Нуман ибн Башир, 185.
 Палестина, 117.
 Персы, ix, 175, 195.
 Паломничество, 41, 43, 94, 104, 123-125, 128-129, 140, 165, 181, 193.
 Многоженство, 19, 22; см. также гаремная жизнь и брак.
 Битва при Кадисии, 97.
 Кака ибн Амр, 154-157, 166.
 Касим ибн Мухаммед, 199, 209.
 Царица Савская, 176.
 Курайба, жена Умара и Абд ар-Рахмана, 89-90.
 Курайба бинт Абд ар-Рахман, 209.

Курайш, vii, 116, 129, 131-132, 138, 201, 207.

Коран, 109-110, 126, 146, 159, 177, 204-205, 212; цитаты, 20-23, 35-37, 56-57, 58-59, 145-146, 152, 173.

Ар-Рабаз, 147.

Райхана бинт Зайд, 38-39, 51.

Рамла бинт Аби Суфьян - см. Умм Хабиба.

Рукайя, 9.

Сабра ибн Шайман, 150.

Са'д ибн Аби Ваккас, 101, 109, 167-168, 199-200.

Са'д ибн Муаз, 34.

Са'д ибн Убада, 34.

Сафия бинт Хуяй, 39, 42-44, 51-52, 95, 122, 200.

Сафван ибн аль-Муатталь, 31-32, 37, 204.

Саид ибн аль-Ас, 112-113, 142-143, 190, 198-199.

Саджах, пророчица, 174.

Сариф, 129, 139.

Сауда бинт Зама, 3-8, 11-12, 24, 26, 41-42, 44-45, 94, 197.

Затворничество женщин - см. Хиджаб.

Сили, Кейт Чемберс, 167.

Шабас ибн Риби, 154.

Царица Савская, 176.

Ши'а, 191-192, 218.

Шииты, 124, 144, 166, 171, 183; см. также Алиды.

«Сифат ас-Сафва», 107.

Сиффин, битва при, 135, 168, 177-178, 185.

«Сира аль-Халабия», 75.

Де Слан, 160.

Смит, Джозеф, 19.

Смит, Маргарет, 212, 214.

Шпренглинг, Мартин, xi, 124, 140.

Стерн, Гертруда, 20.

Сукайна, 207-208.

Сульсул, 125.

- Ас-Суюти, 209.
- Сирия, 89, 112, 117, 126-127, 134, 136-137, 156, 192.
- Ат-Табари, 3, 50, 183.
- Табук, 51.
- Тариф, 11, 87.
- Тайм, племя, 26.
- Тальха, 5, 58-59, 100, 102, 118, 122, 125-129, 136-150, 155-161, 166-167, 170-171, 173-174, 188, 206-207.
- Тамим, племя, 150.
- Ат-Тирмизи, 7.
- Предание, ix-x, 75, 98, 186-187, 201-203, 213.
- Турки, ix.
- Убайд ибн Аби Салама, 130, 132.
- Ухуд, битва при, 10, 12, 90.
- Умар, сын Умм Саламы, 140.
- Умар ибн аль-Хаттаб, 9-10, 58, 104, 107, 160, 195, 206, 218
- и Аиша - см. Аиша
 - назначение халифом Абу Бакром, 194-195
 - создание избирательного совета, 100-101
 - смерть и погребение, 99-102, 199
 - тесть Мухаммеда, 9-10
 - государственное содержание, 95
 - брак с дочерью Али, 92-93
 - гарем Мухаммеда, 49, 52-56
 - вдовы Мухаммеда, 94-95, 105
 - строгость к женщинам, 33, 49, 52-53, 59, 86, 88, 91, 93-95
 - интриги вокруг преемства, 79, 82-83
 - Умм Салама, 13, 52-53
 - поддержка затворничества, 24-26.
- Омейяды, 15, 82, 103, 106, 118, 157, 161, 173, 183, 186, 189, 192-193, 199; см. также Бану Умайя.
- Умм аль-Фадль, 114, 139.

Умм Хабиба, 15, 39, 105, 106, 122-123, 127, 138, 180-182, 189.

Умм Кульсум бинт Аби Бакр, 59, 91-93, 102, 206-207.

Умм Кульсум бинт Али, 92-93.

Умм Кульсум бинт Мухаммед, 5.

Умм аль-Масакин - см. Зайнаб бинт Хузайма.

Умм Руман, 2, 5, 7, 32, 34-36.

Умм Салама, 12-16, 18, 24, 26, 30, 43-47, 51, 53-54, 65, 77-79, 89, 98, 105, 107-108, 117, 121, 138-140, 176, 188, 202-203, 205, 213, 217.

Умра, 129, 140, 193; см. также паломничество.

Урва ибн аз-Зубайр, 217.

Усайд ибн Худайр, 34.

Усама ибн Зайд, 33, 37.

Усман ибн Аффан, 72, 85, 94, 133-134, 167-168, 182, 185-186, 192, 218

— и Абу Бакр, 104

— и Аиша - см. Аиша

— халиф, 104-127

— избрание, 100-104, 106

— почести со стороны Мухаммеда, 103, 185-187

— стандартный текст Корана, 109-110

— недовольство в Куфе, 107-113, 122-123, 146

— вдовы Мухаммеда, 83, 94, 105, 107-108, 117-118, 121-122

— убийство, 126-127, 129-130, 146, 158, 161, 165, 170-171, 179, 185-186

— nepoтизм, 104-113, 115-116

— восстание против него, 113, 115-125, 190

— зять Мухаммеда, 9-10

— интриги вокруг преемства, 76, 185-187

— и Умар, 9, 104

— месть за убийство, 130-132, 134-136, 138, 142, 145-149, 153, 155-156, 168, 173, 178.

- Усман ибн Хунайф, 144, 146-148, 155.
Усман ибн Мазун, 2.
Аль-Валид ибн Укба, 109-112, 113, 115.
Аль-Вакиди, 74.
Велльхаузен, х, 105, 128.
Венсинк, 83.
Уилсон, Джон А., хі.
Женщины, vii-ix, 3, 7, 14, 18-19, 21-23, 27, 69, 72, 86, 93, 111, 201, 211, 218
— см. также гаремная жизнь, хиджаб, брак.
Вюстенфельд, 75.
Яла ибн Умайя, 133.
Ямама, 156.
Йемен, 133-134.
Аль-Якуби, 43, 139.
Якут, 130.
Язид ибн Харун, 75.
Язид ибн Муавия, 193-196.
Янг, Бригам, 19.
Зайд ибн Али, 66.
Зайд ибн Хариса, 5, 16-17, 33.
Зайд ибн Сухан, 153-154.
Зайнаб бинт Джахш, 16-18, 20-21, 23-24, 26, 29, 46-47, 50, 94, 98-99.
Зайнаб бинт Хузайма, 12, 14.
Закария ибн Тальха, 207.
Зияд ибн Аби Суфьян (Ибн Абихи), 184, 188-193.
Зубайр ибн аль-Аввам, 64-65, 88, 101-102, 118, 122, 125-129, 134, 136, 139, 141-150, 155-161, 166-167, 170, 173-174, 188, 208.
Зуфар ибн аль-Харис, 177-178.

**Серия «Middle East Collection»
издательства Arno Press**

- Эбботт, Набия. *Аиша: возлюбленная Мухаммеда*. 1942.
- Аддисон, Чарльз Г. *Дамаск и Пальмира*. 1838. 2 тома в одном.
- Адывар, Халиде Эдиб. *Турция обращается к Западу*. 1930.
- Баддели, Джон Ф. *Суровые склоны Кавказа*. 1940. 2 тома в одном.
- Баркер, Эдвард Б. Б., ред. *Сирия и Египет при последних пяти султанах Турции*. 1876. 2 тома в одном.
- Белл, Гертруда Лотиан. *Сирия: пустыня и возделанная земля*. 1919.
- Боуринг, Джон. *Отчет о торговой статистике Сирии*. 1840.
- Бриджес, Харфорд Джонс. *Династия Каджаров*. 1833.
- Черчилль, Чарльз Х. *Друзы и марониты под турецкой властью с 1840 по 1860 год*. 1862.
- Денон, Виван. *Путешествия по Верхнему и Нижнему Египту*. 1803. 3 тома в одном.
- Дональдсон, Бесс Аллен. *Дикая рута: исследование мусульманской магии и фольклора в Иране*. 1938.
- Итон, Уильям. *Обзор Турецкой империи*. 1798.
- Форбс-Лейт, Ф. А. К. *Шах и мат: воинская традиция Центральной Персии*. 1927.
- Фрейзер, Джеймс Бейли. *Рассказ о пребывании персидских принцев в Лондоне в 1835 и 1836 годах*. 1838. 2 тома в одном.
- Фрейзер, Джеймс Бейли. *Зимнее путешествие (татарским путем) из Константинополя в Тегеран*. 1838. 2 тома в одном.
- Гобино, Жозеф Артюр. *Романы Востока*. 1878.
- Исламское налогообложение: два исследования*. 1973.
- Киннейр, Джон Макдональд. *Географический очерк Персидской империи*. 1813.
- Крусинский, Юдаш Тадеуш. *История недавней революции в Персии*. 1740. 2 тома в одном.
- Лейн-Пул, Стэнли. *Каир: очерки его истории, памятников и общественной жизни*. 1898.

Ле Стрейндж, Гай, ред. *Дон Жуан Персидский: шиит-католик, 1560-1604*. 1926.

Лидер, С. Х. *Современные сыновья фараонов: исследование нравов и обычаев коптов Египта*. 1918.

Мидхат-бей, Али Хайдар. *Жизнь Мидхат-паши*. 1903.

Миллер, Барнетт. *Дворцовая школа Мухаммеда Завоевателя*. 1941.

Миллспо, Артур Честер. *Американская миссия в Персии*. 1925.

Наима. *Летописи Турецкой империи с 1591 по 1659 год христианской эры*. 1832.

Джемаль-паша. *Воспоминания турецкого государственного деятеля, 1913-1919*. 1922.

Пирс, Эдвин. *Жизнь Абдул-Хамида*. 1917.

Филби, Гарри Сент-Джон Бриджер. *Аравия ваххабитов*. 1928.

Сент-Джон, Бейл. *Деревенская жизнь в Египте*. 1852. 2 тома в одном.

Шейл, леди Мэри. *Картины жизни и нравов Персии*. 1856.

Скрин, Фрэнсис Генри, и Эдвард Денисон Росс. *Сердце Азии: история Русского Туркестана и среднеазиатских ханств с древнейших времен*. 1899.

Сайкс, Марк. *Последнее наследие халифов: краткая история Турецкой империи*. 1915.

Сайкс, Перси М., ред. *Слава шиитского мира*. 1910.

Де Тотт, барон. *Мемуары барона де Тотта*. 1785. 2 тома в одном.

Убичини, М. А. *Письма о Турции*. 1856. 2 тома в одном.

Вамбери, Арминий. *Арминий Вамбери: его жизнь и приключения*. 1914.

Вамбери, Арминий. *История Бухары*. 1873.

Уоринг, Эдвард Скотт. *Путешествие в Шираз по пути через Казерун и Фирузабад*. 1807.